

К.Тюников

**ТЕРИЙОКИ
ЗЕЛЕНОГОРСК
И ОКРЕСТНОСТИ**

Константин ТЮНИКОВ

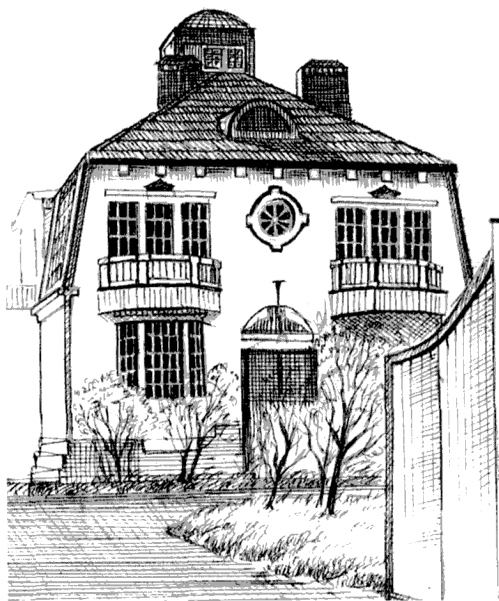
ТЕРИЙОКИ
ЗЕЛЕНОГОРСК
И ОКРЕСТНОСТИ

1548-2008

Санкт-Петербург
2008

Издание выпущено при поддержке
Комитета по печати и взаимодействию
со средствами массовой информации
Санкт-Петербурга

Константин Тюников

“ТЕРИЙОКИ - ЗЕЛЕНОГОРСК и окрестности.”

- СПб, ООО Издательство “Курорты Петербурга”, 2008. - 152с., Илл.

ISBN 978-5-9900895-2-5 ©Тюников К.В. Текст, оформление. 2008.

Зеленогорск - один из малых российских городов, находящийся в пределах административной границы Санкт-Петербурга на берегу Финского залива и являющийся одним из самых живописных пригородов северной столицы.

За свою почти пятивековую историю он трижды менял свое имя. До 1917 года русское население именовало его Териоками, после провозглашения независимой Финляндии, было узаконено его финское название Терийоки. С 1940 года, когда этот город вошел в состав СССР после Советско-финской войны, он обрел свое старое русское название. С 1948 года Териоки были переименованы в Зеленогорск.

Военные конфликты XX века разрушили привычный уклад жизни этого города. В 1939 году все население покинуло Терийоки, образовав общину в Финляндии, которая живет, сохраняя свои традиции. Именно в Финляндии выпускались многочисленные воспоминания финских старожилов городка, русские эмигранты-териокцы издавали в Хельсинки свой журнал «Наша жизнь». В советской историографии была разрешена только одна тема - пребывание в Териоках В.И.Ленина.

В 1998 году Зеленогорск отметил свой 450-ти летний юбилей, вызвавший всплеск интереса к истории и культуре этого города. Именно в этом году был опубликован первый большой сборник материалов о Териоках, собранных редакцией газеты «Зеленогорский вестник». Второй том сборника, получившего название «Терийокский альбом», вышел в 1999 году. Большинство этих и абсолютно новых исторических исследований легли в основу предлагаемой Вашему вниманию книги.

При подготовке очерка были использованы материалы А.К.Молчанова, Г.С.Усыскина, К.Ю.Виноградова, С.М.Хентовой, Е.В. Кириллиной, Б.Е.Казанкова, Н.Н.Шмитко, рисунки И.Н.Гавчука, фотографии А.А.Жукова, а также материалы и фотографии из собрания автора. Все финские документы и исследования переведены А.К.Молчановым.

НЕВЕЛИК ГОРОДОК	9
Наследство казненного контрабандиста	11
Российская Финляндия	14
«Словно где-нибудь в Нише»	19
ДЫХАНИЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА	43
Дачный театр с Мейерхольдом	46
Приют изгнанников	58
«Грандиоз» Андреева	60
Родина «Чукоккалы»	63
В «Пенаты», к Репину!	73
Финляндский дворик Серова	84
Триумф Горького	87
Сказки и сны Мариок	90
ЭМИГРАНТЫ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ СЕПАРАТИСТОВ	99
«Поэт нашего селения»	108
ТЕРИЙОКСКИЕ ХРАМЫ	117
В НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ	133
Жизнь без курорта	141
Возвращение рая	147
Новые лица старого пляжа	154
В огне двух войн	167
ИЗ ТЕРИЙОКИ - В ЗЕЛЕНОГОРСК	177
ПРИМЕЧАНИЯ	190
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	193
ИЛЛЮСТРАЦИИ	145

Зеленогорск - это, пожалуй, больше, чем географическое понятие на карте Петербурга, это - особое место, где воедино слились гармония моря, уникальная симфония природы Карельского перешейка, поэтический воздух многоликих ландшафтов. На протяжении веков здесь не только проходила граница между Россией и странами Северной Европы - Швецией и Финляндией, здесь происходил уникальный процесс взаимопроникновения культур. «Териокско-Зеленогорский район всегда был центром, где встречались культура России и культура Финляндии. - писал академик Д.Лихачев. - В Териюках и в окружающих его дачных местах работали и отдыхали И.Репин, В.Серов, ставил свои театральные постановки В.Мейерхольд, пел Ф.Шаляпин, творили Д.Шостакович, М.Горький, Л. Андреев, В.Короленко, В.Маяковский, К. Чуковский, вокруг Юрия Анненкова, Ивана Пуни и Кульбина зарождался русский живописный авангард, творили Анна Ахматова, Евгений Шварц, Галина Уланова, Федор Абрамов, выдающаяся шведско-финская поэтесса Эдит Федергран и многие выдающиеся учёные, первым из которых следует назвать Ивана Павлова.

Сейчас с потерей Россией большинства черноморских и кавказских курортов Зеленогорск и окружающие его местности должны расширить в будущей процветающей России не только свои оздоровительные возможности, но и возможности углублённой творческой работы, требующей спокойного общения с морем и лесом».¹

За почти пятисотлетнюю историю этот город повидал много знаменитостей, чьи имена вполне могут составить целую энциклопедию.

В 1548 году в Выборге казнили нескольких контрабандистов, среди них оказался Антти из Терийоки. Именно документ об этом событии стал первым упоминанием о Терийоки-Зеленогорске. В течение столетий рыбачий посёлок Терийоки жил неприметной жизнью и лишь после открытия в 1870 году железной дороги превратился в излюбленный дачный и курортный пригород российской столицы.

Петербургский курорт изначально сложился как демократический. Здесь отдыхали не самые богатые горожане: творческая и научная интеллигенция, купцы и прочая разночинная публика. Дворяне выезжали в свои имения, либо, как и все состоятельные господа, предпочитали отдыхать и лечиться «на водах»: в Баден-Бадене, Ницше, Карлсбаде. Дачная жизнь на природе была привлекательна для тех, кто находил удовольствие в недорогом и непринужденном отдыхе, который вполне можно было совместить с творчеством: для поэтов, художников, литераторов, учёных, актёров столичных театров. Их привлекали не только красоты природы, но и нестрогий режим автономного Великого княжества Финляндского, относительная дешевизна удовольствий и близость столицы, куда можно было быстро съездить по делам.

Местность по обе стороны границы удивительно быстро оказалась освоена и приспособлена для отдыха. Были построены пристани, яхт-клубы, пансионы, гостиницы, казино, сотни деревянных дач в стиле «северный модерн» органично вписались в пейзажи, пляжи покрылись специальными сходнями для купания и будками для пере-

одевания.

К великому сожалению, большая часть деревянного великолепия оказалась недолговечной. Революции и войны безвозвратно лишили нас этой хрупкой красоты: сгорели знаменитые казино Куоккалы и Терийокского морского курорта, большая часть терийокских особняков были разобраны и увезены в Финляндию своими владельцами, исчезло сказочное имение Мариоки, замок Арфа, удивительный дом Л.Андреева...

XX столетие стало для Зеленогорска временем испытаний, временем расцвета в эпоху, называемую «Серебряным веком», временем разорения в трёх кровопролитных войнах, временем послевоенного возрождения и временем перестроечного упадка.

По меткому замечанию Д.Лихачева, в Терийоках бывали все: и фрейлина А.Вырубова, и ювелир К.Фаберже, и священник-провокактор Г.Гапон, и убийца Л.Троцкого – Рамон Меркадер, и первый президент Финляндии маршал Г.Маннергейм, и, разумеется, весь «цвет» русской революции, начиная с В.Ленина и Г.Плеханова ...

Именно Терийоки в 1939 году стали столицей марионеточного “Терийокского правительства” во главе с О.Куусиненом.

В 1990 году зеленогорский Храм Казанской иконы Божией Матери освящал Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

В Зеленогорске и окрестностях расположены дома и дачи современных политиков, деятелей культуры и искусства.

Сегодня Зеленогорск - любимое место отдыха не только петербуржцев, но и многих наших сограждан, приезжающих сюда за целебным воздухом, насыщенным ароматом сосен, наполненным солнцем и поэтическим духом местности. Здесь расположились десятки здравниц, здесь всегда царит великолепие природы, здесь всё располагает к отдохновению от суеты. В любое время года петербургский курорт очарователен, и в этом, наверное, залог его притягательности.

НЕВЕЛИК ГОРОДОК

Терийоки, Выборгской губернии, на 49-м километре по Финляндской железной дороге от Петрограда. Вдоль взморья тянется сухой сосновый лес, подходящий к самому берегу. Климат - умеренный, сухой. Железнодорожная станция в двух верстах от центра дач прибрежной полосы. Оживленная дачная местность, обычно заселяемая летом 40 - 50 тысячами петроградцев. Наиболее удобный и дорогой район - прибрежная полоса в семь километров между поселками Тюрисевя и Келломьяки. К северу местность сыровата, заселена менее, и потому дешевле. Ценность дачи из одной-трех и более комнат от 50-75 рублей до 1 500 рублей за сезон.» - рассказывал справочник «Лечебные местности России», который вышел в 1915 году. - «Есть, кроме частных дач, две гостиницы: на берегу моря - Акционерного Общества, владеющего также ветлечебницей и казино, и «Белль-вю» - на терийокском шоссе. При обеих рестораны. Затем, кроме весьма приличного ресторана на вокзале, есть несколько столовых в разных местах Терийок. Общая характеристика этой дачной местности - дороговизна, при отсутствии удобств, и весьма устойчивая дороговизна продуктов.

Небольшой парк выходит к взморью: в нем казино с театром, где играют летом русские труппы. Существует яхт-клуб. Море мелкое: хорошо устроенное заведение для теплых ванн, есть общественный парк.»¹

О Терийоках в начале XX века писали довольно часто и в финской, и в русской печати, о нем говорили, им восторгались, его ругали за «дикую смесь» нравов, его называли «столицей Перешейка». Сюда съезжалась петербургская богема, сюда бежали от преследования полиции революционеры всех мастей, здесь кипела бурная и инте-

ресная жизнь.

Большую часть своей истории Терийоки был поселком, название которого не было окутано невероятными легендами. «Йоки» - по-фински, речка. Слово «тери» обычно производят от финского «терва» - смола. На саамском языке «террь» - острие, а «террьм» - горка. В латышском языке есть слово «терце» - заросший лесной ручей. По одному из финских преданий, Терийоки получил свое имя от того, что на Черной речке (Ваммельсуу) нашли старинное холодное оружие (теря - асе). Другое предание говорит о том, что финны и русские воевали здесь, и предводитель русских крикнул: «Дери его!», это и дало имя местности.² Так или иначе, название Терийоки пришло к нам из глубины веков.

До конца XIX века о Терийоках почти не вспоминали, ибо это был совершенно крошечный финский поселок, историей которого никто не интересовался, хотя жители скорее всего знали, что истоки этой истории уходят в далекое средневековье.

НАСЛЕДСТВО КАЗНЕННОГО КОНТРАБАНДИСТА

Первым упоминанием о Терийоки стал документ 1548 года, зафиксировавший казнь в Выборге местного контрабандиста Антти.

Ореховский мир 1323 года определил первую государственную границу между Новгородом и Швецией на Карельском перешейке. Южная часть границы прошла по реке Сестре, где русским, проживавшим на левобережье, было, однако, разрешено ловить рыбу в море около Куоккала - это было первое документальное упоминание о нынешнем Репино.

Восточное побережье Выборгской Карелии от Сейвястё (сейчас Озерки) до устья Райа-Йоки (р. Сестра) оказалось в положении пограничной зоны. На южном побережье Финского залива издавна жили родственные карелам финские племена. Западнее - эсты, там располагались Нарва и Ревель. Зачастую жители «восточного побережья» везли

свои товары не столько в свой административный центр Выборг, сколько в Нарву, Тарту и Ревель. Об этом свидетельствуют клады того времени, найденные в Куоккала (1930) и Терийоки (1894): почти все монеты отчеканены в Ревеле, Риге, Тарту.

Шведский король Магнус VII (Мауну Эрикинпойка, 1316-1374) предоставил жителям Выборгского лена "вечное право" торговать через море с эстами. Но вскоре оказалось, что эта самостоятельность внешней торговли сдерживает развитие самого Выборга. Когда весной вскрывалось море, с прибрежных деревень к берегам Ингрии и Эстонии отправлялись мелкие суда с грузом рыбы, масла, свиного сала, шкур, берёсты, древесины и тюленьего жира. Возвращаясь, они везли прежде всего соль и зерно.

В 1523 году королем Швеции стал Густав Эрикссон (Густав I Ваза) начавший борьбу за господство на Балтике и ужесточивший правила внешней торговли для своих подданных.

Именно в 1548 году, как полагают, и было направлено Густаву Вазе «Ходатайство Его Королевского Величества горожан города Выборга». Среди 11 тезисов документа основной - это желательность централизации в Выборге всей внешней торговли Выборгской Карелии, прежде всего торговли зерном, которого не хватало самим горожанам, а также казни задержанных за нелегальную торговлю. Приводится также список - 64 человека, задержанных и осужденных за незаконную торговлю. Среди них 38 из Выборгского прихода, а также команды трех судов: из прихода Веккелакс (теперь Хамина, 10 чел.), Ведерлакс (теперь Виролахти, 8 чел.) и судно с «Восточного берега» - 8 человек, в том числе двое из Сейвястё (Озерки), один из Сортхала (Сортавала, находилось между нынешними Зеленой Рошей и Озерками) и Антти из «Тервейоки» (Терийоки). Этому последнему мы и обязаны первым документальным упоминанием о нашем городе.³

О величине населенных пунктов в те времена можно судить по данным 1553-1559 годов, когда в Терийоки было лишь 13 домов, а в Райвола - 7; за Черной речкой же на протяжении десятка километров было 8 деревень с общей 10

численностью около 80 домов. После 25-летней Ливонской войны, закончившейся Тявзинским миром 1595 года, в Терийоки оставалось не более одной трети, в Куоккала - одной пятой прежнего населения; деревни за Черной речкой опустели наполовину.

Терийоки - типично пограничная территория. Основной особенностью пограничья на Карельском перешейке являлись постоянные конфликты. В войнах между Россией и Швецией эта местность всегда первой испытывала ужасы войны. Как сказал финский поэт Йоханнес Линнанкоски, «тут и кони, тут и плетни, тут и лыжи и оковы; избу нашу первой рушат, забор первым разбирают; наших женщин - первы слезы». ⁴ Шведские и русские войска поочередно опустошали территорию Кивеннапы и Терийоки так, что в селении часто не оставалось ни одного не сожженного дома. Жителям приходилось бежать в леса, иначе их убивали. Однако, селения всегда отстраивались заново, и жизнь продолжалась, чтобы снова быть прерванной очередным походом.

В XVI-XVII веках побережье Финского залива - это Нотебургские и Выборгские земли Шведского государства. В результате налоговой дискриминации часть русского и местного финского населения ушла под Тверь, а их земли заняли переселенцы из юго-восточной Финляндии. В первой половине XVII века в Терийоках насчитывалось 29 дворов. Во время шведского владычества чиновники забирали все, что могли, вынуждая жителей воровать коней на российской территории. Во время войн жителей нещадно эксплуатировали и на строительстве дорог, и на кормлении армий, заставляя тем самым оставлять свои селения и жить в лесу.

Завоевание Петром Великим Выборгских земель в 1710 году не принесло облегчения местному населению.

РОССИЙСКАЯ ФИНЛЯНДИЯ

В XVIII - XIX веках Карельский перешеек, приневские и приладожские земли входят в состав Российской империи,

а возведенный в устье Невы Санкт-Петербург становится столицей империи. После Ништадтского мира 1721 года Выборгские земли были присоединены Петром I к России и вместе с городами и селениями «дарованы» русским вельможам. После раздела сфер влияния между Наполеоном и Александром I в Тильзите (1807г.) территория, на которой располагался поселок Терийоки, была воссоединена с Финляндией, ставшей с 1811 года Великим княжеством Финляндским, пользовавшимся, правда, существенной автономией.

Терийоки тогда были глухой провинцией волости Кивеннапа, где запрещались и рубка лесов, и охота, где медведи задирали коров, а на детей нападали волки. В 1849 году в Терийоки было 36 дворов и мыловаренный заводик с 4 рабочими. На карте 1876 года здесь насчитывается 30-40 строений хуторного типа, что могло соответствовать населению в 100-200 человек.

В 1882 году финское государство выкупило «дарованные» земли у российских владельцев для крестьян. Два десятка лет продолжалось генеральное межевание. Лишь в 1902 году крестьяне этих мест получили документы на наследование своих земель.

Однако новая жизнь Терийоки началась с другого события - постройки в 1878-1880 годах железной дороги Петербург - Выборг - Риихимяки. Участок Петербург - Выборг был построен раньше, и первый поезд прошел здесь уже в 1870 году. У станции Терийоки, тогда первой после Белоострова, железная дорога проходила лишь в 1-2 км от берега моря, прямо-таки соблазняя петербуржцев возможностью выезжать летом из душного города к прохладному побережью, покрытому сухими лесами. В сутки здесь проходило около 40 поездов. В деревни толпами стали приезжать петербуржцы, что для крестьян стало новым источником дохода. И на песчаных землях, переходивших теперь в собственность не столько крестьян, сколько состоятельных петербуржцев, строились дачи.

Первый вокзал Терийоки до 1917 года был деревянным,

он находился рядом с Большой дорогой (пр. Ленина). В 10-е годы прошлого века население Терийок увеличилось в несколько раз, а летом число дачников уже доходило до нескольких тысяч. Летом 1914 года при постоянном населении 5 тысяч человек в Терийоках проживало около 140 тысяч (вместе с поселками). Терийоки в это время - крупная узловая станция, и железнодорожный вокзал уже не справлялся с возросшим пассажиропотоком. Поэтому было принято решение о строительстве нового здания вокзала.

Оно было построено в годы первой мировой войны. Оригинальное архитектурное сооружение, с незначительными изменениями сохранилось до нашего времени. «Когда приезжавшие со станций Карельского перешейка пассажиры из вагона наблюдали за приближающимся вокзалом поселка Терийоки, то они с полным правом могли говорить, «что приезжают в город». И действительно, терийокский вокзал был «по-городскому» комфортабелен... В здании находился высокий, светлый зал для ожиданий. По соседству с залом располагались рестораны первого и второго классов... Здесь можно было получить чудесный кофе. Особенностью терийокского ресторана было также то, что здесь стоял на виду самовар, чего не было нигде в других частях страны. Два перрона вокзала были соединены туннелем, который остался и поныне. Привокзальная площадь казалась огромной, липовая аллея, красиво окружавшая ее, напоминала о том, что Терийоки - не деревня, а город, хотя официально в те годы этот поселок к городам причислен не был» - так описывал вокзал П.Ф.Миролюбов в своих мемуарах «Русская жизнь в Терийоках».⁵

Долгое время Терийоки был единственной станцией на участке Белоостров (русско-финская граница) - Виипури (Выборг), потому с Терийок и начинается освоение жителями Петербурга территорий, расположенных вдоль побережья Финского залива.

Большой приток населения в Терийоки и близлежащие поселки в летний период привел к появлению новых станций на Финляндской железной дороге - Куоккала, Оллила,

Келломяки, Тюрисевя. В 1887 году между Терийоками и Белоостровом появился полустанок Куоккала, через два года ставший станцией. Станцию построил архитектор Борис Ридингер, имевший в Куоккала усадьбу «Мерихови». В 1901 году была построена станция Келломяки, а в 1914 году между Куоккала и Келломяки появился полустанок Канерва (он не сохранился).

В 1906 году крупный петербургский судовладелец, имевший земли в Куоккала, Олоф Улберг, построил железнодорожную станцию, получившую название по имени своего основателя - Оллила. В 1907 году возникла еще одна станция - Тюрисевя. Ее построил инженер Владимир Орловский, имевший крупное имение «Каниунистойвола».

«СЛОВНО ГДЕ-НИБУДЬ В НИЦЕ»

Движение поездов по Финляндской железной дороге, связавшей столицу Российской империи с Великим княжеством Финляндским началось 22 октября 1870 года. Эту дату можно считать вторым днем рождения Терийок.

Петербургский поезд останавливался здесь на 20 минут для таможенного досмотра багажа лиц, едущих в Финляндию. При станции имелся буфет, где пассажиры могли получить очень вкусные пирожки по 5 коп, холодные и горячие закуски, чай, кофе, вино, пиво. Рюмка финляндской

Вокзал. 1890 год.

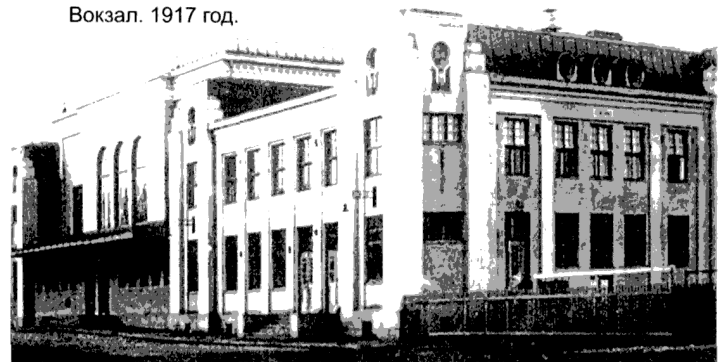
водки стоила 5 и 10 коп., хересу или портвейну - 25 коп., коньяку - 15 коп., телячья котлета - 60 коп.

От станции ко всем дворам и дачам, а также до гостиницы Бельвю можно было доехать в извозничьем экипаже за 75 пенни или за 1 марку. До Тюрисево (ныне - Ушково) - за 1 марку 50 пенни. До Ваммельсуу (Серово) - 2 марки 50 пенни.

«Дачная местность Терийоки находится в 1-й версте от ж. д. станции и тянется по берегу Финского залива на расстояние 7 верст. По числу построек и по занимаемому пространству, это одна из обширных дачных местностей по Финляндской железной дороге. В большинстве, дачи довольно дорогие; они расположены по обе стороны дороги, идущей параллельно морскому берегу и окружены сосновым лесом. Воздух очень легкий, здоровый, насыщенный запахом соснового леса. Дачи, наиболее удаленные от Финского залива, расположены на холмистой возвышенности, с прекрасным видом на окрестности и на Финский залив. Почти в самом центре дачной местности, в 2-х верстах от ж.д. станции находится небольшая деревянная церковь во имя Казанской Божьей Матери» - сообщал «Путеводитель по дачным местностям по Финляндской железной дороге» 1888 года. ⁶

Для приезжающих и для дачников в Терийоках имелась прекрасная гостиница с большим тенистым садом; здесь, по субботам, местными дачниками устраивались танцевальные

Вокзал. 1917 год.

вечера и, кроме того, давались спектакли приезжающими артистами. Вход на танцевальный вечер стоил 40 копеек с человека, а на спектакль от 50 копеек до полутора рублей. При гостинице имелись бильярда и номера от 1 р. 25 коп. за комнату. Купальнями, устроенными дачевладельцами для своих жильцов, могли пользоваться: дамы от 9 часов утра до 12 часов дня и от 4-х до 6-ти час. пополудни; мужчины - все остальные часы.

В Терийоках имелись: аптека, пивоваренный завод, фотография, булочная, зеленые, мясные и мелочные лавки. Ближайшими местами для прогулок дачников служили: примыкающий к некоторым дачам сосновый лес и дорога по берегу Финского залива, ведущая на Черную речку.

« Уже в конце зимы - начале весны здесь начинали появляться, арендуя дачи, «господа», - информировал «Путеводитель по Терийоки» финских курортников в 1925 году. - Извозчики возили их, показывая дачи. Дачи показывали только тем, которые платили извозчикам «на чай». За дачи платили обычно 200 - 1500 марок. Когда «господин» находил подходящую дачу, он давал наличными задаток (`sadatku`) и говорил, какие нужны исправления. В июне прибывали «господа». К этому времени перед станцией Терийоки было полно извозчиков, которые, сидя на повозках с трубкой в зубах, помахивая рукой, кричали: «Пожалуйста, барин, я везу!». Когда приезжие устраивались, появлялось новое искушение. За повозкой бежали мужчины - так, что развевался белый передник. Это были работники русских магазинов, главным образом, мясных, которые предлагали «заборную книжку» для приобретения товара в долг, пытаясь заполнить приезжего себе в клиенты. Это обслуживание летом давало огромные заработки. Торговец платил большинству кухарок 10 % ото всего, что покупалось. ... Осенью работник получал ещё отдельный подарок, если торговец получал действительно хорошую прибавку от книжки. Главы семей, как правило, каждый день ездили в Петербург, утром уезжая и вечером приезжая. Это давало извозчикам, которых в лучшие времена было около 400, хорошую возможность для заработка.

Это множество «летних гостей» - в лучшие годы их могло быть около 60 000 - собирало со всего света разносчиков и комедиантов. В Кивеннапе был один хозяин, который, бедно одетый, грёб здесь деньги, как сено. Цыгане, шарманщики со своими «счастливыми билетиками» и ослиами, кукольные театры, танцующие обезьянки, бродячие духовые оркестры, уличные музыканты, пиликающие на гармонии - все они находили дорогу сюда. Особым местом летних развлечений было «Казино», где каждый вечер были концерты, танцы, спектакли и различные праздничные мероприятия. Каждый вечер играл духовой оркестр, летели пробки от шампанского, и русские дамочки с мечтательными глазами счастливо вдыхали мягкий воздух Финского залива. Было множество гостиниц, парусное общество, которое устраивало великолепные парусные гонки. Можно было воспользоваться дорожкой для роликовых коньков, теннисными кортами, породистыми верховыми лошадьми. На улицах мелькали продавцы газет, цветов, мороженого, криками предлагая свой товар. Шум был ужасный. Субботним вечером Виертотие представляла собой особенно великолепное зрелище. Сотни извозчиков, парные упряжки и автомобили потоком шли от станции, когда из Петербурга прибывал вечерний поезд.

Но особенно оживлённо было на берегу Финского залива. Берег напоминал большую коробку сардин. Люди лежали вплотную, бок-о-бок. Один капитан прошлым летом в своей книге о курорте, с восхищением вспоминая, пишет: «Был Терийокский пляж в лучшее время летнего дня полон всяческих голых тел. Были старые и молодые, дети и уже убегающие от могильщиков, были забавные дамочки, старавшиеся выставить свои выдающиеся части тела на всеобщее обозрение, и были уже отжившие своё матушки, которым не осталось иных радостей, кроме всестороннего развития телес.»

С наступлением осени «летние гости» отбывали, приезжие торговцы со своими наполненными мешками исчезали, и житель Терийок втягивался в свою скорлупу.»

О.Э.Мандельштам так описывал свои впечатления о тех временах: «... В Терийоках песок, можжевельник, досчатые

мостики, собачьи будки купален с вырезанными сердцами и зазубринами по числу купаний, и близкий сердцу петербуржца домашний иностранец, холодный финн, любитель ивановых огней и медвежьей польки на лужайке и народного дома, небритый и зеленоглазый, как его называл Блок. Финляндией дышал дореволюционный Петербург, от Владимира Соловьёва до Блока, пересыпая в ладонях ее песок и растирая на гранитном лбу легкий финский снежок, в тяжелом бреду слушая бубенцы низкорослых финских лошадок. Я всегда смутно чувствовал особенное значение Финляндии для Петербурга, и что сюда ездили додумывать то, что нельзя было додумать в Петербурге, нахлобучив на самые брови низкое снежное небо и засыпая в маленьких гостиницах, где вода в кувшинах ледяная. И я любил страну, где все женщины безукоризненные прачки, а извозчики похожи на сенаторов.

Летом в Терийоки – детские праздники. До чего это было, как вспомнишь, нелепо! Маленькие гимназисты и кадеты в обтянутых курточках, расшаркиваясь с великовозрастными девицами, танцевали па-де-катр и па-де-патинер, салонные танцы 90-х годов со сдержанными, бесцветными движениями. Потом игры: бег в мешках и с яйцом, то есть с ногами, увязанными в мешок и с сырым яйцом на деревянной ложке. В лотерею всегда разыгрывалась корова. То-то была радость француженкам! Только здесь они шепетали, как птицы небесные, и молодели душой, а дети сбивались и путались в странных забавах.»⁷

В конце XIX века Терийоки переживали настоящий экономический бум, связанный с массовым дачным строительством. «Могушественная столица России заметила выгоды побережья Финского залива, и сюда направился её золотой поток. Он начал скупать всё больше и больше земель. ...Когда финское государство получило дарственные земли в своё ведение, в Терийоки было уже 60 дачных участков. В таких условиях на какую помощь от правительства мог надеяться финский крестьянин? Надеялся ли он на чиновников, которые чаще всего приезжали сюда из других мест? Они сами участвовали в продаже земель, создавая по-

среднические конторы. «Соотечественники» из других мест дешево покупали у оказавшегося в затруднении участок и сразу же продавали его русским...

...Большие коммерческие предприятия из Турку, Хельсинки и Выборга, открывая здесь филиалы, делали вывески исключительно по-русски. Русские давали проездам русские названия. Торговля, прежде всего летом, и прежде всего пищей, бакалеей и мясом, явно переходила в руки русских, хотя и финские магазины явно преуспевали. Торговля вразнос - кроме торговли тканями - была всецело в русских руках. Русская манера торговаться и брать «на чай» была повсеместной. Использовались русские рабочие, а не финны (за немногими исключениями).

Насколько далеко зашло русское влияние, чувствовалось в языке. Такие слова, как "saiju" (чай), "puol-pielava" (пол-белого), "agurtsi" (огурцы), "liuhki" (сливки), "smedana" (сметана) были всеобщими. Нередки были также слова "limoni" (лимон), "pitskat" (спички), "tatskat" (тачки), "vanari" (фонарь), "sapiska" (записка), "kucharka" (кухарка), "vorniekka" (дворник), "peretniekka" (передник), "pereulkka" (переулок), "strastuit" (здравствуйте)... По-русски говорили повсеместно, но зачастую на этаком «ломаном русском»...⁸

В 1886 году 19 из 23 улиц имели русское название; в 1887 году из 2972 человек постоянного населения было 40% русских.

В 1897 году в Терийоках было 9 финских и 12 русских магазинов; в 1911 году их было соответственно в Терийоках 16 и 20, в Куоккала 11 и 16. В 1908 году здесь была треть дач Карельского перешейка: в Терийоки - 1400, в Куоккала - 762, в Келломяки - 500. Уже в 1909 году на главных улицах было освещение керосиновыми фонарями, а в 1912 году - проведено электричество.

Экономика Терийоки строилась почти исключительно на обслуживании курорта. Торговля и транспорт - вот два локомотива, превративших Терийоки в Северное Эльдorado. «Летом в Терийоки работало почти сто магазинов. Кроме того, были разносчики: 11 - на лошадях и 136 - пеших. Поскольку в 1910 году некоторые магазины декларировали свой оборот в 200 000 - 500 000 марок, торговля была довольно оживлённой...

Много давали поступления от железной дороги. В 1910 году продано 130 360 железнодорожных билетов. Доходы от пассажирского сообщения составили 306 921 марок 45 пенни. В августе 1911 года доходы от пассажирского сообщения были 65 054 марок 46 пенни. Почтовых марок продано более чем на 40 000 марок. Доходы от таможни в том же году составили 328 182 марок 83 пенни. На железной дороге было 7 чиновников, 18 человек обслуживающего персонала, на почте 6 чиновников, 18 почтальонов (почта разносилась дважды в день). Говорят, что кролики быстро плодятся, но ещё легче и быстрее множилось в это время извозчики. В 1910 году в Терийоки было 232 извозчика, в 1911 - 244. В действительности же извозчиков было намного больше, ибо не все выкупали извозничий билет» - сообщает все тот же «Путеводитель» 1925 года.

Основа улично-дорожной сети города сложилась уже к XIX веку. Это Приморское шоссе, существовавшее в XVIII веке, и перпендикулярная ей Большая дорога или Виертотие (нынешний проспект Ленина): В переводе с финского «Виерто» - это подсека, кулига, пожога, а «тие» - дорога; 20

кстати, «дор» - в некоторых русских говорах - место, расширенное от леса. Другие пути соединяли 30-40 крестьянских дворов и зачастую назывались по имени фермера. Став улицами дачного поселка, многие из них свое название получили от фамилий дачевладельцев.

Отсюда - Генриховская улица с Андреевским переулком по правому берегу речки и Захаровская улица - пологий спуск к торговому центру. Эти названия значатся на карте 1907 года, где среди двух десятков указано лишь одно название финского происхождения - Тайпольская улица (от «тайвал» - путь).

Дачам Захарова, Шитова, Хагулина, Андреева соответствуют названия улиц и переулков.

Улицы Екатерининская и Александровская, вероятно, получили свои названия от имен российских монархов. Антин-кату соответствует имени «Терийокского Антти» - первого из упомянутых в исторических документах жителя селения. Лоухи-кату, Куллервон-кату и Пеллервон-кату (улицы Лоухи, Куллерво, Сампо и Пеллерво) названы в честь героев карело-финского эпоса Калевала, и в условиях Карельского перешейка носили патриотический характер. Явно «военная тематика» отражена в названиях советского периода: проспект Красных Командиров, Кавалерийская, Красноармейская и Артиллерийская улицы.⁹

Основную массу владельцев и арендаторов дач составляли не крупные чиновники и предприниматели. Сюда же приезжала на лето интеллигенция, связанная службой и творческой работой с Петербургом.

Дачный характер Терийок был виден во всем, хозяйство этого маленького городка было ориентировано на обслуживание курорта, завоевывающего все сильнее симпатии тех петербуржцев, для которых поездки в Спа, Баден Баден или Ниццу были не по карману. Современники называли Терийоки то «Северной Ривьерой», то «Северной Нищей». Конечно, все эти эпитеты порой имели двойкий смысл, полны иронии и легкого сарказма, связанных с особенностями российских нравов и финских обычаев.

Вот как описывает жизнь на этом курорте в начале XX

века газета «Северный дачный листок»:

«Северное побережье Финского залива, начинается от Сестрорецка, вплоть до Черной речки (Ваммельсуу), застроено почти непрерывающимися рядами дач. Лишь небольшой перерыв заметен на пространстве между Сестрорецком и Оллила, но вероятно, и этот промежуток будет весьма скоро заполнен, так как заселение Оллила началось лишь года два тому назад.

Сообщение всей этой дачной местности с Петербургом производится по финляндской железной дороге. Полотно дороги, начиная от станции Куоккала, где оно весьма близко подходит к морскому берегу, заметно идет в гору, по мере приближения к станции Териоки.

Териоки - как дачное место, обладает весьма существенными преимуществами. Местность возвышенная, и дачи расположены на южном склоне, постепенно возвышающемся к северу берега залива, вследствие чего они защищены от холодных северных ветров, что имеет большое значение при нашем, далеко не жарком лете.

Грунт в Териоках песчаный, представляющий собой естественный фильтр, очишающий дождевые воды от органических нечистот, увлекаемых ими при падении на поверхность земли. Эти воды, вполне очищенные, собираются под слоем песка, местами доходящим до толщины двух сажен, на глиняном слое, так что прорытие колодцев почти всегда увенчивается успехом, и на большинстве участков удается добыча совершенно чистой, прозрачной, как кристалл холодной воды.

Громадная водная поверхность Финского залива, вдоль берега которого тянутся дачи, представляет лабораторию, озонирующую воздух и обогащающую его кислородом. Поверхность эта никогда не может быть застроена, а потому никогда не может быть заражена отбросами.

Лет 15 тому назад Териоки обладали еще одним весьма существенным преимуществом: этим девственным сосновым лесом, на необозримом пространстве покрывшем его окрестности. Этот лес, в настоящее время, значительно поредел: его повырубили на постройку дач. Тем не менее и теперь

еше, во время цветения сосны, воздух насыщается бальзамическим ароматом соснового эфира, и северный ветер целыми тучами уносит цветочную пыль в море, покрывая его поверхность на большом пространстве слоем желтого порошка.

Воздух в Териоках безусловно хорош, он, несомненно, благотворно влияет на человеческий организм, что заметно на молодом поколении, особенно на маленьких детях, безвыездно проводящих летние месяцы на дачах. Что териокский воздух обладает целебными свойствами, в этом мне пришлось убедиться при следующем случае.

Несколько лет тому назад, в одной близкой мне семье один из сыновей заболел острым легочным процессом и, несмотря на все принятые медицинские меры, болезнь, через каких-нибудь 5-6 недель, перешла в чахотку, осложненную сильным расстройством кишечника. Светила медицины начисто объявили, что в таких случаях латинская кухня бессильна, и остается только одна надежда на перемену воздуха. Конечно, как всегда бывает в таких случаях, советуют ехать на Ривьеру, в Ницу, Ментан, Монтре - чуть что не в Сиракузы.

Совет одного из докторов, друга семьи, и некоторые семейные условия повернули дело так, что было решено за границу не ехать, а немедленно перебраться на дачу в

Териоки. Дело происходило зимой и пациент был перевезен в конце января месяца и прожил безвыездно до сентября. По возвращении в Петербург, он был выслушан лечившими его докторами. Доктора констатировали факт полного прекращения болезненного процесса, не оставившего ни малейших следов на легких.

Териоки, как дачная местность, наделена природою несомненными преимуществами, однако же, по мере продолжающегося все большего заселения ее, начинают ощущаться все больше и больше *недохватывы* в санитарном отношении.

В летние месяцы народонаселение Териок переваливает за почтенную цифру 20 тыс. человек. Благодаря тому, что постройки дач растянуты на 10 верст, нигде не замечается особенной скученности в публике. Тем не менее, единственной артерией перемещения всей этой массы людей, от вокзала к дачам и обратно, служит шоссе, по обе стороны которого расположены дачи. Так как большинство дачников принадлежит к числу людей, интересы и профессии которых сосредоточены в Петербурге, то мы не ошибемся, если предположим, $1/20$ часть всего населения ежедневно совершает путешествие от дачи до вокзала и обратно. Т.е. на протяжении 10 верст ежедневно проезжает 2000 лошадей.

В виду того, что в Териоках не практикуется в течении лета ни подметание шоссе, ни уборка грязи, то совершенно понятно, что в конце лета шоссе обращается в Авгиеву конюшню.

Всякий, кому случилось ходить вдоль шоссе после дождливой погоды, когда оно покрыто слоем грязи, достигающим местами толщины в $1/4$ аршина, состоящей из смеси песка и навоза, знаком с удручающим запахом этой смеси. В жаркое, сухое время, ветер подымает целые тучи мелкой пыли и покрывает ею густым слоем зелень прилегающих к шоссе садов, окрашивая ее в крайне непривлекательный серый цвет. Такие же облака подымают проезжающие экипажи, опудривая ею едущих и пешеходов, так как практикуемая поливка шоссе оставляет желать многого.

Теперь посмотрим, во что обходится териокским дачникам эти 2000 ежедневных путешествий от дачи к

вокзалу и обратно. Согласно таксе, каждый конец обходится в 50 коп., т.е. всего 1000 руб. в день; за лето, считая его в 3 месяца, это составит сумму в 90000 рублей. Заметьте, что в это не вошли перемещения дачников между дачами, ни проезды семейств служащих и коммерсантов на вокзал и обратно, ни весеннее и осеннее переселение народов, что, по всей вероятности, составит не меньшую сумму, если не

больше. А потому мы не сделаем большой ошибки, если будем считать, что за лето дачниками уплачивается извозчикам весьма солидная сумма в 200000 рублей.

Какими же удобствами сообщения пользуются дачники за эту сумму? Сообщение производится при посредстве инструмента, именуемого таратайкой или карафашкой; это, во первых, почти всегда, инструмент крайне грязный, во вторых, чтобы на него взобраться необходимо научиться подымать ногу чуть выше головы, что для людей тучных, не говоря уже о больных, является манером весьма затруднительным и часто, без приспособлений, вроде подставления скамеек, почти невозможным.

Скорость перемещения на таратайке вполне зависит от темперамента и настроения возницы; если возница обладает меланхоличным темпераментом, или же он почему либо не в духе, то он повезет вас черепашьям шагом; если же он сангвиник или где либо успел влить в себя дозу спирта, то вам придется скакать по улицам, как угорелому, перегоняя всех, впереди едущих, рискуя при благоприятных обстоятельствах сломать руку или ногу, при менее благоприятных - свернуть себе шею. При этом седок помещается непосредственно за спиной возницы, и конструкция некоторых из таратаек такова, что нос седока приходится в расстоянии всего нескольких дюймов от этой спины, так что по неволе, во время всего пути, приходится наслаждаться специфическим

финским запахом грязной чуйки: это смесь запаха прокислого молока и махорки. Право же, за 200000 руб. можно было бы пользоваться несколько большим комфортом.

В прошлом году нашелся какой-то благодетель, который завел дилижансы, ходившие от Тюризева до вокзала. Дилижансы эти были допотопной конструкции, и перемещались при помощи двух одров, управляемых почему-то вечно сонными и крайне грязно одетыми кучерами, они постоянно опаздывали к приходу и отходу поездов. Был даже такой случай, что в один прекрасный день вся эта механика вместе с пассажирами и кучером оказалась лежащей в канаве. К счастью, это предприятие просуществовало не долго. Помимо неудовлетворительности по отношению к комфорту, оно ни в коем случае не могло служить украшением дачной жизни.

Для большинства дачных местностей, вопрос о способах сообщения с вокзалом ближайшей станции железной дороги, составляет больное место. Териокам, помимо этого, присуще еще один весьма существенный недостаток. Несмотря на значительность береговой полосы, вдоль которой растянулось териокское дачное расположение, несмотря на громадность водной поверхности залива, все же одно из наиболее гигиеничных и наиболее приятных летних удовольствий, купанье, не только ложится весьма чувствительным накладным расходом на дачевладельца, а следовательно и на дачника; но вместе с тем, отчасти благодаря нерациональной постановке дела, лишает публику возможности пользоваться морским берегом половину нашего и без того короткого лета.

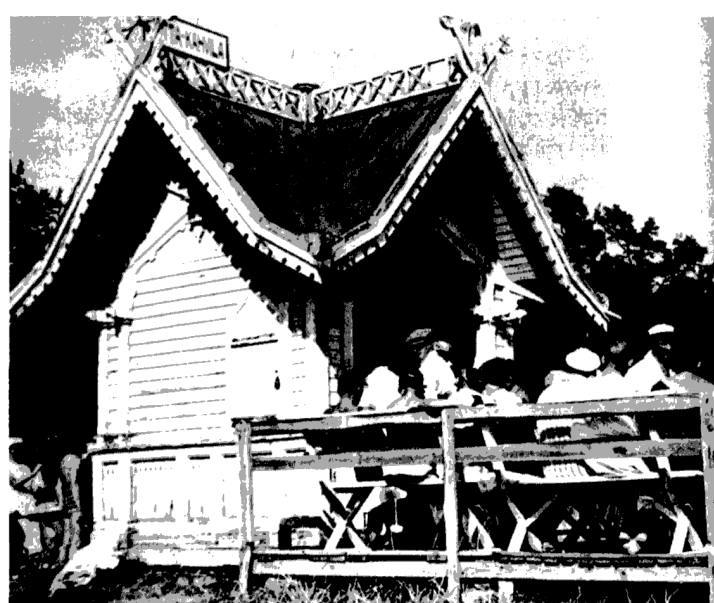
Благодаря тому, что морское дно, ближайшее к берегу, как и самый берег, покрыто более или менее крупными камнями, по которым почти невозможно ходить босыми ногами, купальные будки обыкновенно выносятся на 15-30 сажень в море. Расположение раздевальных кабин на самом берегу практикуется, в виде исключения, владельцами самых мелких дач, для которых выведение мостков в море явилось бы слишком большим накладным расходом, в сравнении с наемной ценой дачи. Военная установка таких мостков, не считая материала, обходится от 10 до 15 рублей. Впрочем,

разборкой мостков приходится заниматься в исключительных случаях, так как об этом, хотя и несомненно, заботится сама природа: первый, более или менее сильный, западный ветер разводит настолько значительное волнение, что в какой-нибудь час - два выбрасывает на берег все эти сооружения. Это обстоятельство часто заставляет прекращать купанье значительно ранее, чем это было бы желательно. Так в 1902 году все купальные кабины были выброшены на берег в первых числах июля, а в 1903 году - в последних числах того же месяца. Кроме лишения удовольствия, такая самопроизвольная уборка наносит более или менее чувствительный ущерб владельцам мостков, так как и при этом неминуемо происходит поломка некоторых частей и часть материала пропадает. Принимая все это во внимание, содержание купальной кабины в среднем за лето обходится по меньшей мере в 20-25 рублей.

Дороговизна устройства мостков для выноса кабин в море, побудила мелких дачевладельцев, большую часть из крестьян, ассоциируясь, располагать по несколько кабин на одних общих мостках, при чем конец мостков, выдающийся в море, заканчивается площадкой, по краям которой устанавливаются в два ряда купальные кабины, оставляя узкий проход. К тому же расположению прибегают и некоторые собственники нескольких дач. Помимо того, что такого рода сооружения напоминают свайные постройки доисторического человека, с этим обстоятельством можно было бы еще примириться, хотя нельзя не заметить, что эти постройки чувствительно портят вид залива; гораздо хуже то, что такого рода установка кабин вызвала необходимость распределения времени купанья на мужские и дамские часы.

Действительно, близость расположения наскоро сколоченных раздевальных кабин, местами совсем ажурных от ссохшихся досок и вывалившихся сучков, обилием которых отличается финляндская сосна и ель, слишком мало гарантирует раздевающихся дам от нескромных взоров мужчин, могущих находиться в рядом стоящей будке. Кроме того, проход между рядами будок настолько тесен, что в пору пройти только одному человеку, при встрече же обя-

28

зательно должно произойти столкновение.

Распределение времени пребывания на берегу залива на мужские и женские часы равносильно лишению всех дачников пользования морским воздухом целую половину лета. Несобразность такого рода ограничения давно осознана всеми заграничными морскими курортами, даже такими, в которых купальный сезон продолжается чуть не круглый год, как например на Ривьере. Мы же можем пользоваться морским воздухом каких-нибудь 2-3 месяца в году и от этого короткого срока приходится уделить половину времени, отчасти неустройству, отчасти людскому предрассудку.

Было время, что русскую женщину держали в теремах, женщины востока до сих пор закрывают лицо чадрами от нескромных взоров мужчин.

...Понятие о пристойности и непристойности костюма, как и нравственного значения его, - понятия совершенно относительные. Никто - не будет осуждать финляндцев в

безнравственности, а между прочим, в Гельзингфорсе в обычае ходить в баню целыми семьями, без различия пола; роль баншиков исполняют там женщины.

Рассказывают, что один, весьма почтенный и всеми уважаемый русский философ-литератор согласился впустить в свою гостиную гусарского офицера только тогда, когда офицер позволил подвязать себе передник, на том основании, что плотно облегающий костюм позволял слишком рельефно вырисовываться деталям молодецкого строения гусара. Фрак, гусарская форма, бальное дамское декольте, - к этому глаз привык и во всем этом большинство ничего предосудительного не видит.

Вопрос, несомненно, лежит не в покрое костюма, а в привычке глаза к данному покрою. Приучите детей видеть родителей, братьев, сестер и посторонних людей в купальных костюмах и поверьте, что когда они обратятся из детей в юношей и девиц, то на них купальный костюм будет производить не большее впечатление, чем любое платье, сюртук, фрак, бальное декольте, костюм балерины и т.п.

Распределение часов имеет еще одно неудобство, оно не дает возможности в любое время пользоваться морской прогулкой на лодке. Хотя для пользования лодкой в Териоках имеется более серьезное препятствие, - это отсутствие гавани, где можно было бы оставить лодку, не опасаясь, что ее разобьет волной о камни.

Можно было бы указать еще на многие недочеты в благоустройстве дачной жизни в Териоках, например: недостаточность поливки улиц, недостаток в способе освещения главной улицы керосиновыми фонарями, повешенными на телефонных столбах, отсутствие фонарей у дач, полная темнота переулков, неаккуратное содержание выгребных ям некоторыми дачевладельцами, следствием чего является зловоние; существующая пожарная команда далеко недостаточна и вряд- ли приносит много пользы и т.д.

Дав волю фантазии, можно было бы пожелать завести электрическое освещение, электрический трамвай, очистить берег от камней, построить дамбу и гавань для лодок, хотя

бы по примеру Сестрорецка. Да, чего, чего только нельзя придумать! И все это будет только *pium desiderium* и больше ничего, пока не будут изысканы средства для проведения в жизнь всех этих, по-видимому, воздушных замков...»¹⁰

Однако эти планы были совсем уж не фантастическими. Примером может служить грандиозное преобразование селения Тюрисея (Ушково), которое с 1904 года было вотчиной инженера и действительного статского советника Владимира Константиновича Орловского. Участок размером 98,12 га включал роскошный дом и большие лесные угодья. Вокруг дома был разбит парк. Это имение Орловский назвал «Каунистойвола» («Место Красивых Надежд»). Предполагалось разбить его на более мелкие участки для строительства дач. Под собственную дачу владелец оставил участок в 6,85 га, названный «Каунисранта» («Прекрасный Берег»).

Орловский не ограничился имением «Каунистойвола», но и приобретал новые участки у местных крестьян-финнов. В результате у Орловского оказалось около 150 га земли.

Покупая земельные участки, Орловский перепродавал их другим владельцам для застройки. Овладев большей частью Тюрисея, Орловский стал осуществлять свой план заселения поселка петербуржцами. Благоустройство Тюрисея началось со строительства дорог и устройства уличного освещения. В Тюрисея Орловским были организованы две конторы по недвижимости и строительству.

По проектам Орловского в Тюрисея было построено множество дач. Большинство дач было сложено из песчано-цементного дырчатого кирпича, который Орловский сам разработал.

В 1907 году он получил право на строительство специального полустанка для своих дачных владений, который через 2 года стал станцией. В июле 1914 года, ввиду угрозы войны, правительством было начато сооружение стратегической железной дороги Терийоки-Койвисто. Дорога должна была пройти через земли Орловского. Однако он добился, чтобы покой дачников не был нарушен, и железная

дорога была проведена в обход его земель.

Если бы не Первая мировая война, то Орловскому удалось бы многое: трамвайная линия от станции к морю, строительство православной церкви...

Об Орловском у местных жителей остались хорошие воспоминания. "Это был вежливый в обращении, высокий и интересный мужчина с умным лицом", к местным жителям он был всегда обходителен.

После закрытия границы, Орловский больше не вернулся в Тюрисева, и его владения оказались в ведении Комиссии по охране собственности иностранцев. Большую часть земель затем купило Терийокское акционерное общество «Раута». Отдельные дачи были разобраны и перевезены в другие места.

Дача «Каунисранта» была продана кавалерийскому полковнику Карлу Линдеру, который привел дачу в порядок и поселился там в 1927 году с женой Зинаидой Оссовской и приёмной дочерью. Отставной полковник выращивал огурцы и продавал их в Терийоках и Выборге. Линдер содержал большой птичник и конюшню. На даче частенько устраивались великолепные празднества, которые его и разорили. Распродав часть имущества, полковник некоторое время жил в Париже, а по возвращении в "Каунисранта" продал остатки роскоши: автомобиль, лошадей, столовое серебро. В конце концов, полковнику пришлось жить в бывшем жилище дворника и ездить в Терийоки на старом велосипеде.

В 1935 году имение стало собственностью Земледельческого общества Выборгской губернии, здесь работали курсы по садоводству и пчеловодству, проводились сельскохозяйственные выставки.

ДЫХАНИЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Начало XX века - это то время, когда Терийоки вошел в историю России как центр культуры и столица «Серебряного века». За несколько лет побережье украсилось великолепными ажурны-

ми строениями из дерева, сооруженными в стиле северный модерн. Имена обитателей этого городка способны составить славу любой европейской столице.

В этих местах строили петербургские зодчие Ф.С. Харламов, Н.Г. Кудрявцев, А.А. Гинпель, П.П. Бук, А.А. Оль, И.А. Фомин, Г.К. Лукомский. Архитектором «Общества благоустройства дачной жизни в Териоках» был И.Ф. Бруни.

В начале века на территории Териюкской общины, недалеко от Черной речки, поселился русский флотоводец, океанограф и полярный исследователь адмирал С.О.Макаров. Его дача, искусно отделанная мореным дубом, напоминала корабельную надстройку. На темном фоне зелени дом казался сооружением легким, похожим на морской фрегат, готовым к отплытию в дальние края.

Каждое лето с 1900 до 1911 года в окрестности Териюк - маленький поселок Лаутаранта - приезжал замечательный русский художник Валентин Серов. Его маленькая дача стояла на самом берегу Финского залива. Целыми днями бродил Серов с этюдником и альбомом, часто бывал в Териюках. Мимолетные наброски послужили основой для больших полотен. Так появлялись картины: «Лошади на взморье», «Купание лошади», «Финская метелица», ряд пейзажей. Фоном для портрета своих сыновей Серов избрал море, серо-голубую даль Финского залива. В Териюках зародились темы будущих картин, а потом замечательные полотна - «Навзикая» и «Похищение Европы». Частыми гостями В.А. Серова были А.М. Горький, коллеги художника А.Н. Бенуа и В.В.Матэ. Их дачи находились в пяти километрах от Лаутаранты.

Центром притяжения литераторов в окрестностях Териюк стала дача писателя Леонида Андреева. Его дом выходил окнами на Черную речку. Неподалеку жили высланные из Петербурга В.В. Вересаев и Н.Г. Гарин-Михайловский. На даче Л.Андреева А.М. Горький встречался с А.И.Куприным, А.С.Серафимовичем, С.Г.Скитальцем. К Андрееву приезжал из Куоккалы К.И.Чуковский. Часто бывал здесь с семьей и В.А.Серов. Дом был построен по проекту известного профессора архитектуры А.А. Оля.

В окрестностях Терийок в начале 1900-х годов жили и работали - скульптор В.В. Лишев и архитектор И.А. Фомин, создавший ряд оригинальных дачных построек на Карельском перешейке и в самих Терийоках. Здесь в конце XIX - начале XX века жили: писатель М.Е.Салтыков-Шедрин, балерина Мариинского театра М.Ф. Кшесинская, ученые И.П. Павлов и Д.И. Менделеев.

Успехом у дачников пользовался концертный зал казино, который вмещал 200 человек. Большое здание, автором которого был архитектор Ю.Ф. Бруни, построили в центральной части парка, недалеко от моря.

Летние театральные сезоны в дачных театрах Петербурга в начале века были значительными событиями в культурной жизни российской столицы. В неказистых деревянных павильонах с земляным полом выступали многие знаменитые актеры, певцы, музыканты. Каждое лето у любителей театрального искусства был большой выбор, ведь в окрестностях Петербурга существовало более двух десятков театров. Одним из таких "театральных районов" был Карельский перешеек, при чем этот район пользовался особым вниманием - в Финляндии цензура не была столь свирепой, как в остальной России, поэтому здесь можно ставить такие спектакли, которые не могли быть поставлены на столичной сцене.

Наиболее известные дачные театры - это знаменитый «Прометей», который находился на границе Оллилы и Куоккалы, и терийокское Казино. На сценах этих театров выступали многие известные деятели культуры: М. Горький и М. Андреева, А. Блок и К. Чуковский, Н. Евреинов и В.Мейерхольд, В. Маяковский и Л.Андреев....

Одним из наиболее значительных, вошедших в историю русской культуры был терийокский сезон 1912 года, связанный с именем Всеволода Эмильевича Мейерхольда. Он был главным режиссером Товарищества актеров, музыкантов, писателей и живописцев, в которое входили артисты А.Мгебров, В.Чекан, В.Веригина, А.Блок, режиссер В.Соловьев, композитор М.Гнесин, художники Н. Сапунов, Н.Кульбин, Ю. Бонди, поэт М. Кузмин ... .

Инициатором терийокского эксперимента была Любовь Дмитриевна Блок, жена А.А. Блока. Она была увлечена театром, сама неоднократно выступала в постановках разных режиссеров, можно сказать, что театр был ее стихией. Именно ей пришла идея организовать летний театр под Петербургом, где можно было бы свободно и творчески работать. Этой идеей Любовь Блок поделилась со своими друзьями, прежде всего Валентиной Веригиной, известной актрисой, которая в свою очередь рассказала об этом своим знакомым (в основном это были завсегдатаи знаменитого артистического кафе «Бродячая собака»). За организацию дела взялись Борис Пронин, администратор «Бродячей собаки», Валентина Веригина, Николай Бычков, муж Веригиной, сама Любовь Блок, а так же художник Николай Сапунов.

Мысль выбрать Терийоки пришла совершенно случайно, в один из весенних дней дружная кампания отправилась туда, чтобы познакомиться с условиями работы и заодно решить все организационные вопросы. Терийокское Казино в это время было акционерным обществом, делами которого управлял молодой швед В.И. Ионкер. С ним удалось договориться об условиях аренды, предприимчивый Пронин отыскал на берегу Финского залива большую заброшенную дачу, в которой решили поселить участников Товарищества. После этого началась непосредственно творческая работа, ради которой и затевалось все дело. Необходимо было составить репертуар, начать репетировать спектакли, готовить декорации. Режиссером сначала пригласили Е. Вахтангова, но тот отказался, так как у него на этот сезон были другие планы. Тогда решили обратиться к В.Мейерхольду с просьбой поставить несколько спектаклей. Мейерхольд начал репетировать с актерами, которые состояли в Товариществе, и режиссер в конце концов решил работать с труппой весь сезон и вместе выехать с семьей в Терийоки.

Все участники Товарищества, а это были в основном молодые люди, готовились не просто к активному, веселому

отдыху. «Нашей задачей, - писал в воспоминаниях Александр Мгебров - было прежде всего по настоящему близко соприкоснуться с искусством». Мейерхольд, по его словам, «возлагал на этот сезон большие надежды. Ему хотелось в группе друзей попробовать свои силы для осуществления мечты о свободном театре, который не шел на поводу у зрителя, но поднимал его силою энтузиазма и мастерства до высот самодовлеющего значения театра и человеческой жизни».

Александр Блок, который внимательно наблюдал за работой Товарищества, сначала скептически смотрел на всю эту затею. В своем дневнике 28 мая он дает «прогноз» будущего Товарищества: «...В начале они хотели большого идейного дела, учиться и т. д. Но не знали, были впотьмах, бродили ошупью. Понемногу стали присоединяться предприимчивые модернисты... и вместо БОЛЬШОГО дела, традиционного, на которое никто не способен, возникло талантливое декадентское МАЛЕНЬКОЕ дело... Речи были и о Шекспире и идеях, дело пошло прежде всего о мейерхольдовских пантомимах... - до чего дойдет, посмотрим, не хочу осуждать сразу». Мейерхольд и его единомышленник Владимир Соловьев в это время увлекались комедией дель арте, пантомимой, это и не нравилось Блоку. Но присмотревшись, побывав на репетиции, 3 июня он уже пишет в дневнике: «много хорошего, посмотрим».

В мае труппа переехала в Терийоки. Актеры поселились в большом доме на берегу залива, бывшей даче американского посланника - вилле Лепони. «Дача была огромная, - вспоминает В. Веригина, с хорошо обставленными комнатами, немного мрачная из-за высоких деревьев парка. Комнаты актеров (почти все) находились на втором этаже, тут же жил Мейерхольд. Внизу помешалась семья Мейерхольда, а нижняя гостиная была отдана в распоряжение гостей. На большой террасе обедали, пили чай. Никто из актеров не получал жалованья, все пользовались полным пансионом, все были совершенно равны, начиная с Мейерхольда и кончая помощником режиссера. Кушанья приготавливались в большой кухне поварихой-финкой с реверансами. За столом прислу-

живал молодой слуга Василий. Он часто бывал шокирован нашей богемой и особенно изумлялся поведению Мгеброва, который был склонен к художественному беспорядку».

Борис Алперс, в то время еще юноша, впоследствии известный советский театровед, так описывает «актерскую обитель»: «Дача Лепони - огромное деревянное здание, похожее на корабль шекспировских времен, со множеством пристроек, галереек и крытых переходов...». «Дом Эшеров» - называл Мейерхольд эту дачу, с серьезным видом уверяя, что в ней водятся привидения». А. Блок, первый раз посетивший Терийоки 3 июня, был приятно удивлен всей внешней обстановкой и внутренней атмосферой, царившей в труппе: «Сидели у них на даче, она большая и пахнет как старый помещичий дом, странно - столько разных людей живет вместе; все вместе ели, пили чай, ходили по их огромному парку».

Виллу Лепони помнят многие зеленогорцы старшего поколения - это бывший ресторан «Жемчужина» в Зеленогорском парке. В 1918 году в вилле Лепони был устроен знаменитый Терийокский морской курорт, в годы войны здание почти не пострадало, а в мирное время все-таки «умудрилось» сгореть.

Открытие сезона состоялось 9 июня 1912 года. Из Петербурга специально приехало много публики. Перед началом спектакля Мейерхольд выступил с речью, «в которой излагал принципы нового театра. Это не было связной речью... Речь Мейерхольда представляла собой как бы серию театральных афоризмов, облеченных в поэтическую форму... Он стоял на просцениуме перед публикой в темном костюме, с пальто, перекинутом через левую руку, и с мягкой шляпой в той же руке, как будто только что сошел со сходней корабля или с площадки вагона». В первый вечер были показаны пантомима «Арлекин - ходатай свадеб» в постановке Мейерхольда и две интермедии Сервантеса - режиссер В.Соловьев. Спектакль произвел в общем благоприятное впечатление на публику. М.Бабенчиков в московской «Новой студии» писал: «Обстановка, упрощенная до крайности, пестрота костюмов, в которых преобладали коричнево-

красноватый, желтые и зеленые тона, декорации, написанные Кульбиным - все это, согласно общему замыслу театра, должно было создавать подходящую оправу для наивного, яркого, несколько буффонадного характера итальянской комедии».

У Блока спектакль вызвал иные ощущения. В письме к матери он писал: «Мне ничего не понравилось. О Любе судить мне невозможно, особенно по вчерашнему спектаклю, где в сущности, никому и ни в чем нельзя было проявиться. Правда, прекрасную и пеструю шутку Сервантеса разыграли бойко, - Люба играла, держалась на сцене свободно... Кроме того, были две пантомимы, ...пантомима, по-моему, очень бессмысленная и необыкновенно банально придуманная и поставленная Мейерхольдом.

Спектаклю предшествовали две речи - Кульбина и Мейерхольда, очень запутанные и дилетантские (к счастью - короткие), содержания (насколько я сумел уловить) очень мне враждебного (О людях, как о куклах, об искусстве, как о «счастье»). Впечатление у меня было неприятное, и не хотелось идти на дачу пить чай».

Итак, сезон начался, впереди были другие постановки, но дальнейшие события развивались совершенно непредвиденным образом. В ночь с 14 на 15 июня произошло трагическое событие - в заливе утонул Николай Сапунов. Н. Сапунов с самого начала горячо поддерживал начинание своих друзей и стал одним из самых активных организаторов терийокского театра. Он вообще был человеком увлекающимся. Михаил Кузмин позже писал о нем: «Он был вполне театральный человек, то есть тип настоящего художника, актера, скорее уличного или площадного, который с детства, практически, овладел искусством, относится уже безразлично к тому, где его применять: в цирке, в церкви, на площади, в маленькой комнате, где угодно». Сапунов считался одним из наиболее выдающихся русских театральных художников, его декорации к различным постановкам всегда были событием в театральной жизни. Сапунова называли «вторым режиссером» спектаклей, так как его декорации не только органично вплетались в театральное действие, но и удачно допол-

няли режиссерскую идею. Так было, например, в нашумевшей мейерхольдовской постановке «Балаганчика» А. Блока в 1906 году. Другая совместная работа художника и режиссера, вызвавшая большой резонанс в театральном Петербурге - пантомима «Шарф Колумбины», прошедшая на сцене Дома интермедий в 1910 году.

...Сапунов настаивал на том, чтобы вся обширная программа маскарада «Веселая ночь на берегу Финского залива» была распределена между отдельными балаганами. Его занимала мысль, что в одном из балаганов должна быть показана публике «настоящая испанская драма» - «Сила любви и ненависти». Дело представлялось ему так: зрители, желающие увидеть испанскую пьесу, входят в небольшое помещение. Когда утомленные долгим и тщетным ожиданием представления, они начинают выражать свое неудовольствие, занавес взвивается, и глазам зрителей открывается второй занавес. На нем нарисована дурацкая рожа с чрезмерно вытянутым носом, а под нею надпись: «Вы, требующие исполнения испанской пьесы, не доросли еще до ее понимания, в награду за уплаченные в кассу балагана деньги вы можете бесплатно увидеть свое собственное изображение». Было задумано много других розыгрышей, веселых представлений. Сапунов заразил своей идеей всю труппу, только Мейерхольд отнесся к ней довольно прохладно. А. Блок тоже не одобрял всей этой затеи.

Вечером 14 июня Сапунов вместе с друзьями - всего было шесть человек, среди них Михаил Кузмин и молодая актриса Белла Назарбек, в которую Сапунов был влюблен - отправились на прогулку на лодке по заливу. Надо сказать, что Сапунов панически боялся воды. Ему гадалка предсказала, что погибнет он в воде, поэтому он не решался переправляться на лодке даже через Неву. За неделю до описываемого случая Сапунова тоже приглашали покататься на лодке, но он отказался. В тот раз лодка перевернулась, и чуть не утонул Мгебров. На этот раз сам художник пригласил своих друзей. Л.Д. Блок описывает то, что произошло в ночь с 14 на 15 июня: «Лодка опрокинулась в 3-х верстах от берега, Сапунов один не умел плавать; они все растерялись,

40

цеплялись за лодку так, что она все время переворачивалась и топила их. На помощь подоспел матрос в лодке, но когда он подъехал и стал спасать четверых, Сапунова уже не было. Тело ищут все время, но еще не нашли. Кузмин в ужасном состоянии, у него болезнь сердца, и потрясение на него страшно подействовало. Кульбин ухаживает за ним и принцессой (Беллой Назарбек - прим.), которая в отчаянии, - Сапунов все время держался за руку и успел ей сказать, что он не умеет плавать...».

Тело Сапунова нашли только на одиннадцатый день на кронштадтском берегу. В Кронштадте он и был похоронен. 23 июня в Исаакиевском соборе была отслужена панихида.

Смерть М. Сапунова, конечно, не могла не повлиять на работу Товарищества. Потрясенный Б.Пронин не смог больше оставаться в Терийоках и оставил театр. Мейерхольд тоже «заметно помрачнел и не находил себе места». «После смерти Сапунова на нашу жизнь, - вспоминал А. Мгебров, - надвинулись сумерки. Но это не были сумерки бесплодного уныния». Жизнь продолжалась, продолжалась работа театра.

Репертуар, с которым выступало Товарищество, был достаточно разнообразным, в нем нашли место и веселые комедии, и серьезные драматические пьесы Б. Шоу «Доходы миссис Уоррен» и «Ни за что бы вы этого не сказали», интермедии М.Сервантеса, комедии О.Уайльда. Интерес вызвал спектакль по пьесе испанского драматурга XVII века Кальдерона «Поклонение кресту». Именно после этого спектакля - он прошел 29 июня - у Александра Блока изменилось отношение ко всей работе терийокского театра. Блока в спектакле поразило то, что «католический мистицизм» испанской пьесы в исполнении «модернистов» и «с декорациями более чем условными» был выражен так, «как едва ли выразили бы его обыкновенные актеры». «Поклонение кресту» Мейерхольд хотел поставить еще раз в необычных условиях - на природе. Для этого режиссеры и актеры долго искали подходящее место - оно было найдено в имении писательницы М.В.Крестовской «Мариоки» на Черной речке. Здесь был прекрасный сад, от дачи к Финскому заливу спускалась большая лестница - сценическая площадка. Спектакль,

по замыслу, должен был идти ночью, «при свете горящих факелов, с огромной толпой всего окрестного населения».

Но главным спектаклем театра, наиболее интересным по замыслу и воплощению, настоящим шедевром Всеволода Мейерхольда стала постановка пьесы «Виновны - невиновны» шведского драматурга Августа Стриндберга. Стриндберг в начале века был одним из популярных в России писателей, период увлечения его творчеством прошли А.Блок и В. Мейерхольд. Стриндберг умер в мае 1912 году, и спектакль было решено посвятить его памяти. О том, что в Терийоках состоится стриндберговский вечер, стало известно заранее в творческих кругах, на спектакль приехали даже зрители из Москвы. Из Швеции приехала дочь Стриндберга с мужем. Спектакль действительно вызвал большой интерес, так как «Виновны - невиновны» была запрещенной в России пьесой.

«Вокруг нашей работы над такой волнующей пьесой сплотились все, - вспоминал А. Мгебров, - одни непосредственным участием в ней, другие - осторожным и тихим к ней благоговением. К первым принадлежали: все участники этой работы, вместе с самим Мейерхольдом и художником Бонди; ко вторым - прелестная семья Алперс, Вл. Пяст, В.Н. Соловьев, Н.И. Кульбин и многие другие».

Спектакль поразил всех и режиссурой, и игрой актеров, и декорациями. Блок в дневнике записал: «Весь Стриндберговский вечер произвел на меня такое цельное и сильное впечатление, что я мог бы написать о нем статью». Сразу после спектакля поэт сказал: «Тут Мейерхольд временами гениален». Дочь Стриндберга переживала: «Неужели такая замечательная постановка не будет показана в Петербурге?». Внимание многих привлекли декорации, сделанные Юрием Бонди. Позднее сам художник так писал о задачах своей работы над этим спектаклем: «При постановке пьесы Стриндберга была попытка ввести декорации и костюмы в непосредственное участие в действие пьесы». Сцена была обрамлена черной рамкой - этим актеры спектакля хотели подчеркнуть траурный характер спектакля (одновременно эта черная рама напоминала и о недавней гибели Сапунова). В глубине сцены находились транспаранты, силуэтно изоб-

ражающие деревья в саду или зал ресторана. Человеческие фигуры тоже выглядели силуэтами на фоне транспарантов в черной раме. Современные театральные новшества уже давно никого не удивляют, но в то время такой подход к оформлению сцены был действительно новым.

Экспериментальный характер носили постановки фрагментов из «Антигоны» Софокла и «Финикиянок» Еврипида, где впервые был сделан опыт применения в драме принципов музыкального искусства - так называемое ритмическое чтение «иногда переходящее в чисто музыкальное, то есть включающее, кроме ритма еще и музыкальную интонацию». Теория музыкального чтения была разработана молодым композитором М.Ф. Гнесиным. Он по специальной методике занимался с актерами в Терийоках и перед началом спектакля выступил с докладом о принципах музыкального чтения.

Вообще, перед началом каждого спектакля обычно кто-либо из участников Товарищества выступал с небольшой речью, как бы вводящей публику в курс дела: ведь неискушенный зритель не всегда мог без предварительного объяснения понять, в чем смысл тех или иных театральных приемов. Это был своеобразный ликбез, хотя, сами речи иногда были столь витиеваты и сложны, что еще больше иногда запутывали зрителя.

Александр Блок считал, что наиболее интересной была игра трех актеров, а именно Любви Блок, Александра Мгеброва и Виктории Чекан. То, что его жена - актриса, Блоку часто было неприятно, и он не скрывал этого, но в Терийоках его мнение об артистических способностях Любви Дмитриевны изменилось. Он отмечал в ней «задатки здоровой работы», хотя и признавал отдельные недостатки. На Мгеброва и Чекан он обратил внимание после «Поклонения кресту», где они исполняли главные роли. Александр Мгебров и Виктория Чекан сблизились в Терийоках, и позднее, в Петербурге, обвенчались. Вся актерская семья жила дружно, атмосфера в труппе была непринужденная. Каждый день из Петербурга приезжали гости, которые обычно оставались на ночь. Всеволод Мейерхольд окруженный

молодежью, чувствовал себя тоже членом этой большой семьи. «Мейерхольд своим талантом покори́л всю свою труппу», - писал Блок.

В Терийоках Мейерхольд познакомился со многими молодыми людьми, ставшими впоследствии его единомышленниками и помощниками. Известный филолог Сергей Бонди, брат Юрия Бонди, в то время еще совсем юноша, от общения с великим режиссером, по его словам, вынес очень многое; молодой Борис Алперс, семья которого жила в Терийоках, именно после знакомства с Мейерхольдом, увлекся театром и стал потом авторитетнейшим театроведом. Большую школу прошел в Терийоках Михаил Гнесин. Вся эта молодежь, собравшаяся вокруг режиссера летом 1912 года, составила костяк возникшей в 1913 году музыкальной студии импровизаций, вошедшей в историю русского театра под названием «Студии на Бородинской».

Говоря о значении терийокского театра, резонно привести слова из статьи Михаила Бабенчикова: «Не создав за недолгое свое существование каких-либо новых незыблемых основ для будущей сцены, молодой театр, удел которого был обрабатывать материал, тем не менее многим помог дальнейшему развитию сценических форм. В неустанных исканиях, так отличавших его руководителей, в полной отрешенности от рутины старой сцены - залог несомненной жизнеспособности этого театра. Я глубоко верю, что пройдут годы и мы снова увидим где-нибудь былую возрожденную красоту его постановок, вновь засиявшую на подмостках, и что театру Товарищества уже уготовано подобающее место в книге театральных деяний».

ПРИЮТ ИЗГНАННИКОВ

Интеллигенцию столицы в Терийоки привлекала не только самобытная красота природы, уединенность этих мест, но и относительная свобода от полицейского надзора. Некоторые поселились здесь надолго и не по своей воле. Под гласный надзор полиции в 1901 году попали К. Бальмонт, Н.Рубакин, М.Филиппов, Г.Гарин-Михайловский, В.Ве-

ресаев, П. Лесгафт. Вскоре многим из них пришлось скрываться от преследования в Терийоках. «Нас в Терийоках образовалась целая колония», - рассказывает о той поре ученый и популяризатор науки М.Филиппов, первый переводчик сочинений Ч.Дарвина на русский язык, редактор научно-энциклопедического словаря и журнала «Научное обозрение». ³ В этом журнале сотрудничали Г.Плеханов, В.Ленин, Д.Менделеев, К.Циолковский. В 1901 году редакция, скрываясь от преследования, переехала из Петербурга в Терийоки.

М.Филиппов был тесно связан с замечательными русскими учеными А.Бекетовым, Н.Введенским. В редакции «Научного обозрения» активно сотрудничал профессор С.Глазенап, автор популярных книг по астрономии и математике. Помешал на страницах журнала свои работы крупнейшей зоолог-дарвинист В.Шинкевич. Вся корреспонденция для редакции «Научного обозрения» направлялась в Терийоки, на дачу Богомолова, где жил М.Филиппов и собирались сотрудники журнала.

В небольшой даче в Терийоках занимался научной работой выдающийся ученый-педагог, психолог, анатом и врач Петр Францевич Лесгафт. С 7 мая 1901 года власти запретили ученому с мировым именем проживать в столице. Период пребывания П.Ф.Лесгафта в Терийоках был плодотворным. Ученому удалось в одну зиму написать больше, чем в предыдущие 13 лет. В маленьком домике П.Ф. Лесгафта жизнь была ключом. Сюда приезжали из Петербурга коллеги ученого, слушатели и слушательницы, пациенты, одни - с целью посетить изгнанника и выразить ему свое сочувствие, другие за советом, поделиться горем или радостью. Петр Францевич каждого встречал радушно и гостеприимно. Часто навешал П.Ф. Лесгафта профессор В.М. Бехтерев, имевший дачу в окрестностях Терийок. Летом Петр Францевич нередко отправлялся на велосипеде в Куоккалу, в гости к И.Е. Репину, который неоднократно слушал лекции Лесгафта в Петербурге.

Ученые, литераторы Петербурга, вынужденные жить на Карельском перешейке, сумели открыть там ученые курсы и

школы. В 1901 году такую подготовительную школу в Терийоках закончил будущий автор романа «Хождения по мукам» Алексей Толстой. В том же году он успешно сдал экзамен в Технологический институт и поступил на механическое отделение.

«ГРАНДИОЗ» АНДРЕЕВА⁴

С Терийоками связано последнее десятилетие жизни замечательного русского писателя Леонида Николаевича Андреева.

Впервые Леонид Андреев приехал в Финляндию в апреле 1906 года, побывав тогда в ее столице Гельсингфорсе (Хельсинки), а с весны 1908 года поселился в построенном по его чертежам и рисункам собственном доме на Черной речке. «Эта дача, - пишет в своих мемуарах Борис Зайцев, - очень выражала новый курс: и шла к нему. Когда впервые подъезжал к ней летом, вечером, она напомнила мне фабрику: трубы, крыши огромные, несуразная громоздкость. В ней жил все тот же черноволосый, с блестящими глазами, в бархатной куртке Леонид Андреев, но уже начавший жизнь иную: он женился на А. И. Денисевич, заводился новым очагом, был полон новых планов, более грандиозных планов, чем ранее, и душа его была смятена славой, богатством, жаждой допить до конца кубок жизни - кубок, казавшийся теперь, неосушимым.

Обстановка для писателя (в России) - пышная. Дача построена и отделана в стиле северного модерна, с крутой крышей, с балками под потолком, с мебелью по рисункам немецких выставок. Мы много говорили, очень дружелюбно, мне хорошо было с Андреевым, но жилище его говорило не о цельности, о том, что стиль все-таки не найден. К стилю не шла матушка из Орла, Настасья Николаевна, с московско-орловским говором; не шли вечные самовары, кипевшие с утра до вечера, чуть не всю ночь; запах шей, бесконечные папиросы, нервность, мягкая, развалистая походка хозяина, добрый взгляд его глаз, многие мелочи. Правда стремление к грандиозу находило некое применение: нравилось смот-

реть с башни в морской бинокль на Финский залив, наблюдать ночью звезды...».

Это «стремление к грандиозу» подчеркивает в своих воспоминаниях и Корней Чуковский: «Он любил огромное. В огромном кабинете, на огромном письменном столе стояла у него огромная чернильница. ...Его огромный камин поглощал невероятное количество дров, и все же в кабинете стоял такой лютый холод, что туда было страшно войти. Кирпичи тяжелого камина так надавили на тысячепудовые балки, что потолок обвалился, и в столовой нельзя было обедать. Гигантская водопроводная машина, доставлявшая из Черной речки воду, испортилась, кажется, в первый же месяц и торчала как заржавленный скелет, словно хвастая своею бесполезностью, пока ее не продали на слом. Зимняя жизнь в финской деревне убога, неудобна и мертва. Снег, тишина, даже волки воют. Финская деревня не для герцогов. И вообще эта помпезная жизнь казалась иногда декорацией. Казалось, что там, за кулисами прячется что-то другое ...».

Свою дачу Андреев называл «Вилла Аванс» (она была построена на деньги, взятые авансом у издателя. Про одного критика выразился: «Иуда из Териок» (вместо «Иуда Искарот»)).

«...Иногда, глядя на него, как он хозяйским шагом гуляет у себя во дворе, среди барских конюшен и служб, в сопровождении Тюхи, великолепного пса, или как в бархатной куртке он позирует перед заезжим фотографом, вы верили, чтобы этот человек мог носить в себе трагическое чувство вечности, небытия, хаоса, мировой пустоты. Но в том-то и заключалась особенность его писательской личности, что он, - плохо ли, хорошо ли, - всегда в своих книгах касался извечных вопросов, трансцендентных, метафизических тем. Другие темы не волновали его. Та лит. группа, среди которой он случайно оказался в начале своего писательского поприща - Бунин, Вересаев, Чириков, Телешов, Гусев-Оренбургский, Серафимович, Скиталец - была внутренне чужда Леониду Андрееву. То были бытописатели, волнуемые вопросами реальной действительности, а он среди них был единственный трагик, и весь его экстасти-

ческий, эффектный, чисто театральный талант, влекущийся к грандиозным, преувеличенным формам, был лучше всего приспособлен для метафизико-трагических тем».

Именно эти темы одиночества, роковой судьбы, пессимизма, бессилия человеческой личности в борьбе с окружающим злом волновали писателя. В терийокском доме написаны «Царь-Голод» (1908), «Черные маски» (1908), «Анатэма» (1910), «Океан» (1911), «Сашка Жегулев» (1912), «Жертва» (1916)... Живя на своей несообразно огромной даче в Финляндии, писатель постепенно превратился в отшельника, сознательно удалившегося от движения жизни. Октябрьскую революцию он не понял и не принял, так же как Бунин, Цветаева, Рахманинов, Шаляпин, Рерих...

Его старший сын Вадим Андреев в своей книге «Детство» точно определил причины этого: «Не случайно отец не понял значения Октябрьской революции - он был слишком связан с той частью русской интеллигенции начала XX века, которая стремилась к революции, думая, что революция может быть чем-то легким, бесполезным, простым... Всю жизнь отец носил Россию в себе, как верующий носит бога, но когда Россия открылась ему в Октябре, он не узнал ее в этом облике, и все распалось - хаос с головой захлестнул его».

Л.Андреев умер в возрасте 48 лет 12 сентября 1919 года в Финляндии, на Черной речке и был похоронен на местном кладбище. После Великой Отечественной войны прах его был перенесен на «Литераторские мостки» Волкова кладбища.

РОДИНА «ЧУКОККАЛЫ»⁵

Около десяти лет прожил в окрестностях Терийок - поселке Куоккала Корней Иванович Чуковский. Первоначально он поселился неподалеку от железнодорожной станции, в доме с «несуразной башенкой», после того, как был подвергнут преследованиям властей за издание сатирического журнала «Сигнал».

«Когда в 1907 или 1908 году я приехал в Куоккалу, - писал К.И. Чуковский, - мне говорили шепотом, что на даче «Ваза»

скрывались большевики».

Тогда же состоялось его знакомство с Репиным. Илья Ефимович был старше Чуковского почти на сорок лет, но отнесся к нему с симпатией и интересом, быстро переросшими в искреннюю привязанность. «Я так рад соседству К.И. Чуковского...- сообщает он А.Ф. Кони. - Его феноменальная любовь к литературе, глубочайшее уважение к манускриптам заражает всех нас».

Как и Репин, Чуковский жил с семьей в Куоккале круглый год. Первое время Чуковский снимал дачу вблизи железнодорожной станции, позднее - ближе к морю. Одно время Чуковский арендовал дачу П.С. Анненкова, бывшего народовольца. Тогда же Чуковский подружился с его сыном Юрием, талантливым художником. Через некоторое время у Чуковского появляется возможность переехать в более удобное помещение при содействии Репина:... «Он купил на мое имя ту дачу, в которой я жил тогда (наискосок от Пенатов), перестроил ее всю от основания до крыши, причем сам приходил наблюдать, как работают плотники, и сам руководил их работой. Уже по тому изумлению, с которым он встречал меня в позднейшие годы, всякий раз, когда я приходил возвращать ему долг (а я выплачивал свой долг по частям), можно было видеть, что, покупая мне дачу, он не ждал возвращения затраченных денег».

Виктор Шкловский, не раз бывавший в доме Чуковского в предреволюционные годы, описывает ее в книге «Жили - были»: «Дача выходит в море нешироким и не покрашенным забором. Дальше от моря участок расширяется. Дача стоит на берегу маленькой речки. Она двухэтажная, с некоторыми отзвуками английского коттеджа. У Корнея Ивановича кабинет в верхнем этаже дачи. К нему даже зимой приезжают писатели».

Помимо Ильи Ефимовича Репина гостями этого дома были жители той же Куоккалы: театральный режиссер и искусствовед Н. Евреинов, художник и первый иллюстратор поэмы А.Блока «Двенадцать» Юрий Анненков. Приезжали и ранее знакомые с Чуковским Леонид Андреев, Александр Куприн, Сергей Сергеев-Ценский. Сам Чуковский в своих

мемуарах вспоминает Алексея Толстого, Сергея Городецкого, Аркадия Аверченко, Сашу Черного, Бориса Садовского, Леонида Собинова.

Каждое лето Куоккала оживала и вместе с дачниками сюда переносились отголоски литературно-художественной и общественной жизни столицы. До 1912 года на даче в Куоккале жил Николай Анненский, народнический общественный деятель, брат выдающегося поэта-лирика Иннокентия Анненского. У Николая Федоровича жил его ближайший друг писатель В.Короленко, гостили историк Е.Тарле и сотрудники литературно-политического и научного журнала «Русское богатство» (его редактировали Н.Анненский и В. Короленко).

В 1909 году Чуковский уговорил писателя С.Сергеева-Ценского провести в Куоккале зиму и снял для него дачу «Казиночка», на которой и сам жил прежде. Писатели и художники, жившие в Куоккале, бывали у Чуковского, но особенно оживленным его дом становился в воскресные дни. «К вечеру, - вспоминает один из современников, - когда закат зажигал черные сосны прохладным огнем, дом оживал. Являлись гости, соседи или из Петербурга, закипали споры о символизме, о революции, о Блоке, о Чехове». Сам Чуковский рассказывал позднее, как «вокруг чайного стола затевались бурные, молодые - часто наивные споры: о Пушкине, о Достоевском, о журнальных новинках, также о волновавших нас знаменитых писателях той довоенной эпохи - Куприне, Леониде Андрееве, Валерии Брюсове, Блоке. Часто читались стихи или отрывки из только что вышедших книг». Читали вслух не только современную, но и классическую русскую и иностранную литературу: «Дон Кихота», «Медного всадника», «Калевалу»...

Участниками этих литературных «воскресений» бывали писатели А. Толстой и А. Аверченко, поэты О. Мандельштам, В. Хлебников, Д. Бурлюк, А.Крученых, художники Ю.Анненков, Ре-Ми (Н.Ремизов), С.Судейкин, Б. Григорьев....

Вероятно, наплыв гостей и вызвал у Чуковского мысль о собирании автографов. Но решил он эту задачу иначе, чем Куприн, предоставивший право своим гостям расписываться

на столе. Осенью 1913 года Чуковский, по совету художника И. Бродского, смастерил самодельный альбом, на заглавном листе которого Борис Садовский написал:

«Наследник и соумышленник Шевченки,
Сюда с искусства ты снимаешь пенки...»

Репин тут же придумал название рукописного альманаха: «Чукоккала». Так же окрестил он и дом Корнея Ивановича.

Вскоре на страницах альманаха стали появляться рисунки, шаржи, поэтические экспромты, изречения... - «Чукоккала» полюбилась гостям. Художник А. Арнштам, сотрудничавший когда-то в «Сигнале», нарисовал для нее обложку, изобразив Чуковского на берегу Финского залива, по которому плывут писатели, поэты, художники, спешащие оставить свои автографы в «Чукоккале».

Весной 1914 года И.Е. Репин сделал свой первый вклад в эту коллекцию, передав Чуковскому рисунок, изображающий его и трех других людей во время уборки упавшей сосны на дорожке «Пенат». Эти «Бурлаки в Пенатах» открыли коллекцию «Чукоккалы».

Корней Иванович вел это собрание до последних дней своей жизни, когда оно достигло объема 700 страниц. Помимо автографов русских писателей встречаются в «Чукоккале» рисунки Мстислава Добужинского, Бориса Григорьева, Сергея Чехонина, Представлены в этой коллекции и деятели театра: Шаляпин, Собинов, Евреинов, Качалов. Стихи, шаржи, документы (вырезки из газет, объявления), кораблики из бумаги, которые складывал Горький, «окно Чукроста» Маяковского.

В дореволюционные годы «Чукоккала» насчитывала несколько десятков страниц. Репин в ней представлен несколькими рисунками. На одном из них - немецкий рабочий, вывозящего кайзера Вильгельма на тачке (1914 г.). На другом - гости Корнея Ивановича - «Государственный совет в Чукоккале».

Летом 1915 года у Чуковского часто бывал Владимир Маяковский. Выиграв 65 рублей в лотерею, он снял комнату в Чукоккале. Но денег на еду ему не хватало. Позднее, в

автобиографии «Я сам» поэт писал: «Установил семь о-
юших знакомств. В воскресенье «ем» Чуковско
понедельник - Евреинова и т.д. В четверг было хуже
репинские травки. Для футуриста ростом в сажень - э
дело». В доме Корнея Ивановича Маяковский читал свои
хи, в том числе и новые, написанные в тот же день или
нуне. «Эти чтения происходили так часто, что даже с
летняя дочь запомнила кое - что наизусть», - п
Чуковский.

В июне 1915 года чтение стихов застал на террасе дома Репин. Стихи ему понравились, и он пригласил поэта в «Пенаты», чтобы написать его портрет. Маяковский не остался в долгу: он сделал несколько портретов самого Репина в шаржированном виде, в том числе и в доме Чуковского. На одном из них он изобразил Репина вместе с Чуковским. «В те годы он рисовал без конца, свободно и легко - за обедом, за ужином, по три, по четыре рисунка - и сейчас же раздавал их окружающим», - писал о Маяковском в своих мемуарах К.И.Чуковский. Его сын Николай добавляет: «Сидя у отца моего в кабинете, в большом обществе, и кого-нибудь слушая, они (Репин и Маяковский. - прим.) обычно что-нибудь рисовали. Один в углу, другой - в другом».

Рисунки Маяковского вызывали одобрение Репина: «Самый матерый реалист. От природы ни на шаг и чертовски уловлен характер». По вечерам Репин заходил к Чуковскому и вместе с Маяковским все уходило по направлению к Оллила, в ближайшую приморскую рошу. В это время Маяковский продолжал работать над поэмой «Облако в штанах», которую обычно сочинял во время прогулок по берегу Финского залива. По свидетельству Чуковского, стремительное хождение по берегу, во время которого поэт бормотал стихи, иногда останавливаясь, чтобы записать рифму (чаще всего на папиросной коробке), длилось по несколько часов. «Подшвы его стерлись от камней, - писал Чуковский, - нанковый синеватый костюм от морского ветра и солнца давно уже стал голубым, а он все не прекращал своей безумной ходьбы».

Иногда Маяковский проходил по 12-15 верст, повергая в смятение дачников. «Дачники смотрели на него с опаской, - рассказывал Чуковский. - Когда он захотел прикурить и кинулся с потухшим окурком к какому-то стоявшему на берегу джентльмену, тот в панике убежал от него».

Бывал у Чуковского поэт и авиатор Василий Каменский. Он запомнился обитателям дома своими декоративными работами: наклеивал на огромный зеленый картон десяток фантастических драконов, вырезанных из оранжевой и пун-

цовой бумаги, попеременно с фиолетовыми звездами. Получался чудесный, жизнерадостный орнамент. Если повесить эту бумажную импровизацию на стену, в комнате становится весело. В таком духе была украшена Каменским пустующая в доме комната, куда детей ставили в угол. Первое стихотворение для детей, написанное Корнеем Чуковским в 1916 году, - «Крокодил», было определенным образом связано с рисунками Каменского.

Как-то в поезде (Чуковскому часто приходилось ездить по издательским и редакционным делам в Петроград), развлекая больного сына, он вслух принялся сочинять сказку, а утром мальчик вспомнил услышанное от первого до последнего слова. Осенью 1916 года сказка была закончена и вскоре, по словам писателя Юрия Тынянова, возбудила «шум, интерес, удивление, как то бывает при новом явлении литературы». Так открылась еще одна сторона многогранного таланта Чуковского: он стал детским поэтом. Сказка, как нож в масло, вошла в детскую среду и, появившись в печати («Крокодил» вышел в приложении к «Ниве» летом 1917 года), к ужасу ее автора, тут же и навсегда затмила славу и популярность Чуковского-критика.

В этот период Чуковский как критик, вел борьбу с пошлостью и сюсюканьем, господствовавшими в тогдашней детской литературе, в чем ему оказал поддержку А.М. Горький.

Чуковского всегда отличала привязанность к детям, и в молодости и в преклонные годы. Чуковский проявлял интерес к новым и новым знакомствам среди детворы. На куоккальском берегу Финского залива он строил с детьми крепости, затевал увлекательные игры. Сын Леонида Андреева, испытавший в детстве обаяние личности Чуковского, писал позднее: «К нему мы все сразу отнеслись с доверием, как к своему, как к человеку нашего детского мира». Куоккальским детям запомнились и веселые праздники, которые устраивал Корней Чуковский. Один из них состоялся летом 1917 года в Летнем театре. Приглашенные Чуковским музыканты исполнили детские произведения Чайковского, Мусоргского, Гречанинова. Сами дети, в том числе

и дети Чуковского, сыграли пьесу, а Корней Иванович прочитал недавно написанную сказку «Крокодил». Собранные деньги были переданы куоккальской общественной детской библиотеке.

Годы жизни в Куоккале для Корнея Ивановича были плодотворными: за это время он написал несколько десятков критических статей, составивших книги «От Чехова до наших дней», «Критические рассказы», «Лица и маски», «Книга о современных писателях». 19 июля 1923 года Борис Садовский писал Чуковскому: «Вчера, проходя Оллила, с грустью посмотрел на потемневший дом Ваш, на заросшие дороги и двор, вспоминал, сколько там было приливов и отливов всех типов молодой литературы!.. И много множество брошюр видел я в растерзанном виде на полу, со следами от всех грязных подошв, валенок, среди ободранных роскошных диванов, где мы так интересно и уютно проводили время за слушанием интересных докладов и горячих речей талантливой литературы, разгоравшейся красным огнем свободы. Да, целый помост образовался на полу в библиотеке из дорогих редких изданий и рукописей...».

Репин тяжело переживал неожиданную разлуку с Корнеем Ивановичем. «О, здесь, в Куоккале, - писал он ему в Петроград, - Вы были самым интересным мне другом». А в другом письме: «Я вспоминаю Вашу высокую, веселую фигуру... Огневой человек, дай Вам бог здоровья». Чуковскому также недоставало Репина, вблизи которого он прожил 10 лет. И конечно, тосковал он и по самой Куоккале. Как и для Репина, Куоккала стала для него «пенатами», родным домом. Вот почему он однажды писал художнику: «Куоккала - моя родина, мое детство...».

В начале 1925 года Чуковский приезжал в Куоккалу, которая тогда уже входила в состав Финляндии. В последний раз видел он Репина, говорил с ним. Визит к Репину произвел на него тягостное впечатление: «Я вспоминаю о нем как об одной из самых мучительных неудач в моей жизни». Репина окружали уже не светила русской культуры, а злобные и дешевые мистики. Корней Иванович уговаривал Репина издать свои воспоминания «Далекое близкое» в Советской Рос-

сии, но успеха не добился (они были изданы при участии Чуковского уже после смерти автора). В день смерти Репина, 29 сентября 1930 года К.И. Чуковский находился в Крыму вместе с Сергеевым-Ценским. «Случилось так, что мы двое как бы просидели весь тот день у смертного одра того, которого так любили при жизни!», скажет потом Сергеев-Ценский.

В «ПЕНАТЫ», К РЕПИНУ!

Усадьба «Пенаты», находящаяся в поселке Репино (бывшая - Куоккала), знаменита тем, что в ней выдающийся русский художник Илья Ефимович Репин прожил 30 лет. Здесь же, в 1930 году в возрасте восьмидесяти шести лет умер, и, согласно завещанию, похоронен на месте, определенном им самим.

Участок земли в поселке Куоккала был оформлен купчей 15 (27 н.ст.) мая 1899 года на имя дочери адмирала Наталии Борисовны Нордман. Деньги в сумме 10 тысяч рублей были уплачены Репиным. Свой шаг художник объяснил в письме 1922 года: «...Из боязни, чтобы по моей смерти ее не выселили мои наследники, я перевел на ее имя «Пенаты».

В 1909 году сыну художника Юрию Ильичу Репину выделили часть, занимающую 0,37 гектара. Здесь был построен дом с мастерской. На основном же участке, получившем название «Пенаты» (у древних римлян пенаты – боги, хранящие тепло домашнего очага), уже стояла одноэтажная дача, не приспособленная к работе художника-живописца. Поэтому Репин стал дом перестраивать. Сначала была сооружена зимняя веранда с северной стороны, затем возведен второй этаж со стеклянными световыми фонарями, а к зиме 1911-1912 годов были завершены работы по строительству кабинета, а над ним просторного балкона, примыкающего к мастерской. Дом принял несколько причудливый вид. Однако, при близком знакомстве легко убедиться в конструктивной целесообразности внутренних помещений.

Одновременно преобразовывался и парк. Участок был расширен и достиг площади 2,2 гектара. Болотистая мест-

ность была осушена посредством искусственных прудов и протоков, позволявших весной сбрасывать лишние воды в Финский залив. Были созданы две основные аллеи: березовая и еловая. На лужайках появились разнообразные беседки: «Храм Озириса и Изиды», «Башенка Шехерезады», «Рембрандт», будка для этюдов «Италия».

Весной 1914 года Репин пробурил возле дома, на берегу пруда, артезианскую скважину глубиной 33,5 сажен, т.е. примерно 72 метра, построил шестигранную чашу для излива воды и ступени в пруд. Это сооружение назвали «Посейдон». Оно давало четыреста ведер в час, что было существенной добавкой для заполнения прудов.

Уже в начале 1900-х годов усадьба стала достопримечательностью этих мест. Каждую среду, от трех часов дня, сюда мог прийти каждый, кто хотел повидаться или познакомиться с Репиным. Многочисленные репинские гости, приезжавшие из Петербурга, выходили из поезда на станции Куоккала, где их уже поджидали извозчики. Две версты пути по Большой дороге (ныне Приморское шоссе), и взгляд останавливался на ярко раскрашенных деревянных воротах с резной надписью «Пенаты». Несколько десятков шагов по мошечной булыжником дорожке березовой аллеи, и справа открывался вид на двухэтажное деревянное здание.

Первыми гостями были В.Стасов, М.Горький, А.Куприн, Н.Гарин-Михайловский. Затем приезжали многие: художники В.Поленов, А.Куинджи, В.Серов, И.Бродский, В.Кустодиев, Ф.Малявин, Н.Фешин; музыканты Ц.Кюи, А.Лядов, А.Глазунов, Б.Астафьев, певец Ф.Шаляпин. Здесь в 1910-е годы постоянно бывал К.Чуковский, приходили поэты С.Есенин и Н.Клюев, В.Маяковский, Д.Бурлюк и В.Розанов, ученые В.Бехтерев и И.Павлов, а также И.Тарханов и Н.Морозов. Этот список знаменитостей можно было бы продолжить, но лучше вспомнить слова Лермонтова, как это сделал Репин: «...про «Пенаты» можно сказать: все побывали тут...».

В 1910 году Нордман приобрела неподалеку от «Пенатов» деревянный дачный театр с двумя небольшими домиками. Эта группа построек находилась близко к берегу

Финского залива в Оллила (Солнечное). Театр был превращен в просветительное учреждение (Народный дом «Прометей»), где читались лекции, проводились праздничные гуляния. Там была открыта библиотека и даже детский сад.

Завешание на усадьбу «Пенаты» Нордман оформила в 1910 году. В нем сказано: «Принадлежащий мне благоприобретенный участок земли, находящийся в Финляндии, в деревне Куоккала Кивеннапского прихода, под названием «Пенаты», с домом и хозяйственными постройками, я завещаю в пожизненное владение Профессору Императорской Академии Художеств, художнику Илье Ефимовичу Репину, в собственность названной Академии, с тем, чтобы после смерти Ильи Ефимовича Репина в доме, ныне занимаемом мною, был устроен музей, под названием «Домик Ильи Ефимовича Репина». По мысли завешательницы, «Домик» должен был сохранить в своих комнатах отпечаток «вкусов и привычек Репина». После смерти Нордман в 1914 году Репин обнародовал завешание. По внесению художником на счет Академии около 40 тысяч рублей, дар был с благодарностью принят. Причем в дачах при театре «Прометей» Репин надеялся открыть санаторий для молодых художниц, учениц Академии.

В 1918 году, когда граница закрылась, по государствен-

ному договору между Советской Россией и Финляндией, все имущественные претензии бывших учреждений на территории Финляндии не принимались. Таким образом, и Академия художеств лишалась прав на землю «Пенатов», хотя не раз заявляла о своем наследовании усадьбы.

Но художник был жив, его «среды» продолжались, и для оставшихся за рубежом русских «Пенаты» оказались тем самым родным домом, значение которого символически зашифровано в самом названии усадьбы. Даже после смерти Репина в 1930 году многие люди приезжали в «Пенаты» и просили дочь художника, жившую в доме, показать им мастерскую отца.⁶

Вот как описывают жизнь в довоенных «Пенатах» финские соседи художника: «Личность Репина была настолько сильной, что и после своей смерти он влиял на жизнь этих мест. Его картины, от первоначального собрания которых остались только крохи, летние гости прилежно ходили смотреть. О нем ходило множество рассказов, а его сын Юрий, тоже живописец, и его дочь Вера были и в дальнейшем заметными личностями в жизни Куоккалы.

...Здание было безобразнейшим на Перешейке. Оно было продуктом странной фантазии. От него во все стороны отходили небольшие выступы, веранды, пристройки, количество которых с годами увеличивалось.

В одном уголке дачи был высокий топчан, на котором Илья Репин спал весь год на открытом воздухе. Картины заполняли все стены дачи. Была атмосфера славянского мистицизма, беззаботности художника, распадающегося величия и пугающего упадка - того, что было так свойственно Перешейку в начале 1930-х, но чуждо и странно для остальной Финляндии.

...После смерти маэстро его сын и дочь жили в старых «Пенатах». Парк был одичавшим сказочным миром. Романтические мостики пересекали ручейки и прудики. Позади, в тени деревьев была маленькая сцена, где летом все время ставили спектакли. Первоначальной владелицей дачи, как говорят, была г-жа Нордман-Северова, у которой были литературные увлечения. Многие месяцы она вела вегетари-

анское хозяйство художника и была ему чем-то вроде музыки. Умирая в Швейцарии как раз перед мировой войной, г-жа Нордман завешала свой дом Репину.

Хотя Репин не был маринистом, море всегда сопровождало его работу. Упорно, даже в старости совершал он дальние прогулки в одиночку по песчаному побережью. Вода была элементом его вдохновения, но он писал и людей. Как рассказывала мне его дочь о своем отце, Илья Репин был очень общительным человеком.

Раз в неделю в Пенатах был большой прием, остальная неделя отдавалась труду. ...

У Репина бывали скупщики произведений искусства, но также и искатели приключений, как это всегда бывает около известных личностей. Из Петербурга ехали толпы восторженных женщин и очаровательных куколок, которых Репин очень любил на горе жене и семье. Но, за исключением пары серьезных случаев, эти симпатии столь же быстро и исчезали. Госпоже Нордман удалось надолго захомотать маэстро, что она сделала своею женской мудростью и экономическими ресурсами.

В своей жизни Репин прошел через все возможные стадии и трудности жизни большого художника. Начав с безденежного существования художника, он долго и упорно боролся, чтобы попасть на учебу в Петербургскую академию художеств на полуголодное существование. После годов учебы постепенно наступал период подъема, наконец признания, успех и известность.

Но почет и известность всегда имеют свои оборотные стороны. Репин был центральной личностью мира искусства страны, у него были связи со двором, он получал от государства крупные заказы. Он был безмерно работоспособен, упорен и энергичен, но его настроение менялось столь же быстро, мощными разрядами. Но когда в искусстве стали появляться и другие веяния, открылись новые направления, то молодое поколение уже не столь одобряло его. Это было ударом для Репина, но чудом он смирился, покорился и продолжал свою работу, пока, наконец, изменившиеся обстоятельства и старость не поставили на его пути непреодоли-

мое препятствие. Все же он постоянно писал, делая огромное количество набросков до самых последних лет.

Революция оказалась роковым рубежом в его жизни, поскольку тогда граница полностью закрылась. В сорока километрах от Петербурга на Перешеек теперь вместо блестящей публики хлынул поток эмигрантов.

Репин уже до этого обжился в Финляндии. В начале нового периода в его Отечестве он не захотел больше туда возвращаться, хотя его несколько раз приглашали. В России остались дочери Надя и Вера, как и семья Юрия, но потом сам Юрий и дочь Вера сбежали, чтобы остаться в Финляндии.

Репин уже до того установил связи с финскими художниками. Он хорошо знал всех наших видных людей начала века - Викстрема, Валлгрена, Ярнефельдта, Халонена и многих других. Все же он не поселился в Хельсинки, ибо его дом был в Куоккала; правда, в Хельсинки он устраивал выставки и делал, в частности, в Атенеум, дары, куда входили старые произведения русского искусства и его собственные работы.

Последние годы Репина были спокойными. Дочь Вера вела хозяйство, Юрий занимался живописью, но в тени своего отца он не стал видным художником. Каждую неделю еще собиралось общество обедневших эмигрантов побеседовать вокруг Репинского круглого стола. Могло раздаться пение, играть балалайка, уютно кипел самовар посреди стола. Но настроение было уже не то, хотя у хозяина дома была еще поразительно бойкая хватка.

После смерти хозяина я заходила поговорить к Вере Репиной. Особенно помню осенние вечера в Куоккала, теплые звездные ночи при вспышках прожекторов Кронштадта, время от времени освещающих полутемную комнату. Она все время оживленно рассказывала об отце, которого, по-видимому, очень любила.

Вера Репина была кокетлива. В июльский зной, когда другие раздевались чуть ли не совсем, ее можно было видеть шествующей к приходу поезда одетой в длинное светлое платье со множеством складок и бантиков, с зонтиком от солнца. С наступлением весны она никогда не забывала спросить меня, как изменилась мода в Хельсинки, хотя ей не удавалось ее соблюдать. Раз в год она ездила в Хельсинки с портфелем, в котором были последние эскизы ее отца. Она всегда просила бронировать комнату в отеле Клейна у Кауппатори. Рисунки продавались желающим по смехотворной цене и, в частности, в одну художественную галерею, которая явно злоупотребляла бедственным положением других.

Юрий же не выезжал из Куоккала. Он всегда был набожным, а к старости становился еще религиознее. Он построил рядом с шоссе часовенку, в которой молился за Россию и Финляндию и за все человечество. Он неколебимо верил, что войны не будет, хотя признаки ее предугадывались уже во всем. Юрий был мягкий человек, он не хотел убивать даже мух. Поэтому он не ел мяса зарезанных животных. Он собирал вынесенных морем мертвых рыб и солил их, запасая на зиму. Местные жители считали его в конце свихнувшимся. У него была большая слабость - алкоголь. К нему он то и дело прибегал, но на следующий день всегда, плача, просил у Бога прощения. Иногда он наказывал свое тело за грехи,

стоя полуголым в муравейнике. Иногда он заходил ко мне в дом с балалайкой и играл, особенно забавляя мою лежавшую больную мать.

Когда война все же началась, это было для него большим ударом. Он переехал в Хельсинки вместе с другими переселенцами и продолжал свою аскетическую жизнь, занимался живописью, жил на попечении Армии Спасения, иногда заходил навестить меня. Пил чай за столом на кухне, никогда не соглашаясь зайти в комнаты.

Жители Хельсинки с удивлением видели ходившего на зимнем морозе человека с великолепными седыми волосами, поразительно похожего на Петра Великого. У мужчины не было носок. Он ходил в открытых сандалиях, с босыми ногами на морозе.

Конец Юрия Репина был грустным. Он не вынес жизни, избрав смерть, и сам определил свой день...»⁷

ФИНЛЯНДСКИЙ ДВОРИК СЕРОВА

Так же как история терийокского побережья немислима без Ильи Репина, так же неразрывна она с судьбой Валентина Серова.

Впервые художник Валентин Серов побывал на Финском заливе летом 1899 года, когда гостил на даче у В.В. Матэ в окрестностях Терийок. Ему здесь понравилось, и уже в июле 1901 года он купил участок у неких Майоровых вместе с домом. С тех пор неизменно каждый год Серовы приезжали на все летние месяцы в Ино - так называлась финская деревня, в которой стоял их дом.

Вскоре после приобретения дачи (около 3-х десятин земли с домом, сараем и баней) Серов затеял постройку нового дома в два этажа. Дом делился на две части. Нижняя представляла собою ряд жилых комнат, где располагались родители - Валентин Александрович и Ольга Федоровна, дети - Александр и Георгий - те самые которые изображены в картине «Дети» на фоне Финского залива. Верхняя часть - одно просторное помещение, служившее Серову мастерской. Там были мольберт, столик с журналами да парижская

афиша «Русских сезонов» (танцующая Павлова), одиноко висящая на стене.

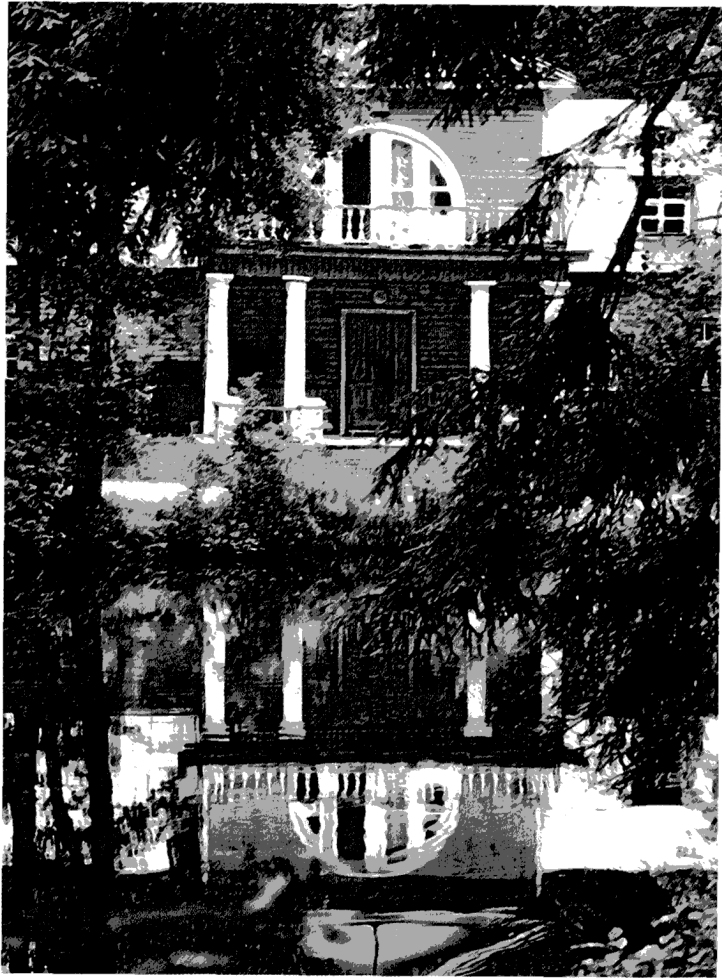
Двор окаймлялся хозяйственными постройками, где сохранилась скотина, а также помещения для людей, обслуживающих дачу. Некоторое представление об «усадьбе» дает жанровая картина Серова «Финляндский дворик», исполненная в 1902 году. Это - двор серовской дачи, королева Риллики, которую доит работница Аннушка.

В том же 1902 году Серов написал пейзаж «Финская мельница». Он исполнил его с натуры на Черной речке, недалеко от дачи Леонида Андреева. Из пейзажей, созданных в Ино, выделяются «Лошади на взморье» и «Купание лошадей».

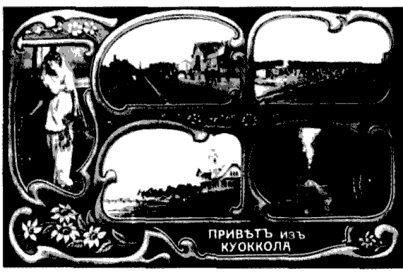
Летом 1906 года добрососедские отношения Серова с Андреевым стали и деловыми: Н.П. Рябушинский попросил Серова для своего журнала «Золотое руно» исполнить портрет Леонида Андреева. Художник охотно согласился: он ценил творчество писателя и любил с ним общаться. Андреев жил недалеко, всего в пяти километрах. Серов с детьми, а иногда с Ольгой Федоровной бывали на Черной речке, как и Андреев в Ино. Когда нужно было возвращаться назад, Леонид Николаевич снаряжал лодку с мотором (тогда это была редкость) и довозил Серова почти до их дачи. Просьбу Рябушинского инспирировал сам писатель, который соглашался позировать при условии быть нарисованным только Серовым. «В живописи люблю, - признавался Андреев, - больше всех Белкина. Потом люблю Серова, он самый благородный художник, Бенуа - он наиболее культурный, умный и тонкий».⁸ Художника и писателя объединяла духовная близость: заботы и страдания одного были, в сущности, заботами и страданиями другого. Поэтому портрет и оказался столь глубоким, и был сразу принят общественностью как крупное явление отечественного искусства.

Через год у Андреева родился сын; его назвали в честь Серова Валентином, а в семье звали Тинчиком.

В Ино Серов предпочитал работать над произведениями, которые делал по собственной инициативе, которые лю-

Зеленогорск. Особняк "Айнола". Начало XX века.

Почтовые карточки.
 Начало XX века.

бил и в которых видел залог своей молодости. Именно на даче он упорно работал над серией «Одиссей и Навзикая», писал варианты «Похищение Европы», а в последние годы рисовал иллюстрации к басням И.А. Крылова.

Живя на Финском заливе, Серов мало общался с посторонними людьми - ему хватало своей семьи. Каждое утро он уходил с сыновьями на яхте, построенной руками старшего сына Александра. Любил ходить по ягоды, по грибы. Время от времени он принимал гостей из Петербурга - Бакста, Бенуа, Дягилева, знакомя их со своим дачным окружением. По воспоминаниям Бакста, «в двух шагах» от серовского дома находилась дача известного пианиста и дирижера А.И. Зелоти, женатого на старшей дочери П.М. Третьякова - Вере Павловне. Серов рисовал и ту, и другую, первую в 1902 году, вторую - в 1905 году, в своей излюбленной технике того времени - сангина, мел, итальянский карандаш.

Чуть дальше, в десяти минутах ходьбы, жил Г.И. Чулков, поэт, драматург, публицист, символист и мистик по мировоззрению. Чулков в воспоминаниях «Годы странствий» рассказывал об успехе своей пьесы «Тайга»: «Похвалил ее и Серов, но помолчав, хитро прищурил глаза и сказал, будто бы робея: - Ваша пьеса символическая и, я конечно, понимаю, Георгий Иванович, что нельзя к ней предъявить требований правдоподобия, но, знаете ли, простите меня, я, как реалист, не могу не сделать одного замечания. У Вас там самка лося защищает детеныша рогами. А ведь у самки рогов-то нет... Я, признаюсь, был сконфужен замечанием остроумца... И во втором издании я убрал вовсе злополучные рога».⁹

Лето 1911 года было последним в жизни Серова. Несмотря на то, что художник находил в Ино успокоение, он так и не сумел привыкнуть к финской природе, к финскому быту. Дочь художника Ольга Валентиновна вспоминала, что последние годы он «ужасно скучал по русской деревне и мечтал купить себе небольшой участок в средней полосе России». Как-то у себя в мастерской Серов обнаружил маленького попугайчика, залетевшего в комнату. Ему дали поесть, попить, он прожил в мастерской несколько дней, но однажды утром Серов нашел попугайчика мертвым.

Случайная неприятность очень сильно подействовала на художника, связалась с народной приметой - залетевшая в дом птица - к смерти. Это действительно было последнее лето Серова.

ТРИУМФ ГОРЬКОГО

В начале 1904 года в связи с ухудшившимся состоянием здоровья, А.М. Горький поселился в Сестрорецке - известном курортном месте на берегу Финского залива. Дом, где жил писатель, сохранился. Помещение, предоставленное Горькому находилось во 2-м этаже, два огромных окна выходили на аллею парка, идущую от железнодорожной станции.

В середине апреля 1904 года, когда здоровье Горького несколько улучшилось, он переехал в Петербург. А через месяц писатель снова поселился на Карельском перешейке, в поселке Куоккала, пользовавшимся большой популярностью у жителей столицы. Как правило, своим дачам в Куоккале владельцы давали замысловатые названия. Здесь были «Теремок Инна», «Казиночка», «Ласточка». Дача, где поселился Горький, принадлежавшая шведу Эрстрему, носила название «Вилла Линтула». В наши дни на этом участке находится главный корпус дома отдыха им. А.М. Горького.

«Вилла Линтула» представляла собой двухэтажный деревянный дом, украшенный резными наличниками, маленькими фронтонами и башней с высоким шпилем и неизменным для здешних дачных построек флюгером. Жил Горький на 2-м этаже, откуда открывался вид на Финский залив. «У меня комната на чердаке, с большим окном, - писал он Е.П. Пешковой, - рядом со мной комната для К.П. Пятницкого, который бывает здесь часто...».¹⁰

Снимала дачу Мария Федоровна Андреева - известная актриса Московского художественного театра, человек необычной, яркой судьбы. Жена генерала А.А. Желябужского, она открыто разорвала семейные узы, что было вызовом аристократическому обществу, и стала гражданской женой и помощницей Горького. Познакомились

они весной 1900 года. Общие интересы, работа Андреевой над образцами горьковских героинь в пьесах «На дне», «Мешане», «Дачники», «Дети солнца» - все это сделано их необходимыми друг другу. Расставшись с Е. Пешковой в 1903 году, Горький, однако, на всю жизнь сохранил с ней теплые дружеские отношения, они все время переписывались, писатель делился с ней своими планами и впечатлениями, помогал ей воспитывать сына, которого очень любил.

Живя в Куоккале, Горький часто бывал в «Пенатах» у И.Е. Репина. На литературно-художественные среды к Репину приезжали художники, литераторы, музыканты, артисты, ученые. Здесь Горький оказался в атмосфере горячих споров о путях развития русского искусства, здесь еще более укрепились и расширились его связи с самыми яркими представителями художественной интеллигенции столицы. На одной из «сред» у Репина - 18 августа 1904 года - Горький познакомился с В.В. Стасовым. Они стали часто видаться.

Лето 1905 года Горький и М.Ф. Андреева провели в Куоккале на той же «Вилле Линтула». Здесь Горький начал работу над пьесой «Варвары» и закончил пьесу «Дети солнца», которую впервые прочел у себя на даче друзьям, среди них были В.В. Стасов, А.И. Куприн, Н.Г. Гарин-Михайловский, известный в то время литератор Ф.Д. Батюшкин. А 17-го июля в местном летнем театре эта пьеса была впервые поставлена. Играли любители. В спектакле принимала участие М.Ф. Андреева. На следующий день Репин писал Стасову: «Вчера был здесь в театре полный триумф Горького. Театр чуть-чуть удержался, чтобы не разорваться по швам - наперло публики! Из Петербурга наехало студентов! Стояли во всех щелях и так аплодировали, что даже в море вода отлила, и деревянная крыша театра едва не слетела!.. Мария Федоровна тоже имела успех».¹¹ Эта пьеса привлекла внимание многих деятелей искусства, и через три месяца премьера пьесы «Дети солнца» состоялась в Петербурге в Драматическом театре В.Ф. Комиссаржевской, где спектакль прошел с таким же бурным успехом.

Одним из самых популярных дачных пригородов Терийок была Черная речка с расположенными на ее берегах финскими деревнями Местсякюля (Молодежное) и Ваммельсуу (Серово).

Самым крупным имением на Черной речке владел Евгений Эпафродитович Картавцев, экономист, промышленник, управляющий Русским банком для внешней торговли. Имение называлось «Мариоки» - в честь его жены - Марии Всеволодовны Крестовской. Имение отличалось не только размерами, но и необычно пышным для севера садом, затем здесь появилась «домашняя» церковь, а еще позже это место украсил памятник на могиле М.В.Крестовской, который финны называли «Могилой любви».

Мария Всеволодовна родилась в 1862 году в семье известного писателя В.Крестовского и сама пошла по пути литературного творчества. Она написала ряд повестей и романов - «Ранние грозы» (1886), «Ревность» (1892), «Сын» (1893), «Артистка» (1896), в которых освещала проблемы «эмансипации, долга и любви»... Затем она отошла от литературной деятельности, и последнее крупное произведение, которое она завещала опубликовать - «Дневник» - так и не увидел света.

Мария Всеволодовна, судя по письмам и дневникам, была не совсем удовлетворена итогами своего писательского труда. «Мне бы следовало родиться мужчиной и на добрых 50-60 лет раньше, - писала она в одном из писем, - тогда из меня вышел бы, при надлежащей подготовке, конечно, недурной и немалый мыслитель, и имя мое осталось бы, верно, не таким, каким останется теперь, и никакие дневники не увеличат его, по всей вероятности, да и увидят ли они вообще когда-нибудь свет... Да, а я вот родилась женщиной в эпоху мне совсем несимпатичную, да еще в России - тоже немалый минус для всякого рождающегося в ней...». В другом письме она с грустью пишет: «Говорят: "Большому кораблю большое плавание", - и, пожалуй, природа сделала и меня, и Евгения не совсем уж маленькими лодочками, а судьба

закинула их в пруды, из которых один выход - в соседние канавы...».

Это чувство неудовлетворенности усугублялась тяжелой болезнью. «О, как хотела быть я здоровой, сколько могла бы сделать тогда, а теперь что в сущности могу я сделать, когда из 10 дней у меня по крайней мере 5 уходят на болезнь; поневоле опускаются руки и утрачивается всякая энергия, особенно в те дни, когда.. припадки с сердцем мучают меня по несколько раз в сутки».

В конце 90-х годов супруги Картавцевы приобрели имение в Финляндии, построили здесь большой двухэтажный дом, и каждый год, с весны до осени, жили в Мариоках. Своему имению и посвятила Мария Всеволодовна остаток жизни. «Необыкновенно поэтический уголок, возникший из мечты поэтической женщины», - так называла Мариоки писательница Т.А. Шепкина-Куперник. Никогда не занимавшаяся раньше садоводством, М. Крестовская превратила Мариоки в удивительный памятник садово-паркового искусства, не сохранившийся, к сожалению, до наших дней. Представление о нем мы можем получить только по описаниям самой М. Крестовской и ее современников.

В 1907 году в письме своей подруге она как бы подводила итоги своей работы: «Мариоки еще никогда не были так прекрасны, как нынче, не говоря уже о парке и цветах, все улучшающихся и размножающихся, но нынче там прибавился еще водопровод по всему дому и саду, прелестный фонтан прямо перед домом и на большом газоне... И, наконец, верх всего, что сделалось даже гордостью всей окрестности, начиная с крестьян, в парке и над рекой прибавилось несколько каменных лестниц, из которых одна 76 ступеней с 6-ю площадками, и с которых с каждой открывается изумительный по красоте вид чуть не на 40 верст, если не больше, вокруг, и на каждой площадке стоят по две каменных скамейки и по огромной клумбе цветов подле них с каждой стороны, а наверху, на самой верхней, огромная полукруглая в греческом стиле скамья, за которой будет стоять статуя фавна и нимфы, а пока посажены выющийся виноград и... пламенные азалии, и масса роз. Эта лестница сделана с

верхнего парка... в нижний парк. Она спускается у пруда к широкой аллее, по обеим сторонам посажены непрерывной массой яркие многолетники, маки, флоксы, дельфиниумы и другие; пересекается эта аллея гигантской группой сирени в круглой каменной чаше, а заканчивается такой же греческой полукруглой скамьей... Все ходят глядеть на мое новое и положительно лучшее произведение, и восхищаются и изумляются на все лады, льстя этим, конечно моему авторскому самолюбию. Все лето я работала над всем этим, одних различных корней всевозможных растений и цветов посадила около шести тысяч, разделяя наполовину старые, наполовину выписывая новые из Франции, Германии, Голландии, провела сотни саженей новых дорог и дорожек, прикупила еще десятину наверху в парке, чтобы сделать его шире».

Т.Шепкина-Куперник, дружившая с М.Крестовской и часто бывавшая в Мариоках, писала в своих воспоминаниях: «Нигде не было такой великолепной сирени, как в Мариокском парке, тянувшемся на 40 десятин, таких огненных азалий, пылавших, как живые костры в июньские белые ночи, таких изяшных красивых кленово-пестролистных ясеней, лиственниц...».

Это живописное место привлекло Всеволода Мейерхольда, который в 1912 году работал с артистами в Териюках. Александр Мгебров Вспоминал: «Мы мечтали с Всеволодом Эмильевичем развернуть постановку «Поклонение кресту» на воздухе в грандиозном масштабе. С этой целью мы всей коммуной отправились в местечко за Териюками, называемое «Черной речкой», на дачу небезызвестной писательницы Крестовской, с чудесным парком фруктовых деревьев, перемешанных с роскошными кустами сирени и роз. Там была замечательная лестница, спускавшаяся от дачи вниз к прелестным равнинам и полям. Вот об этой-то лестнице мы и мечтали с Мейерхольдом. У нас возник план развернуть «Поклонение кресту» ночью, при свете горящих факелов, с огромной толпой всего окрестного населения. К сожалению, мечта не осуществлялась, так как мы немного запоздали с нею».

Мариоки всегда были полны гостями. "О Мариоках я могла писать тома, я им посвятила множество стихов, называвшихся "Сказки Мариок", и для меня они оставались прекрасной сказкой моей молодости", - писала Т.Шепкина-Куперник. Частым гостем в Мариоках был известный юрист А.Кони, он приезжал сюда не только отдыхать, но и работать, так как атмосфера дома способствовала этому. Хозяева Мариок были гостеприимными, но не назойливыми. Е. Картавцев сделал такую запись в альбоме жены: «Основное правило Мариок - хозяева не занимают гостей, гости не заботятся о хозяевах: каждый делает, что ему нравится и проводит время, с кем ему веселее. Обязанность же хозяев - приютить и накормить своих гостей, а что сверх того - то от лукавого».

Мария Всеволодовна мечтала устроить в Мариоках небольшую здравницу, которая «должна дать возможность выздоравливающим после тяжелых болезней или операций, или нуждающимся в отдыхе умственным труженикам, мужчинам и женщинам - писателям, ученым, художникам, музыкантам, а также слушательницам и студенткам высших учебных заведений - иметь место за дешевую плату (а в исключительных случаях и даром)... для спокойного временного пребывания на чистом воздухе при гигиенической обстановке и здоровом питании...». Мечта об этом санатории не покидала М. Крестовскую до конца ее дней, но на строительство требовались немалые деньги, которых, несмотря на довольно значительное состояние Е. Картавцева, не хватало. Писательница завешала осуществление своей мечты мужу, и он, незадолго до первой мировой войны, приступил к строительству «Мариоки-Здравницы Марии Всеволодовны Крестовской» по проекту архитектора Л.Сологуба. Через неделю после начала войны строительство было прервано.

Последние годы жизни Марии Всеволодовны были очень тяжелыми - давала о себе знать болезнь сердца. Ее лечили известные врачи - профессора Бехтерев и Павлов, жившие недалеко от Мариок, но болезнь прогрессировала. «Ничем я сейчас не живу, кроме ужаса перед новыми болями, и внезапным полным ухудшением, которого никто не может

понять», - писала она в 1909 году, а через год - 6 июля 1910 года - ее не стало.

Похоронена Мария Всеволодовна в любимых Мариоках. Вскоре рядом с могилой на деньги Картавцева в память о жене была построена красивая белая церковь «Всех скорбящих радости» (одна из первых построек архитектора И. Фомина). Позже на могиле был установлен прекрасный памятник работы В. Лишева.

«Великолепный памятник... возвышался в стороне от церкви, на склоне горы. Это была огромная глыба гранита, а на ней, в натуральную величину, сидела в кресле красивая бронзовая женщина и задумчиво смотрела на море. У ее ног валялся плюшевый мишка, тоже из бронзы», - это отрывок из воспоминаний В. Андреевой, дочери писателя Л. Андреева, который был похоронен рядом с церковью в Мариоках.

Очень переживал Е. Картавцев смерть жены. Он старался полностью выполнить ее завешание: построить санаторий и опубликовать дневники писательницы. Исполнить волю жены помешало сложное время: началась война, затем революция. Евгений Эпафродитович, поняв, что не успеет выполнить свои обязанности, составил, в свою очередь духовное завешание, где оставил большие суммы денег на

публикацию дневника на семи языках и на строительство санатория, Мариоки со всеми постройками он завещал будущему санаторию. Но революция превратила завешание и деньги в простую бумагу. Смерть Картавцева означала конец Мариок. Санаторий так и не был построен, мариокский дом был разобран новыми владельцами и перевезен под Хельсинки (вполне вероятно, что он до сих пор там и стоит), дневник попал в архив, и его так и не увидели читатели. Лишь один пункт завешания Картавцева долгое время выполнялся: «Могила жены моей Марии Всеволодовны и моя, а также памятник жены над могилой, должны быть содержаны в чистоте и порядке, с посадкой летом цветов на устроенных для того местах». «Могила любви» действительно до 1939 года содержалась в чистоте и порядке. Вокруг церкви образовалось небольшое кладбище, здесь хоронили русских, оставшихся после революции в Финляндии.

ЭМИГРАНТЫ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ СЕПАРАТИСТОВ

Терийоки были не только курортом. Именно здесь находился центр “ближней эмиграции”.

Нахождение в составе автономного Великого княжества Финляндского, нестрогий паспортный и полицейский надзор, близость Петербурга делали Терийоки идеальным местом для деятельности политических оппонентов российской монархии. Здесь нелегально жили партийные активисты, располагались оружейные склады и мастерские, проходили сходки и партийные конференции.¹

В годы первой российской революции Терийоки в шутку или всерьез называли «залом заседаний», потому что здесь относительно безопасно можно было собраться для проведения нелегальных заседаний самых разных партий. Но был у курортного поселка еще один чрезвычайно важный для революции «профиль»: дачные Терийоки служили надежной перевалочной базой оружия и нелегальной литературы.

Транспортировкой и хранением оружия занимались и русские, и финны. «Дача в Финляндии», - вспоминала много позже Мариэтта Шагинян в своей книге «Человек и время», - имела подтекст, отчасти литературный, отчасти мистический... Вообще «дача в Финляндии» всегда была связана с историей революции, с устройством тайных типографий, с изготовлением бомб, с переходом границы - в Швецию, с конспиративными явками».

Среди особенно надежных помощников разного рода нелегалов часто упоминалось имя полицейского Пааво Какко. Осенью 1907 года организатору и первому председателю

Совета безработных Петербурга Владимиру Войтинскому пришлось поселиться в Териоках. Об этом периоде своей жизни он оставил интереснейшие воспоминания. Вот что он писал о Пааво Какко. «От русской полиции мы были недурно ограждены, так как финны сочувствовали революционерам и покрывали их. Особенно ревностно помогал один полицейский надзиратель, финляндский патриот-активист, содержащий гостиницу и кофейню на Большой дороге, недалеко от вокзала. Это был любопытный тип. Его гостиница была пристанищем русских революционеров, а за гостиницей, в глубине двора, была изба, где собирались финны-контрабандисты, возившие в Петербург шведские спички, пунш, серебро. Хозяина гостиницы, помнится, звали Кок (Какко), но возможно, что это было не настоящее имя, а кличка данная в честь знаменитого в Финляндии капитана Кока.

Главным образом через Кока мы и узнавали о приближении опасности. Тогда мы оставляли наши квартиры и переходили в более конспиративные «убежища». Я при тревоге перебирался к одному местному рыбаку социал-демократу, не понимающему ни слова по-русски.

Шпики появлялись в Териоках довольно часто, но без результатов. Один раз они совершили нашествие со значительными силами. При их приезде Кок (Какко) оказался случайно на вокзале. Он обратился к начальнику экспедиции и в строгом тоне заявил ему, что русским чиновникам нечего делать на финляндской территории. Охранники оказались в нелепом положении. Они приехали ловить русских революционеров, а столкнулись с местной полицией. Какко выпустили. Он обратился к стоящим у вокзала извозчикам-финнам. Предложил им не брать седоками русских чиновников. Им пришлось идти пешком, а извозчики предупредили кого надо, мы разошлись по убежищам».

Любопытные заметки об этом времени оставил близкий друг А.М. Горького - Николай Буренин: «В Териоках был старший полицейский Какко. Он очень помогал нам, но иногда роптал на наших боевиков. Например, к нему как-то раз явился Сашка Охтенский на свидание с сестрой, при-

ехавшей из Женевы. Какко возмущался: «Идет такой сукин сын, и маузер у него торчит!». А Сашка действительно с ним не расставался. Хозяин гостиницы «Товариш», в которой был наш партийный магазин, по соглашению с Александром Михайловичем Игнатьевым, со всех наших клиентов брал дешевле, прописывал их по чужим паспортам...».

Имя Пааво Какко и его гостиница «Товери» часто упоминались в полицейских донесениях. Чрезвычайно любопытно донесение заведующего заграничной агентурой А.Гартинга в департамент полиции, которое он отправил 10 октября 1907 года: «Имею честь доложить Вашему превосходительству, что по полученным указаниям, известный Ленин, он же Ульянов, получает корреспонденцию по нижеследующему адресу: Finland, Teriöki, Herrn Paavo Kakko, на внутреннем конверте: для Л-на». Вот как ответили на донесение финляндские жандармы: «На предписание Департамента полиции доношу, что Пааво Какко, бывший полицейский служащий, известный финляндский агитатор, в настоящее время содержит в Териоках гостиницу для приезжих «Товариш», где и скрываются все революционеры под вымышленными фамилиями. Пааво Какко действительно получает корреспонденцию на имя Ленина, но, кто этот Ленин, выяснить не представилось возможным.

В настоящее время Какко открыл там же на Церковной улице, в доме Вуотинена, вторую гостиницу, в которой проникший туда агент заметил, что там проживают только студенты, курсистки и другие подозрительные личности; в этой гостинице посторонний, не проживавший там, не может получить стакан кофе».

Сохранилось письмо В.И. Ленина, которое он отправил поздней осенью 1907 года Г.А. Алексинскому: «Писать сюда невозможно по такому адресу, по которому Вы писали. Кроме того, я скоро уезжаю отсюда. Пишите мне пока по адресу: «Herr Kakko Paavo, Teriöki, внутри (только внутри для Л-на)».

Можно определенно сказать, что гостиница «Товери» Пааво Какко была центром всех событий, которые происходили в Териоках. Об этом говорят документы из

Финляндского государственного архива, а именно переписка между генерал - губернатором Герардом и Выборгским губернатором фон Троилом. Вот одно из писем: «5 октября (н. ст.) в 8 ч. вечера в Териоки прибыла значительная партия русских, большинство из них - рабочие. Небольшими группами они пошли в Териоки. Около 10 часов вечера прибывшие, общим числом до 30 человек, собрались в чайной Пааво Какко, которая находится в доме наследников купца М. Уотинена, в трех километрах от станции. Полиция попросила собравшихся разойтись. Они удалились вечером поездом. Часть приезжих осталась ночевать в комнатах при чайной».

«Финляндская газета» сообщала об обысках в Териоках: «Присутствовавшие при обысках русские полицейские чины требовали, чтобы Ленсман Хюрилайнен задержал книготорговца Тойвола и ресторатора Какко, но тот не нашел оснований к аресту. Отобранная революционная литература отправлена в Выборг, в распоряжение губернатора».

С Териоками связано и еще одно легендарное имя - Георгий Гапон, который провел здесь три последних месяца своей жизни. Сюда он вернулся из Европы после года эмиграции 25 декабря 1905 года. Здесь он встречался с единомышленниками, встретил новый 1906 год, 5 февраля успел отметить свое 36-летие. В Териоки он предполагал уехать на Пасху 28 марта 1906 года в день своей гибели.

Об этом малоизвестном периоде жизни Гапона рассказывает историк Григорий Усыскин²: «23 февраля 1906 года государь император Николай Второй соизволил ознакомиться с возмущившей его статьей в одном из журналов, где речь шла о Гапоне и, надо полагать, его связям и отношениях с представителями правительства. Министр внутренних дел П.Н. Дурново тотчас отреагировал. Результатом явилась записка от 6 марта 1906 года, составленная в департаменте полиции, исправленная и дополненная лично П.Н. Дурново. В этой записке министр с достаточной долей объективности раскрыл Николаю историю взаимоотношений своего ведомства и председателя Совета министров С.Ю. Витте с Георгием Гапоном.

«В ноябре 1905 года личный почетный гражданин Матюшинский, состоявший сотрудником газеты "Новости" прибыл к графу Витте, в качестве представителя от собрания русских фабрично-заводских рабочих и предъявил ходатайство: ...3) о легализации прежнего руководителя собрания б. Священника Георгия Гапона, нелегально вернувшего в Петербург. Вследствие сего состоявшему при графе Витте коллежскому асессору Мануйлову было поручено войти с Гапоном в непосредственное отношение... . Однако, в виду тревожных событий того времени, по распоряжению председателя Совета министров и через того же Мануйлова было внушено Гапону, чтобы он выехал за границу, при чем ему было выдано на проезд 500 рублей из собственных средств графа Витте.... По прибытию в Париж Мануйлов уже не застал Гапона, который только что перед тем уехал в Стокгольм. Из Стокгольма Гапон прибыл в Финляндию и поселился в Териоках, откуда стал часто приезжать в Петербург. По возвращении Мануйлова из-за границы, он снова вступил в сношения с Гапоном, но имел с ним только одно свидание; дальнейшие переговоры с Гапоном были возложены в половине января министром внутренних дел на Рачковского. В объяснениях с действительным статским советником Рачковским Гапон высказал готовность в короткое время раскрыть боевую организацию партии с.-ров, но до сих пор сношения с ним не дали каких-либо положительных результатов».

Теперь ознакомимся с записками рабочего Николая Петровича Петрова председателя Невского района 7 отдела собраний русско-фабрично-заводских рабочих и члена Центрального комитета этого собрания. «...30 декабря было получено распоряжение приехать в Териоки с каждого района по 10 человек для встречи Нового года и обсуждения некоторых важных вопросов. ... Шумный вопрос был о Гапоне. Гапон не пожелал присутствовать при этом вопросе.... Шумели, кричали долго, но ни к чему не приходили. Наконец решили пригласить самого Гапона и спросить его, кем он хочет быть? Гапон выступил на середину и несколькими словами победил всех. «Товарищи, - сказал

он, - я вижу у вас многие сомневаются во мне и говорят о диктаторстве моем. Разве я был у вас диктатором?» (Послышались голоса: «Не был»). А если нет, я у вас и не прошу большего, дайте мне только прежние полномочия». Председатель поставил на баллотировку, большинством голосов Гапона сделали хозяином союза.»

Однако Н. Петров не доверял Гапону и решает поместить разоблачительное письмо в газете "Русь". Письмо это появилось 8-го февраля. Разразился скандал. Почва уходила из под ног Гапона. Как ему казалось, спасти его могли только Рачковский и Дурново. Гапон предлагает заведующему политическим отделом Департамента полиции П.И.Рачковскому выдать Боевую организацию эсеров с помощью своего давнего знакомого эсера П.М. Рутенберга, конечно, бесплатно. Министр внутренних дел П.Н. Дурново дал согласие на эту операцию и разрешил заплатить за нее 25 тыс.руб.

Возможно, Гапон, как это было ему свойственно и ранее, вел двойную игру. Однако на этот раз он за нее дорого заплатил. Гапон неоднократно приезжает в Териоки на дачу Питкинен и всячески уговаривает Петра Рутенберга выдать Рачковскому членов Боевой организации, готовивших покушение на Витте, Дурново и других царских чиновников. Рутенберг сообщает о предложении Гапона членам Центрального комитета партии эсеров - Азефу и Савенкову. Они предлагают воспользоваться создавшейся ситуацией и уничтожить Гапона вместе с Рачковским.

Но Рачковский, что-то заподозрив, на встречу в ресторан с Гапоном и Рутенбергом не явился. В своих отчетах ЦК Петр Рутенберг записал: "Было решено арестовать Гапона, обезоружить его (он всегда носил при себе револьвер) и, предъявив ему обвинение и свидетельское показание, потребовать от него объяснений. Потом решить его участь. Сначала, согласно инструкции Азефа, все было организовано в Финляндии. Но я вовремя увидел неуместность этого акта на финляндской территории и все отменил. Была нанята дача Звержицкой, в Озерках...".

28 марта Рутенберг заманил Гапона на дачу в Озерках

под Петербургом, где предварительно спрятал «гапоновских» рабочих.

Во время откровенного разговора о выдаче Боевой организации в комнату ворвались разъяренные рабочие. «То, что рабочие слышали, стоя за дверью, превзошло все их ожидания. - писал Рутенберг. - Они давно ждали, чтобы я их выпустил... Они его поволокли в маленькую комнату. ... Рабочие его связали. Он отчаянно боролся... Гапону дали предсмертное слово. Он просил пощадить его во имя его прошлого.

- Нет у тебя прошлого! Ты его бросил к ногам грязных сыщиков! - ответил один из присутствовавших. Гапон был повешен в 7 часов вечера во вторник 28 марта 1906 года”.

Его нашли в пустой даче спустя месяц, 30 апреля 1906 года, а 3 мая, как сообщал в рапорте исправник Колобасов, “тело убитого Георгия Гапона предано земле на Успенском городском кладбище, что по Финляндской ж. д., похороны окончились в час тридцать минут дня и прошли спокойно...”.

“ПОЭТ НАШЕГО СЕЛЕНИЯ”

В 1911 году российское правительство рассматривало проект изменения территориального статуса волостей Кивеннапа и Уусикиркко с намерением отделить их от Великого княжества Финляндского, что вызвало не только протест местных жителей, но и рост революционного брожения среди финского населения. В подписанном жителями Перешейка адресе было, между прочим, следующее: “Вся наша жизнь связана с Финляндией тысячью связей. Финский язык выражает наши мысли и чувства как дома, так и в школе, как в общине, так и в церкви. На финском языке у нас управляют и вершат правосудие. На Финляндию возлагаем мы наши надежды, когда наше земледелие и образование нуждается в улучшении. И ничто не может этого изменить. Мы финны и навсегда останемся финнами.»³ На митинге протеста терийоксы заявили, наверное, резче, чем где бы то ни было, следующее: «Хотим выразить наш решительный протест против предполагаемого предприятия, по-

80

ставив Государя, правительство и народ России в известность, что будем противиться предполагаемому мероприятию всеми доступными средствами закона и права, никогда его не признаем и будем судиться против этой попытки произвола. Сами же будем сохранять и в будущих поколениях насаждать во всех условиях веру в твердый порядок и в то, что никакие страдания не заставят нас отказаться от нашей гражданственности и присоединиться к другой, но будем настаивать на праве быть уверенными, что Его Величество отменит те насильственные мероприятия, которые для нас намечают.»⁴ Душой этого движения был известный поэт Микко Уотинен, который не только возглавлял местное националистическое движение, но и активно сотрудничал с российскими социал-демократами, предоставляя принадлежащие ему дома для проведения собраний русских революционеров.

Агенты охраны все чаще и чаще доносили о конспиративных собраниях, которые проходили на одной из дач, принадлежавшей Микко Уотинену.⁵

Уотинен Микко Юха родился в Терийоки в 1885 году и прожил всего сорок шесть лет, оставив после себя тридцатилетнюю вдову, восьмилетнюю дочь и шестилетнего сына.

Оставшись в десять лет без отца, юный Микко должен был помогать матери в торговом доме. Он стоял за прилавком, принимал от возчиков товар, разгружал его на склад, даже вел расчетную книгу. Так и закрепилось за ним на многие годы - «сын купца Уотинена». Всем вокруг казалось, что жизненный путь юноши определен.

Сам же Микко без особой радости занимался своими торговыми обязанностями, больше того - тяготился ими, хотя вида и не подавал. Многие в поселке завидовали ему - купец, обеспеченный достаток, а был он натурой художественно одаренной. Рано начал писать стихи, играл на любительских спектаклях, пел в хоре.

К двадцати шести годам хозяин лавки был уже автором нескольких поэтических книг, главным образом, социально-политического содержания. Революция в России, идея освобождения Финляндии стали смыслом его жизни и глав-

ной темой его стихов. Оценку литературному творчеству, политической лирике Микко Уотинена дала царская цензура. Собрание его стихов «Маяк в ночи» был запрещен и конфискован главным управлением по делам печати.

Было ли случайным эпизодом в жизни литератора Микко Уотинена предоставление своего дома для устройства нелегальных собраний?

Документы наглядно показывают - нет, не экономические соображения руководили им, делал это Микко Уотинен по глубокому убеждению.

В одном из донесений финляндскому генерал-губернатору сообщалось, что 30 июля 1906 года в общественном парке в Териоках состоялся митинг, устроенный Териокским рабочим обществом. Там выступали с речью несколько лиц: «В том числе и сын купца Микко Уотинен, коснувшийся в своей речи с социал-демократической точки зрения пробуждения рабочего класса к самосознанию, и высказавший относительно Государственной думы то мнение, что финляндцы с уважением следят за ее деятельностью, и желают, чтобы она послужила на пользу русского народа так же, как деятельность представительного учреждения в Финляндии». Генерал-губернатор потребовал привлечь Микко Уотинена к судебной ответственности, но местная администрация отстояла его.

Выступал Микко Уотинен и на митинге в Териоках по поводу роспуска Государственной думы в июле 1907 года... Он сказал, что «пусть разогнали Государственную думу, ибо для рабочего класса от нее никакой пользы все равно не было. В Думе рабочий класс был мало представлен. Нужно всеобщее избирательное право в России и в Финляндии...».

Подобные собрания проходили в Териоках летом 1906 и 1907 годов чуть ли не каждый день. Об этом сообщали не только секретные полицейские документы, но и петербургские газеты. Так 5-го июня газета «Новое время» сообщала, что 4-го июня 1906 года «эсеры, эсдеки, трудовики и финляндская красная гвардия назначили совместный митинг в Териоках. Человек не свыше 150, развернули красные флаги с обычными песнями. Митинг устраивали в обществен-

ном саду».

В апреле 1907 года в Териоках собралась первая Всероссийская конференция печатников. 72 делегата из 43 городов России заседали в Териоках целую неделю.

Вернемся к Микко Уотинену. Он трижды начинал выпуск местной газеты: с 1908 по 1909 годы «Териоки», в 1911 году «Известия пограничной полосы», а с лета 1913 года «Терийокский дневник». Каждый раз власти закрывали эти издания.

Вот как характеризовала «Финляндская газета» недавнего редактора в конце декабря 1912 года: «Один из нынешних финских поэтов Микко Уотинен, бывший социалист, а ныне младофинн в стихотворении «Финляндский лев», читавший его в 1911 году на одном из младофинских праздников, проявляет свой воинственный дух». «Финляндская газета» в октябре 1913 года писала: «27-го сентября старого стиля в 9-м отделении СПб. окружного суда без участия присяжных заседателей разбиралось дело получившее теперь громкую известность в крае, литератора Микко Уотинена, проявившего в качестве председателя общинного собрания в Териоках упорное противодействие в применении закона об уравнивании в правах с финляндскими гражданами других русских поданных.

Владелец териокской гостиницы «Бель-Вю» Тимофеев обратился к Выборгскому губернатору с ходатайством о разрешении ему производить в ресторане при гостинице продажу крепких напитков. Губернатор разрешил, но как известно, М. Уотинен наотрез отказался выполнить предписание губернатора. Было отправлено второе предписание, но результат был такой же... Суд приговорил Уотинена к тюремному заключению на 8 месяцев и лишил занимать должности на государственной службе в течении 4-х лет».

Сохранилось воспоминание о М. Уотинене финской писательницы Ритвы Хеккиля: «На взгляд жителей Оллинпя (один из микрорайонов Терийок - прим.), Микко Уотинен был очень красивый и культурный. У него были рыжеватые вьющиеся волосы и красивые черты лица. Он был со вкусом

одет, в широкополой, как у художника, шляпе и в хорошо сидевшем на нем костюме....

Друзьями Уотинена были деятели искусства, поэты, певцы, музыканты, живописцы и артисты. Множество их можно было видеть в Терийоках, когда благодаря инициативе Микко Уотинена и его деятельности, как основного организатора, в Терийоках было проведено пять официальных певческих праздников, высоко поднявших национальное самосознание финнов.

Терийокцы поражались активности и энергии Микко Уотинена. Он опубликовал более десятка стихотворных сборников и несколько прозаических работ, труд о Ларин Параске, об истории Рауту (Сосново), сборники выступлений и полемические статьи в защиту Перешейка и его финской культуры. Удивлялись и тому, что ему удалось создать школу и многие общественные организации, да еще и самому быть актером, декламатором и руководителем любительской труппы. Но больше всего удивлялись и восхищались смелостью Микко Уотинена и тем идеализмом, с которым он взялся защищать право финского Перешейка оставаться финским в худшие годы русификации.

Еще в 1920-х годах в Терийоках и Оллинпяя рассказывали историю семьи Уотинен как роман с продолжением. С точки зрения многих, было уникально, что в богатейшей семье вырос одаренный поэт и писатель. Микко был сыном богатого купца Юханы Уотинена. Юхана же был из Кивеннапы, сын бедного арендатора небольшого земельного участка; «богатейший человек Перешейка» купец Микко Суси усыновил его и вырастил купцом. Микко Суси удалось за счет торговли землей и лесом приобрести такое состояние, что богаче его не знали никого на Карельском перешейке. Головное заведение у него было в Оллинпяя у приморской дороги, и еще были филиалы. При головном заведении был постоялый двор и склады, в которых собирался товар для отправки в Петербург. Там же была конюшня, коровник, а также жилища для продавцов. В большом магазине Микко Суси продавалось все нужное терийокцам и дачникам. Но основные покупатели были все же в Петербурге,

куда Микко Суси отправлял все, что заказывалось: мясо, масло, зерно, дрова, тес. Поставлял он также дичь и другие дары леса.

...Юхана Уотинен стал искусным торговцем. Торговый дом рос и укреплял свое положение в южной части Карельского перешейка как состоятельное и надежное торговое предприятие. Когда Микко Уотинену было 10 лет, его отец умер. Торговля пошла на убыль. Соседи и друзья часто говорили, что мать Микко не имела склонности к коммерции, и не умела «держатъ деньги». Прежде торговля была всегда удачной, теперь же пошел убыток за убытком. Торговый дом задолжал, воры и мошенники использовали ситуацию, и наконец, прославленный торговый дом и постоянный двор со всеми постройками сгорели дотла. ...

Торговый дом, жилой дом и сад Уотиненов располагались между берегом моря и приморской дорогой. ...Сама несколько раз бывала с отцом у Уотиненов, когда у отца было дело к Микко Уотинену. Дача и сад были мне знакомы, ибо когда мы ходили по нижней дороге в Центр, то проходили мимо. В саду вокруг дачи разрослись тонкоствольные березы, выросшие здесь за полтора десятка лет на месте сгоревшего дома и постоянного двора. Внутри, казалось, всюду были книги, и запах их веял по всему дому. Было много фотографий и предметов искусства. Мы сидели на стульях, сделанных, наверное, каким-нибудь терийокским столяром из причудливо изогнувшихся ветвей березы. Не помню, о чем говорили, так как я слушала голос Микко. Он звучал так же красиво и убедительно, как и в его речах на летних праздниках.

...Не прошло и года, как мы, жители Оллинпя с представителями от всего Карельского перешейка стояли у его могилы. Микко Уотинен умер в апреле 1931 года. ... Для нас, жителей Оллинпя, Микко Уотинен был соседом, которого мы, школьники, знали и к которому привыкли. Он был знаменитостью нашей волости, как нам сказал учитель. В памятной речи говорилось, как много стихотворных сборников и других книг написал Микко Уотинен. И как много он сделал для нашего края и всего Карельского перешейка. Он организовал школы, а также многие общества и объеди-

нения. После того, как оказалось, что большие волости Уусикиркко (Поляны) и Кивеннапа (Первомайское) могут быть присоединены к России, Микко ходил по селениям и собрал почти десять тысяч подписей под воззванием протеста.

Когда угнетение финноязычной культуры на Перешейке достигло максимума, Микко Уотинен организовал пять праздников песни в Терийоки. Когда Уотинен на собрании общины запретил рассматривать заявления, написанные на русском языке, потребовав заявления на финском, на заседании русского суда в Петербурге его приговорили к тюремному заключению. В памятной речи вспоминали, как тогда вся волость провожала этого героя Терийок на станции. На каждой из четырех железнодорожных станций на финской стороне, несмотря на запрет, группы людей, певших отечественные песни, провожали Уотинена, когда его везли в тюрьму «Кресты». ...

Вот такого замечательного, знаменитого человека нашей волости мы хоронили...»⁶

ТЕРИЙОКСКИЕ ХРАМЫ

Несомненно центрами духовной жизни терийокских общин были храмы. В Терийокском административном округе проживали не только финны и русские, но и шведы, немцы, эстонцы, латыши, поляки, датчане, бельгийцы,

итальянцы, турки, армяне, французы, англичане, норвежцы, ингерманландцы, олонешские и беломорские карелы. Многообразие национального состава породило и многообразие молельных домов, демонстрируя веротерпимость жителей.

«Церковная жизнь - один из факторов существования любого местечка, в том числе и Терийоки.- писал старожил Терийок Петр Миролюбов, служивший регентом в церковном хоре, а ныне живущий в Хельсинки. - Исторические данные свидетельствуют, что первая деревянная православная церковь была построена в 1881 году купцом Дурдиным, и потому получила название «Дурдинская». Приписана она была к Райвольскому приходу (там церковь была построена на год раньше). В 1898 году русские, проживавшие в Терийоках, решили сами организовать свой приход, открыв вакансию священника и диакона. Приход оказался состоятельным и смог свободно содержать и первого и второго.

Деревянная церковь сгорела в 1907 году. Быстро построили временную церковь - напротив погоревшей, с другой стороны Келломякской морской дороги, на том участке был дом диакона. Временную церковь соорудили из летней дачи. Богослужения во временной церкви продолжались 6 лет.

В 1913 году был освящен придел св. Сергию Радонежскому в новой каменной церкви, которая была построена архитектором Н.Никоновым на средства прихожан. В следующем, 1914 году, был освящен весь храм в честь Казанской иконы Божией Матери. По архитектурной композиции он является одним из привлекательнейших храмов всей Скандинавии. Построен храм был на видном месте - на соединении Выборгского и Келломякского шоссе. Эта церковь привлекала взоры каждого мимо проходящего, она стояла, как невеста, в подвенечном наряде. Большой колокол был весом в 305 пудов, и был пожертвован богачом А.Александровым. Масса жертвователей принимала участие в украшении храма.

Приход можно было назвать богатым, так как ризница, утварь - великолепные, церковные книги и ноты самые, что ни на есть "свежие", нотная библиотека - тоже в духе вре-

мени, например, полное собрание сочинений Д.Бортнянского. Духовенству работы хватало, даже очень: свадьбы, крестины, молебны, панихиды, отпевания в церкви, и к тому же - парадные обеды с молебнами и официальные обеды, весьма заполняли будни и праздники, и отчасти утомляли и священника и диакона.

Первым настоятелем и, как бы, основателем прихода, был Петр Поташев, весьма деятельный и идейный человек. Он умер в 1917 году и похоронен, как основатель прихода, под церковью, с южной стороны. Умершего священника заменил прибывший из Савонлинны священник Григорий Светловский.

В течение 17 лет Г. Светловский занимал должность настоятеля Савонлинского прихода, и после смерти П. Поташева приехал в Терийоки, где и был настоятелем прихода до 1925 года. В следующем, 1926 году он основал в Выборге так называемую Покровскую общину, которая во время "зимней войны" эвакуировалась в Хельсинки.

После отъезда Светловского должность настоятеля занимает священник Михаил Орфинский. Герой первой мировой войны, награжденный за храбрость золотым напестным крестом на Георгиевской ленте. После войны он приехал в Выборг, позже получил место священника небольшой церкви у станции Мустамяки, а затем стал настоятелем терийокского прихода. В 1939 году он эвакуировался с приходом в пригород Хельсинки - Ярвенпяя.

В Терийоках православное население было преимущественно русским, если и встречались карелы, то и те были русскоязычными, так что вопрос языка при богослужении не стоял. Церковное управление Финляндии смотрело, что называется, сквозь пальцы, на незнание православным духовенством финского языка. До революции это вообще никого не интересовало.

До революции в терийокской церкви летом пели певцы из платных хоров Петербурга. Певчие пели обыкновенно на хорах (наверху), иногда на клиросе (внизу). Через хоры надо было проходить звонарю, дабы подняться на колокольню для благовеста или трезвона.

Краса и гордость терийокского православного прихода был диакон Антоний Александрович Быстреевский. Он был родом из Фридрихсгама (Хамина), 1870 года, получил образование в Петербургской духовной семинарии, он почти сразу же поступил на открывшееся место псаломщика в Терийоки, где со временем был посвящен в сан диакона (1902г.). Антоний Александрович был любимцем прихожан. Обладая великолепным голосом, он не раз приводил в восторг своим служением.

На кладбище была деревянная церковь, построенная купцом Игумновым, она была "холодная", в ней не было отопления. Служили там два или три раза в год: в Духов день и Спас Нерукотворный, и очень редко в одно из воскресений...».¹

Православие в Финляндии имеет многовековые традиции, не смотря на то, что подавляющее большинство населения страны - приверженцы евангелической лютеранской церкви, православная вера также была довольно распространенной, особенно на юге и востоке Финляндии. Южная часть Карельского перешейка, где до и после 1917 года проживало много русских, была разделена на несколько православных приходов, здесь имелось несколько церквей - в Куоккале (Репино) , Келломаки (Комарово), Терийоки, Райвола (Рошино). Был здесь и женский монастырь - он находился в местечке Линтула.

Линтульский Свято-Троицкий монастырь был открыт в 1895 году по решению Святейшего Синода на земле, пожертвованной тайным советником Федором Петровичем Нероновым и его женой. Первые обительницы монастыря - две монахини и пять послушниц - прибыли из Мокшанского Казанского монастыря (Пензенская губерния). До 1905 года монастырь именовался общиной. 4 июня 1895 года Митрополит Антоний освятил церковь в честь Святой Троицы. Церковь была маленькая, первый этаж сложен из гранитных камней, второй - деревянный. 18 сентября 1911 года была освящена новая церковь - во имя Св. Равноапостольного Князя Владимира и Св. Мученицы Софии.

Монастырю принадлежало 148 гектаров полевой и
90

лесной земли и дача «Мир» в семи километрах от Линтулы (в ней в 1905 году была устроена, так называемая, «Здравница» для лечения инвалидов войны).

Линтула - небольшой монастырь. В 1914 году в нем было всего шесть монахинь и восемь послушниц, ежегодно примерно 40-50 человек прибывали сюда на богомолье. Условия жизни были очень суровыми. От монахинь требовались большая воля и трудолюбие, чтобы превратить эту необжитую землю в свою обитель. В отчете монастыря за 1907 год содержатся сведения о небольшом хозяйстве Линтулы: «Особых промыслов на землях, озерах и реках, приносящих прибыль монастырю, нет, и земля в Линтуле обрабатывается хозяйственным способом исключительно для себя, а на продажу ничего не поступает. Для производства полевых и других хозяйственных работ содержатся конный двор с достаточным инвентарем, имеются некоторые сельскохозяйственные машины. Для содержания молочного скота устроена ферма - каменное здание, крытое железной крышей, на 100 коров. Заведена сапожная мастерская в малых размерах, где работы производятся сестрами для своего употребления». ²

В 1914 году настоятельница монастыря жалуется на хозяйственные трудности: «Что касается доходных статей, сад, огород и др., то все получаемое идет в годовой запас монастыря, а для продажи на сторону ничего не остается. И несмотря на затрачиваемый труд, прежде всего земля, по своей малопродуктивности, весьма скудна. А если сказать, что и совсем не оплачивает этот труд и почти каждый год приходится покупать хлеб и сено». ³

Доходы монастыря складывались в основном, из частных пожертвований и прибыли от некоторых промыслов (один из самых доходных - предоставление подвод для крестьян из соседних деревень). На конец года в кассе монастыря оставалось наличными несколько десятков, в лучшем случае - 200- 300 рублей. Но монастырь потихоньку поднимался, расширял свое хозяйство, и в 30-е годы при тех же небольших своих размерах, был уже в гораздо лучшем материальном положении.

Монастырь много внимания уделял воспитанию детей. При Линтуле был устроен детский приют для русских и финских детей, в котором обучали русской грамоте, арифметике, географии, истории. Уроки вел один учитель. В этом приюте воспитывался известный советский финский писатель Эльмар Грин. Он родился в Кивеннапа - это было большое село, административный центр волости, в состав которой до 1904 года входил и Терийоки.

В автобиографической повести «Жил-был Матти» Э. Грин с благодарностью вспоминает годы, проведенные в приюте. Он оставил и описание Линтульского монастыря. Вот какой помнится ему церковь: «...большая была церковь. Помимо главного притвора, то есть центрального зала, тут были два боковых. И два клироса для певчих монахинь помешались по обе стороны от входа в алтарь, заслоненный сверкающим иконостасом. Все голоса были представлены на этих клиросах, даже самые низкие, несмотря на женский состав хора. И когда священник или дьякон, обратясь лицом к алтарю, громогласно провозглашал с амвона что-то не совсем нам понятное, хор отвечал на это всеми каскадами за-таенных в нем певучих звуков...».⁴

После получения Финляндией независимости положение православной церкви было сложным - до 1923 года она формально подчинялась патриарху Московскому и Всея Руси, но поддержание связей с Советской Россией было практически невозможно, поэтому Финская православная церковь перешла в подчинение Константинопольскому патриарху. В Финляндии в это время было два монастыря: Валаамский и Линтульский. Линтула, находящаяся недалеко от финско-советской границы, стала одним из мест, притягивавших русских, здесь часто находили временный или постоянный приют беженки из СССР. При монастыре было кладбище, на котором нашли свой покой последние русские (например, здесь похоронена жена Юрия Репина).

1939 год - трагический год для Финляндии. «Зимняя война» заставила покинуть родные места финнов и русских. Вынуждены были уйти и монашенки Линтульского монастыря. Во время боевых действий в 1939, 1941 и 1944

годах монастырь сгорел. Э.Грин в составе советских войск воевавший в 1944 году на Карельском перешейке, свидетельствует, что к этому времени от Линтулы уцелело только одно двухэтажное деревянное здание с кельями наверху и с общей трапезной внизу. Останки этого здания сохранились и до наших дней.

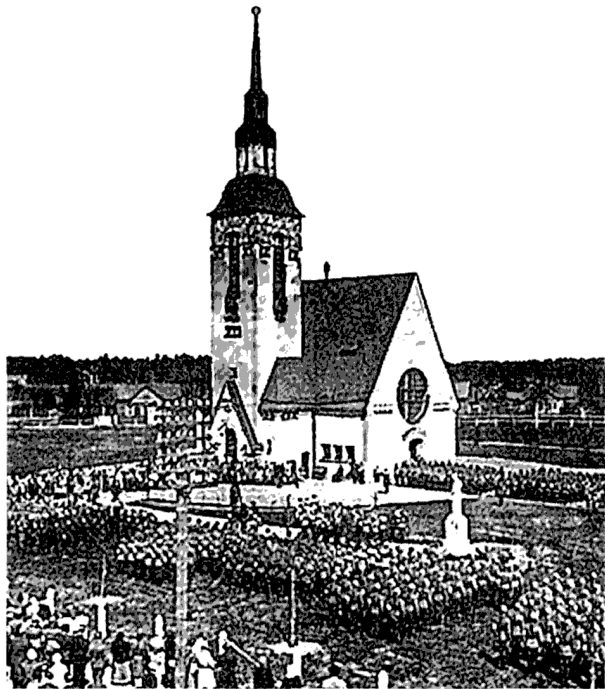
Терийокский приход финской Евангелическо-лютеранской церкви был образован в 1904 году. До этого жители Терийоки лютеранского вероисповедания относились к приходу Кивеннапа, известному с 1445 года. Долгое время Терийоки оставалась маленькой деревушкой, поэтому не было необходимости существования отдельного прихода. Но в последней трети XIX века население Терийоки стало быстро расти, к концу века численность его перевалила за две тысячи человек.

23 августа 1903 года состоялось церковное собрание деревни Терийоки, которое постановило ходатайствовать о выделении деревни в самостоятельный приход. 30 декабря был подписан Указ Его Императорского Величества, Царя Польского, Великого Князя Финляндского и прочая, и прочая: «Образовать из принадлежавшего к Кивеннапскому приходу деревни Терийоки, особый Терийокский Императорский пасторат 3-го класса с должностью одного главного пастора, с тем, однако, чтобы в нем была построена церковь и устроено кладбище».⁵

Земля под устройство кладбища и для строительства церкви была приобретена на средства прихожан еще до официального решения об образовании прихода. 20 февраля 1905 года на церковном собрании Терийокского прихода было решение заключить заем в сто тысяч марок для постройки церкви.

Строительство церкви началось в 1907 году и велось по проекту известного финского архитектора Йозефа Стенбэка (до этого по его проекту возведена лютеранская церковь в г.Койвисто (Приморск). Здание Терийокской лютеранской церкви построено в стиле финского национального романтизма, распространенного в начале XX века. Из

Германии были привезены два колокола и двадцатирегистровый орган. Церковный алтарь украшала картина художника Илмари Лауниса «Снятие Спасителя с креста». С 1909 года церковь начала действовать.

Кирха была одним из символов Терийоки. Рядом с церковью в 1921 году был воздвигнут высеченный из камня Эвертом Порила памятник Терийокскому герою - символический образ всех погибших в годы гражданской войны в Финляндии терийокских солдат. Терийокская кирха была центром торжественных мероприятий. 16 мая (праздник окончания Освободительной войны) и 6 декабря (День независимости) на церковной площади проходили совместные парады 1 Егерского батальона и Особой саперной роты, а также Терийокского Союза обороны. В Рождественские праздники проходили шествия ветеранов-фронтовиков. На пло-

шадн устралвалнсь национальные и религиозные праздники. В 1939 году рядом с церковью были похоронены первые жертвы «Зимней войны», а в 1941-44 годах это кладбище приняло тела 75 терийокских солдат.

После «Зимней войны» памятник Терийокскому герою был снесен. Кирха уцелела полностью, но потом стала жертвой советского вандализма: была демонтирована башня-колокольня, замурованы верхние круглые окна, освещавшие зал, и к концу августа 1940 года здание было переоборудовано под кинотеатр на 300 мест. К 1950 году была снесена церковная ограда, как и большинство финских надгробий на кладбищах.

Весной 1990 года российский финны-ингерманландцы, проживающие в Курортном районе, возродили жизнь прихода Терийокской кирхи. В декабре 1990 года впервые после полувекового перерыва здесь было проведено рождественское богослужение.

24 июня 1993 года около кирхи был открыт спроектированный Сакари Нироненом Памятник Павшим. Он представляет небольшую пирамиду на которой выгравированы имена, фамилии и годы жизни тех, кто был здесь захоронен.

12 декабря 1998 года в Терийокской кирхе прихожане торжественно отметили ее 90-летие и одновременно возвращение верующим. С лета 2000 года идет реставрация кирхи, восстановлена колокольня со шпилем, кирха вновь стала одной из архитектурных доминант Зеленогорска.

Католики - латыши, литовцы, белорусы, русские, бельгийцы и немцы - с 1906 года в одном из зданий устроили небольшой молитвенный дом, действовавший только летом. Его так и называли - «летняя церковь». В годы первой мировой войны в Терийоки приехало много польских эмигрантов. К 1921 году в Терийоках и окрестностях насчитывалось 120 католиков, поэтому было принято решение об образовании капелланского прихода Святого Сердца.

С образованием прихода встал вопрос и о церкви. Ее строительство было очень дорогостоящим, поэтому под

костел приспособили здание, расположенное на главной улице Терийоки - Виертотие, недалеко от лютеранской кирхи. Это был красивый трехэтажный особняк, до революции принадлежавший некому Нечаеву. После революции дом пустовал, затем здесь размещался шюккоровский клуб, а в 1924 году здание и земля были куплены Папой римским Пием XII под костел. В этом же доме должен был жить священник с семьей.

Новую церковь местные жители окрестили «польской». Первое время терийокский приход являлся частью прихода города Виипури (Выборга), а с 1927 года он стал самостоятельным. Настоятелем прихода с 1921 года и до окончания его деятельности был монсеньер Адольф Карлинг. Финн по национальности, сын кузнеца из Хельсинки. Он получил прекрасное образование: учился сначала в лицее, затем в Хельсинском университете на отделениях славянских и финно-угорских языков. Еще студентом он стал проявлять большой интерес к католической вере (очевидно, этому

способствовало изучение польского языка). Получив светское образование, он пошел учиться дальше - в Риме, а затем в Петербурге учился в духовных семинариях, и в 1911 году получил сан священника.

Адольф Карлинг знал двенадцать языков, причем в совершенстве, поэтому мог вести службу на всех двенадцати. Знание языков Карлинг использовал не только в церковной деятельности - он преподавал латынь в терийокском лицее и английский язык в финской народной школе. В городе Карлинг был одним из уважаемых людей, он принимал активное участие в общественной жизни, пользовался уважением и в церковных кругах. Об этом свидетельствует то, что в 1921 году он получил духовные звания монсеньера и прелата, а в 1923 году терийокский приход посетила с официальным визитом делегация Папы римского.

Католический приход официально просуществовал до 1945 года. В 1939 году в нем насчитывалось всего 80 верующих, а в 1941-44 годах и того меньше. Адольф Карлинг после войны жил в Хельсинки, где и умер в 1966 году.

К сожалению, как и многие другие памятники архитектуры Терийоки, это здание не сумели сохранить - оно сгорело в 1970-е годы.

В НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ

В 1914 году с началом первой мировой войны Терийоки перестали быть «приютом отдохновения». У жителей и дачников возникали опасения если не высадки немцев на побережье, то, как минимум, морского сражения. Песчаный берег опустел. Начался продовольственный кризис; своего продовольствия было мало, его везли из других мест Финляндии, из Петрограда же приезжали на станцию Терийоки за продуктами. Появлялись беглые немецкие, австрийские и венгерские военнопленные. Бежали в Европу через Терийоки и работавшие до того в России иностранцы.

В 1917 году свершилась Октябрьская революция. Финский Сенат 6 декабря 1917 года провозгласил Декларацию независимости, которую 31 декабря признало Советское Правительство. Страна была на грани гражданской войны, которая для Финляндии стала освободительной, так как основной силой «красных» были 42 тысячи солдат российских гарнизонов. Страна раскололась на «белый» Север и «красный» Юг. 12 января 1918 года Сейм предоставил Сенату неограниченные полномочия «для наведения твердого порядка в стране». Сенат поручил это К.Г. Маннергейму, отправив его в г. Вааса, где поддержка «белым» была сильнее.

Чтобы отрезать «красный» Выборг от революционного Петрограда, «белые» 27 января 1918 года попытались захватить станцию Терийоки, где тогда находилось лишь 6 красногвардейцев во главе с Калюсенкиным. Но уже на следующий день сюда прибыли из Петрограда отряды рабочих, провозгласив советскую власть и оставив достаточно сильный отряд Хейкки Кальюнена.

В середине февраля в Финляндии начинается гражданс-

кая война, в которой «белые» одерживают победу. 21 апреля они занимают Кивеннапу (Первомайское). 23 апреля в полутора километрах от Терийоки отряд «белых» майора Г.Эльвенгрена был отбит красногвардейцами Х.Кальюнена. Но так как станции Куоккала и Райвола после боёв оказались заняты «белыми», то отряд Кальюнена на поезде сам оставил Терийоки.

Живший на Чёрной речке Л.Андреев 23 апреля записал в своем дневнике: «О взятии Терийоки слышали от красногвардейцев, которые бегут оттуда большими толпами». 24 апреля: «Звонили в Териоки, чтобы что-нибудь разведать. Но барышня ответила: “Говорить нельзя, здесь стоит белая гвардия”. А прежде отвечала: “Говорить нельзя, здесь стоит красная гвардия”. Уже два или три месяца мы без телефона, почти без почты и телеграфа».

Военным комендантом Терийоки стал Георг Эльвенгрэн, временным полицмейстером Микко Уотинен.

До конца апреля продолжались стычки с «красными», уходившими в Россию, но окончательно граница была закрыта 8 июня. Лето 1918 года было беспокойным. В августе видели много немецких моряков по дорогам, на берегу, в октябре-ноябре - в Терийоках военные обозы и бронированные поезда...

При отступлении военное командование «красных» приняло решение об уничтожении форта Ино, мощного оборонительного сооружения, построенного в 1912-1916 годах в 20-ти километрах севернее Терийоки, о котором необходимо рассказать особо.

Форт завершал с севера цепь укреплений, куда входили сооружения Кронштадта и Юхинмяки (Красная Горка). Эти три укрепления полностью контролировали водный путь к Петербургу, и одних только орудий Ино было достаточно, чтобы потопить любое, идущее к Петербургу, судно.

Основными батареями укреплений были две бронированные башни со спаренными орудиями. Кроме того, была батарея с четырьмя открытыми 12-дюймовыми орудиями, одна батарея, оснащенная 11-дюймовыми мортирами, одно 10-дюймовое орудие, две батареи 6-дюймовых орудий,

защищающих 3-километровую линию наземной обороны.

Батареи были соединены между собой километровым подземным переходом. У каждой батареи были большие подземные склады боеприпасов. У форта была своя гавань, железная дорога, радиостанция, 16 силовых станций, 150 разных строений, казармы, церкви, офицерское казино и пр. Большие прожектора укрепления позволяли просматривать море на несколько миль в ширину, а орудия могли выстреливать 9 тонн боеприпасов в минуту.

Посреди укрепления было трехэтажное здание центра управления огнем, перекрытие которого было сделано из 35-миллиметровых броневых плит. Укрепление было защищено от нападения с суши разнообразными земляными бастионами с бетонированными огневыми точками и защищенными броневыми щитками брустверами. Наклонная местность перед передним краем обороны была оснащена заграждением 10-метровой ширины из 4-х уровней колючей проволоки, защищенным многочисленными пулеметами. Гарнизон Ино насчитывал 7 000 человек. Его строительство обошлось Российскому правительству в 8 млрд. финских марок.

После того, как частично разрушенные сооружения Ино достались Финляндии, новые хозяева восстановили его и в июле 1919 года произвели два выстрела по Кронштадту. Больше в боевых действиях укрепление не участвовало, и было взорвано по условиям Тартусского мирного договора в 1921 году. Грандиозные руины Ино сохранились до сих пор.

С весны 1918 года Терийоки стали прифронтовым городом. Здесь действовали агенты самых различных разведок, диверсанты, террористы. Летом 1919 года Финское правительство дало согласие на то, чтобы английский контр-адмирал Уолтер Кауэн получил в свое распоряжение военную базу в г. Койвисто. Втихомолку британцы устроили в Терийоки небольшую тайную базу – финские власти смотрели на это сквозь пальцы – где обосновались лейтенант Королевского флота Эгейр, младший лейтенант Синдалл и группа находившихся на английской службе русских курьеров. Диверсионная база англичан имела на вооружении два

100

быстроходных, замаскированных под спортивные, 40 – футовые торпедные катера СМБ-4 и СМБ-7, лучшие по тем временам, вооруженные торпедами.

Группа Эгейра совершила из Терийоки много успешных рейдов, атакуя корабли большевистской флотилии. Для наблюдения за акваторией залива англичане использовали башню Терийокской кирхи, выходили в море и торпедировали русские корабли, осаждавшие восставший гарнизон Красной Горки.

18 августа 1919 английская флотилия отправилась от Койвисто к Кронштадту. Нападение было успешным: боевое судно «Андрей Первозванный», база подводных лодок «Память Азова» и эскадренный миноносец «Гавриил» были потоплены, боевое судно «Петропавловск» и два эскадренных миноносца были повреждены. После этого суда из Кронштадтской гавани уже не вышли в море.

Напряженное положение со стычками и перестрелками сохранялось здесь вплоть до заключения Тартусского мира (14 октября 1920 года); на переговорах советской делегацией все еще выдвигались требования передать России Терийоки, Куоккала и некоторые другие пограничные территории, но позиция Финляндии была непреклонной, что впоследствии не могло не привести к новому пограничному конфликту.

Терийоки, терзаемые Гражданской войной, стали последним приютом известного русского философа и революционера Георгия Валентиновича Плеханова. Идея увезти больного Плеханова из Петрограда и устроить в благоустроенном санатории, где он вынужден будет подчиниться дисциплине и отдохнуть, принадлежала его супруге Розалии Марковне, оставившей свои воспоминания о последних днях Плеханова: «Доктор Аитов,... руководящий лечением Георгия Валентиновича, также настаивал на помещение его в санаторий. Он отрекомендовал мне один, в Питкеярви, недалеко от Терийоки, по его мнению, очень благоустроенный, во главе которого стоял доктор, русский немец доктор Циммерман, хороший специалист по легочным болезням.

Путь до Терийок прошел благополучно. Георгий

Валентинович оправился от усталости и оживленно беседовал. В Терийоках на вокзале он почувствовал себя скверно... . Припадок удушья длился недолго и на этот раз, и, как только мужу сделалось лучше, мы двинулись в путь. Дорога шла лесом, было сухо и морозно. Мы с наслаждением вдыхали чистый, свежий воздух, а окружающая природа восхитила нас своей величественной красотой. Надежда наполнила мою душу, здесь, думалось мне, на лоне природы, хотя и суровой, в этом чистом воздухе Георгий Валентинович найдет исцеление. "В таком чудесном месте нельзя не поправиться", - сказала Георгию Валентиновичу, муж улыбнулся довольной, счастливой улыбкой.

... С первых же дней пребывания в Финляндии он начал серьезную умственную работу. Несколько часов в день он читал сам, делал отметки, выписки, несколько часов в день я читала ему вслух.

...Письма и газеты привозил нам доктор Циммерман, директор санатория, который два раза в неделю отправлялся в Петроград на консультации. Боже, с каким нетерпением мы ждали его возвращения, и как мы набрасывались на новости из России. Шли Брест-Литовские переговоры. Слушая и читая о перипетиях этих переговоров, Плеханов глубоко страдал, видя, как топчутся в грязь имя и жизненные интересы родины. ...Когда мы вычитали из газет, что переговоры с немцами прерваны, что русская делегация покинула Брест-Литовск, мы почувствовали некоторое облегчение, хотя Плеханов очень скептически отнесся к этой размолвке. Прав был один товарищ, который писал после смерти Плеханова, что его сердце не выдержало Брест-Литовска.

Приближение и победа белой гвардии была катастрофой для нашего мертвого дома. Среди низшего служащего персонала началась настоящая паника: почти весь он, в особенности финляндская часть, сочувствовали социалистическому финляндскому правительству и, так или иначе, помогали Красной гвардии. Одна из наших самых милых девушек за несколько дней до прихода финляндско-шведско-немецкой армии в наши края, отправилась в Крас-

ную армию в качестве сестры милосердия и погибла на своем посту несколько дней спустя. Вообще, я считаю обязанностью своей сказать здесь, что в нашу бытность в финляндском санатории мы ничего не слышали о жестокости финляндской Красной гвардии. Наоборот, «культурность» маленькой Финляндии сказалась и в деяниях революционного народа, и ее революционных вожаков, только здесь, в Европе, я слышала о жестокостях, будто бы проделанных финляндской Красной армией. Я этому не верю, а что белая гвардия после победы прибегла к жестоким кровавым репрессиям - это факт, не отрицавшийся и буржуазией.

Паника, сказавшаяся среди служащих санатория, вызвала их повальное бегство, и мы остались без санитаров и с очень немногочисленной прислугой. Единственная сестра милосердия на весь дом, очень милая, но, слабая здоровьем, девушка, падала с ног от усталости. А, между тем, в состоянии здоровья мужа в последних числах апреля произошла сильная перемена к худшему...

Начиная с 20 мая состояние мужа ухудшилось с каждым часом, и дело пошло быстрым темпом к трагической развязке....

Ночь с 29-го на 30-е было относительно недурна. Не было припадков кашля, ни последующего удушья. В шесть часов утра он проснулся с большой жаждой. Выпил почти залпом стакан теплого чая с молоком и сказал: «Восхитительно» (по-французски), с таким ясным, отчетливым произношением, что поразил меня и обрадовал...

Попросив госпожу Эмерих приняться за еду, не дожидаясь меня, я вернулась к мужу, чтобы дать ему напиток. Я застала его в забытии, и на мое предложение выпить чего-нибудь, он совершенно отчетливо спросил меня: «Разве мне уже пора? Кажется ты мне давала напиток четверть часа тому назад». Я сказала, что нет, прошло два часа. «Ну хорошо, в таком случае дай». Я подала ему маленький стаканчик чая с молоком. Едва вобрав ложку жидкости, он всплеснул руками, вскрикнул, моментально начались конвульсии лица и левой руки, и дыхание остано-

лось. ...Плеханов вздохнул еще раз, два, лицо покрылось смертельной бледностью, и когда доктор пришел минуты через три, сердце перестало биться.»¹

ЖИЗНЬ БЕЗ КУРОРТА

После закрытия границы Терийоки оказались в трудном положении, усугубляемым послевоенным экономическим кризисом. Прежние «господа» жили в еще более трудном положении, чем местное население, изыскивая средства к существованию продажей имущества, уроками музыки, языков и пр. Жестокая нехватка продуктов на русской стороне соблазняла на контрабанду, в которой участвовало население более отдаленных областей Финляндии. Потокom шли беженцы - эти места называли «Райяйокским окном». Были созданы карантинные пункты (в Терийоки такой карантин действовал до 1935 года), где каждый перебежчик допрашивался и получал паспорт. Однако никого не выдавали. Зимой 1921 года сюда по льду Финского залива бежали сотни восставших матросов после разгрома Кронштадтского мятежа.

Положение русских было достаточно сложным - они были под наблюдением; подозрительных, особенно военных, можно было расстреливать. И расстреливали... Русские пробовали себя в коммерции, как антиквары, держатели кафе, учителя, художники. В течение первого десятилетия были трудности с языком. Но в последствие некоторые даже принимали финскую фамилию.

В Терийоках была довольно сильная русская православная община - объединяющим центром была церковь. При ней был русский хор; была и русская школа, в которой преподавался финский язык, как иностранный, преподавание истории и географии Финляндии производилось на финском языке. При Терийокском филиале благотворительного комитета имени Матильды Вреде существовали кружки - музыкальный, театральный, литературный, шахматный... Была и русская футбольная команда - но уже под видом «Добровольной пожарной дружины». Русским запрещалось

заниматься спортом, а также занимать ответственные посты в администрации и на промышленных предприятиях. Так что отношения были все же напряженные.

По истечении первого года независимости в Терийоки было 11 школ. Действовали многочисленные общества и клубы, как созданные до революции, так и вновь открытые: «Терийокское общество трезвости», «Терийокское молодежное общество», «Терийокское объединение рабочих», «Терийокский смешанный хор», позднее «Хор любителей искусства», «Терийокский театр», «Терийокский рабочий театр». В 1923 году создан Терийокский струнный оркестр. В ноябре 1917 года создано «Терийокское Гражданское общество». В Терийоки действовало также отделение созданного генералом Маннергеймом «Союза защиты детей», «Общество стрельбы» и «Объединение солдатского клуба».

В тот момент в городе было 4 библиотеки, 2 книжных магазина, выходила своя газета, вначале «Терийоки», позднее «Каннаксен лехти» («Газета перешейка»). «Пограничное общество любителей лошадей» организовывало зимой скачки по льду Финского залива, а летом - выставки лошадей. В 1924 году было создано Молодежное христианское объединение. У общества был также свой смешанный хор.

В Терийоки работало два банка - Национальный Акционерный Банк и Акционерный Банк Саво-Карелии. У Акционерного предприятия Перешейка имелась своя сберкасса.

До обретения независимости в Терийоки было лишь два довольно крупных промышленных предприятия: Терийокский пивоваренный завод и Торфяной завод Халленберга в Келломьяки. Ещё действовали небольшие предприятия по производству освежающих напитков Шалинина и Лайне, а также смолокурня. Принадлежащее Кореневу пивоваренное производство удовлетворяло местные потребности. Его действие приостановилось с закрытием границы и вовсе прекратилось с вступлением в силу сухого закона. Здание завода купил вице-судья Бруно Лагус и организовал там производ-

ство дрожжей. При заводе торфяной подстилки Халленберга была лесопилка, мельница и небольшая электроустановка.

В 1903 году появилась лесопилка Песонена в Келломяки, а в 1908 году паровая лесопилка Вильяма Отсакорва в Куоккала. Обе действовали до конца 1920-х годов.

С закрытием границы промышленная жизнь Терийоки оказалась в совершенно новых условиях. До того обслуживание курорта было основным источником дохода. Теперь это почти полностью прекратилось, и пришлось искать новые пути. Земледелие оставалось сравнительно слабым. Ещё в войну Петроград с его миллионным населением облегчал сбыт финской продукции: ягод, фруктов, тряпичных половиков, мётел, не говоря уже о продукции животноводства и земледелия. Много финских ремесленников – портных, сапожников, кузнецов, трубочистов, столяров, плотников прежде направлялись в Петербург, но с закрытием границы они уезжали обратно в Финляндию, многие остались в Терийоки. Однако здесь для них не оказывалось работы.

По количеству работающих наиболее крупным предприятием после обретения независимости была швейно-трикотажная мануфактура Эвы Таскинен (изготавливались шерстяные куртки, пуловеры, блузки, шерстяные брюки, женские платья, шапочки и шерстяные изделия). Она работала почти на ручном труде вплоть до 1929 года, здесь трудилось более 200 женщин, многие из которых работали на дому.

В Райвола уже давно и успешно действовали картонажные мастерские. Когда потребность в коробках для промышленности возросла, то возникла мысль изготавливать их и в Терийоки. Для Картонажного АО Терийоки было куплено большое здание дачи на Виертотие и пришлось заказать машины из Германии.

Сады и леса Терийоки давали особо богатые урожаи. Летом и осенью всегда было много яблок, клубники, смородины, вишни. Когда производство превысило потребление, в 1936 году в Терийоки было создано Продуктовое АО по заготовке ягод и плодов. Вначале

основной задачей было приготовление натуральных соков, из которых делались различные напитки, мармелад и сладости.

В 1925 году в Терийоки приехал А.Й.Аунио, разносторонний и энергичный коммерсант, создавший колбасное и коптильное производство, на продукцию которого был особый спрос. А.Й.Аунио состоял во многих дирекциях и владел кинотеатром Калева.

С начала 1930-х годов в Терийоках действовала макаронная фабрика Е.Ванханена, зоной сбыта продукции которой был весь Перешеек и Выборг.

Сельское хозяйство в Терийоках было зачастую нерентабельным, поскольку участки были нарезаны слишком мелкими. Так получилось ещё при Генеральном межевании, когда земли распределялись среди наследников, и образовалось много карликовых поместий. Кроме того, иногда под дачную застройку продавались участки хороших земель, пригодных для сельскохозяйственной обработки. До периода независимости в земледелии не чувствовалось необходимости, поскольку зерно получали из Петербурга, а блестящие толпы приезжавших на лето нуждались в различных услугах и щедро их оплачивали.

Хотя плотная дачная застройка и ослабила земледелие, всё же она создала хорошие условия для содержания молочного скота. Сбыт молока, сливок и масла был почти неограниченным. То, что приезжавшие на лето хотели молоко ещё парным и готовы были заплатить за него даже двойную цену, оказало решающее влияние на окупаемость скотоводства.

Положение изменилось с закрытием границы и утратой Терийоками значения дачного посёлка. Был создан кооператив по продаже молока, и продавали молоко воинским частям в Келломяки и Терийоки, а также на завод "Валио" в Выборге.

Ещё в дачный период в Терийоки и Куоккала были основаны земледельческие общества, которые помогали в планировании работ по расчистке земель, в контроле выполнения работ, вели различные сельскохозяйственные

курсы, организовывали соревнования и выставки, а также консультации для садоводов. Ведь в Териоках очень увлекались выращиванием ягод и фруктов. Сбыт значительной части продукции обеспечивал созданный в 1930-х годах «Терийокский продукт». В Териюки действовало много предприимчивых и дальновидных земледельцев.

ВОЗВРАЩЕНИЕ РАЯ

Восстановление курорта началось уже в 1924 году. Против этого возражали в Куоккала и Оллила, где были лучшие сельскохозяйственные земли, тогда как Териюки ориентировались на развитие поселка городского типа. Эти различия и связанные с ними трения долго сказывались на жизни общины.

Но все-таки Териюки не могли забыть своего блестящего прошлого, а значит снова городу была уготована судьба «Ривьеры». Вскоре из северных волостей Финляндии и столицы - Хельсинки начали приезжать отдыхающие. Жила тут писательница Керсти Бергрот, отдыхал романист Мика Валтари. Архитектор Алвар Аалто проектировал здесь здание Выборгской библиотеки. Одно лето гостила семья Урхо Кекконена. И.Е.Репин начал здесь писать портрет финского поэта Эйно Лейно. У Микко Уотинена гостили поэт Рупперт Хайнулайнен и драматург Самули Сихво. Отдыхал начинающий дирижер Жорж де-Годзинский.

Оживилась деятельность местных обществ и объединений. Общество домоводства «Марты» еще в годы безработицы организовало рабочий дом, где выполнялись заказы, связанные с шитьем и другим рукоделием. «Терийокское общество любителей искусства» поставило около десятка спектаклей. Действовало несколько спортивных объединений, скаутское движение, патриотические и полувоеенные организации - шюцкор «суойеллускунта», женское объединение «Лотта Свьярд», детские патриотические организации - «маленькие лотты» для девочек и «беличья рота» для мальчиков Оллила.

К открытию пляжного сезона на береговой территории

от Оллила (Солнечное) до Терийоки (Зеленогорск) было установлено 500 будок-раздевалок... Терийоки снова слали сказочным летним Эльдорадо.

Писатель Ларин Кюести так призывал отпускников со всей Финляндии приезжать летом на Терийокский курорт или в сдаваемые на лето дачи: «Если ты, усталый, ослабевший и издерганный странник столицы или села, хочешь избрать постоянное место для летнего купания, то запасись дорожной палкой, картой Финляндии и биноклем, а также купленным в универмаге Стокмана купальником и купальным халатом, отряхни уличную пыль с ног твоих и мчись сюда скорым поездом. Здесь ты чувствуешь себя хорошо. Твоя энергия и вкус к жизни возвратятся к тебе вместе с обновленным здоровьем. И езжай сюда по зову своего финского сердца!»²

Найти крышу над головой, причем, весьма недорого, здесь никогда не было проблемой. Дачи сдавались в аренду или продавались; и сведения об этом можно было получить в волостном управлении Терийоки или в акционерном обществе «Летние ванны Куоккала». Арендная плата за лето составляла от 300 до 2 500 марок. При этом вы могли пользоваться хозяйским садом и надворными постройками, водопроводом, теннисной площадкой.

«Перспектив-реклама», изданный в 1937 году, рекомендовал купить постоянную летнюю дачу, как это сделали многие знаменитости, чтобы «со временем приехать сюда на отдых старости среди вечной радости и молодости. Здесь и 60-летние становятся молодыми», - утверждает рекламный проспект.³

О здоровье дачников и их зверюшек пеклись четыре врача-терапевта, два стоматолога, ветврач и три аптеки.

Если вы еще не были обременены чадами и домочадцами, а пребывали в поре ухаживания и предпочитали беззаботное гостиничное житье, то вам, конечно, более подошел бы один из многочисленных пансионатов. Они были весьма недороги, от 25 марок, и все без исключения гарантировали полное содержание: питание, бытовые услуги, развлечения и экскурсии, телефон. В Терийоки на выбор предлагались следующие пансионаты: «Кесякоти» (в доме

женского союза); «Майя» (возле станции); «Ринтееля», «Суомела» и «Илола» - все в 2 км от станции; «Суоми-Ривьера» - в 3,5 км от станции.

Четыре аналогичных заведения существовали в Куоккала: «Костийсен тяюсихойтола», («Летний дом женщин-шюкоровцев»), «Айда» госпожи Эльзы Саари и «Мансиккаоя» - дом отдыха акушеров Выборгской губернии. Господин Люли Вайнио приглашал отдохнуть в своем пансионе «Вайниола» в Оллила.

Решив свой главный - жилищный - вопрос, гость курортного края без труда находил то, что было необходимо для поправки его пошатнувшегося здоровья. Это, разумеется, морские ванны, если дело происходило летом, и бодрящие лыжные прогулки, которые здесь возможны и при самом малом снегу, т.к. лыжные трассы свободны от камней.

То, что мы теперь небрежно называем купанием, прежде торжественно именовались принятием морских ванн. Эта ответственная процедура производилась под наблюдением районного врача Н. Леппеля, врача прихода М. Рюдмена и доктора Кьеллерфельда. Про морские ванны в Терийоки в

«Проспекте-рекламе» сказано, что они «рекомендуются больным для укрепления здоровья и людям, требующих отдыха. Солнечный берег является замечательным источником здоровья для слабых детей».

Когда ваши силы достаточно восстановятся, можно смело переходить к следующему этапу активного отдыха: ближним и дальним экскурсиям, среди которых есть и такие, которые требуют специального разрешения полиции для пребывающих в погранзоне. Авторы «Проспекта-рекламы» утверждают, что «на границе спокойно» и предлагают посетить пешком или на велосипеде, верхом на лошади, на автомобиле или автобусе памятные места Карельского перешейка, например, «место боя Йоутселькя» или же «руины батареи Ино», женский монастырь Линтула и Могилу любви с часовней, искусственные батарейные острова, красивейшую церковь в Терийоки, дачу Ильи Репина, католический костел и магометанскую мечеть, и, конечно же, Харпулинну (Арфововый замок в Келломьяках), где некогда соби-рался высший офицерский круг.

Казино «Терийокских морских ванн» предлагало перво-классный ресторан, вечера с программой, танцы в сопровождении оркестра. То же, плюс гостиницу и большой зал со сценой для празднования юбилеев, предлагало общественное здание Терийоки. Ресторан, три раза в неделю танцы, свой берег и теннисная площадка - этим привлекала постояльцев гостиница «Пуйстола».

Самым большим танцевальным залом с паркетом и рестораном без спиртных напитков славился «Валкойнен Сали» (Белый зал). А вот в казино «Летние ванны Куоккала», напротив действовало право на распивочную продажу. Оно приятно дополняло ужин в первом классе ресторане, танцы, музыку и вечернюю программу.

Ежедневно работал кинотеатр «Калева» демонстрирую-щий не только фильмы, но и театральные постановки. На побережье находилась масса спортивных площадок, из которых полсотни было теннисных, а также кегельбаны и бильярдные залы...

НОВЫЕ ЛИЦА СТАРОГО ПЛЯЖА

В довоенных Терийоках частенько можно было встретить знаменитых финских писателей, музыкантов, художников. Как и их русские коллеги в начале века, свой отдых они совмещали с творчеством. Один из самых известных «дачников» - Алвар Аалто, архитектор, чей портрет украшал купюру 50 FM.

В 1923 году он основывает свое проектное бюро в Ювяскюля, и как архитектор начинает в духе “скандинавского романтизма”. В начале 1920-х годов это направление сыграло значительную роль в борьбе с эклектикой и подражанием историческим стилям, но вскоре сменилось неоклассицизмом, а затем и функционализмом. В стиле функционализма Аалто спроектировал здания газеты «Турун Саномат» и туберкулезного санатория в Паймио. В 1934-1935 годах он участвует в проектировании вокзала в Таллинне и здания финского посольства в Москве, а также занимается в фирме «Артек» меблировкой и украшениями из гнутого и клееного дерева.

Еще в 1927 году он начал работать над конкурсным проектом здания Выборгской муниципальной библиотеки, ознаменовавшим его переход к собственному творческому стилю. Это здание расположено вблизи нынешней Красной площади, в парке, в районе проспекта Суворова и Библиотечной улицы. Снаружи здание выполнено в стиле функционализма, но внутренняя планировка уже обнаруживает оригинальные решения. Это деревянный извилистый потолок в зале для чтений и потолочное освещение в абонементском зале.

Выборгская библиотека строилась в 1930-1935 годах, и доработку проекта в 1934 году Аалто вел в Терийоки. Вот как вспоминает об этом проходивший тогда у него студенческую практику Йонас Седеркрёйс: «Алвар полагал, что он с семьей и сотрудниками мог бы провести лето в Терийоки, неподалеку от Выборга. На берегу моря, среди красивой природы, он мог бы сочетать архитектурную работу и летний отдых, как это у него делалось. Я получил задание

найти подходящее для этого место. Летним домом оказалось дача моей тети Марты Седеркрёйи».³

Дача находилась на берегу моря в Оллинпя - части нынешнего Зеленогорска, западнее Торгового Центра. В штате А. Аалто тогда были лишь его жена Айно, архитектор Диедрих Дальберг (в свое время работавший у Нобеля в России) и сам практикант. К работе приступали зачастую лишь в 10-11 часов, «но заканчивали не в одно и тоже время - если у Алвара было вдохновение, кончали поздно ночью ... Наши с Дальбергом чертежные столы находились в небольшой комнате, где, таким образом, было рабочее помещение. Сам Алвар работал в своей комнате, откуда время от времени выходил к нам».

«Это лето было жарким. Мы потели не столько над вычерчиванием здания Выборгской библиотеки, сколько от жаркого солнца. Дети Алвара и Айно, 9-летняя Иоанна и 6-летний Гамилькар играли на берегу, и Айно зачастую просто занималась детьми. ... Нам в рабочем помещении было достаточно работы, но характерно, что у Алвара Аалто хватало времени и на многое другое. Этим летом он занимался автомобилизмом и собрался между делом съездить посмотреть местные достопримечательности. Посетили на автомобиле, в частности, мост через Райа-йоки (р. Сестра), Линтульский монастырь, "Могила любви" в Ваммельсуу и батареи в Ино. Побывали также в доме - мастерской Ильи Репина в Куоккала. Когда Аалто проектировал свой «круглый стол», прототипом, возможно, был круглый стол Ильи Репина».

«Алвар Аалто был взыскательным и одновременно вдохновляющим работодателем. Он вносил в работу воодушевление и прямо-таки излучал энергию и идеи. Он оказался вдохновенным рассказчиком. Помню, как мы часами его слушали, очарованные его речью. Алвар часто рассказывал о легендарной фигуре своей молодости, Аугусте Нюберге, который заметил Алвару: «Однако, запомни, Алвар, что если хочешь преуспеть в жизни, надо «бить на поражение». Из поездок молодому практиканту запомнилась энергичность действий и последующего воспроизведения ви-

денного и слышанного: «Алвар так восхищался, рассказывая, где мы побывали, что мне казалось, будто я там и не был - настолько красочным, живым и детальным было его описание!»

Аалто осуществлял великолепные решения. Он проектировал залы для выдачи и чтения книг так, что в стенах не было ни одного окна. Поверхность стен была оставлена для книжных полок. Свет падал из круглых окон в крыше. Для эксперимента с освещением было решено построить миниатюрную модель. В Терийоки не было мастерской для изготовления моделей, поэтому работу сделали своими силами. Трудности были с изготовлением в крыше круглых отверстий. Поскольку их было 57 штук! Тогда мне вспомнились коробки одного оптового торговца яйцами, в которых были продырявленные пластины для яиц. Я сходил узнать у коммерсанта, который производил коробки. Тот, кто делал пластины, согласился помочь нам. Подсчитали, сколько надо пластин, чтобы размер окон в модели соответствовал натуре. Вычертили на пластинах отверстия и повезли делать дырки. Склеив продырявленные пластины, установили «крышу» на картонные стены. Модель выставили перед дачей и ориентировали по сторонам света также, как должно было стоять здание библиотеки в Выборге. Теперь можно было проверять действие солнечного света в разное время. Результат, по мнению Алвара Аалто, был хороший и убедительный.»⁴

Развитие принципов функционализма и поиск способов использования финского дерева приводит Аалто к собственному стилю создания свободной формы. Первое свидетельство - павильон сельскохозяйственной выставки в Каухала (1937). В том же году им был спроектирован финский павильон Всемирной выставки в Париже, а в 1939 году - интерьер финского павильона Всемирной выставки в Нью-Йорке.

Во время 2-й мировой войны Аалто живет в США. Он преподает в Массачусетском технологическом институте, где проектирует студенческое общежитие с изогнутыми стенами, облицованными красным кирпичом, а также мебель и осветительную арматуру для оформления его интерьера.

После войны Аалто возвращается на родину уже всемирно известным архитектором. Сразу же он избирается председателем Союза архитекторов Финляндии - с 1952 года, а с 1963 года он член Академии Финляндии. В 1970-х он проектировал застройку центра Хельсинки. Последняя из работ Аалто - "Дворец Финляндия", место международных съездов, где в 1975 году был подписан заключительный акт Общеввропейского Совещания по Безопасности и Сотрудничеству в Европе.

«Живописцем летнего Перешейка» называли современники выдающегося финского художника Микко Ойнонена, почти каждое лето "пропадавшим на природе" в окрестностях Терийоки.

Детство Ойнонена было трудным, ибо в большой семье всегда царили нужда и бедность. 20-летним на сэкономленные деньги он отправился учиться в Хельсинки.

В 1910 году молодой художник вернулся из путешествия в Париж. Первая его выставка в Финляндии имела успех, и Ойнонен поступил в издательское АО Вернар Сёдерстрём рисовальщиком. С Терийоки и Тюрисевя Микко Ойнонен познакомился, приехав на дачу Сивори, а несколькими годами позднее он приобрёл собственную дачу. Многократно бывавший на Перешейке наверное присоединится к Эско Наккила, опубликовавшему биографию Ойнонена со следующим описанием этих мест: «Перешеек пленяет великолепием природы и мистикой распада: чудесные, длиною в мили берега постепенно исчезают вдаль, искрится водная гладь, благоухают смолой поросшие соснами песчаные гряды, широкими изгибами извивается шоссе; роскошные садики, шумящие лесные ручьи, и надо всем этим широкий небосвод Перешейка. Одна за другой великолепнейшие дачи с распахнутыми окнами посреди прохладных парков, полуразрушенные прибрежные террасы и обветшавшие часовни с косыми православными крестами и золочёными луковичками куполов, навек разбитые жизнью мечты и престарелые знаменитости, князья и генералы, придворные и коммерсанты, артисты и художники. Дуновение романтики прошедших времён ощущается ещё сильно и захватывающе.»³

Перешеек овладел Ойноненом. Он весьма многосторонне увековечивает природу Перешейка. Он живописует настроение ранней весны, когда берёза распускает листву и калужница расцветает возле весело скачущего ручья. В весеннем многоцветье он изображает расцветающие старые черёмухи и согнутые возрастом цветущие яблони. Кроме пейзажей с ручьями, Ойнонен углубляется в таинственную сень лиственного леса, в полусумрак тенистых парков с тропически пышной растительностью. Он живописует роскошные летние пейзажи, в которых зелень - любимая краска художника варьирует бесчисленными оттенками, пока в тихом приближении осени не уступает место игре желтых и красных красок.

Бродя с мольбертом в поиске сюжетов, художник исхаживает Перешеек вдоль и поперёк. Его привлекают и пейзажи Ваммельсуу (устье Чёрной речки), и уходящие вдаль шоссе Кивеннапы (Первомайское), и поросшие кустарником холмы Уусикиркко (Поляны), и Райвола (Рошино) с её синеющей горой Суоми, нетронутые уголки природы со струящимися реками и заброшенными деревьями. На Перешейке море окончательно пленяет Ойнонена своим очарованием. Возникает серия картин, сюжеты которых взяты с побережий Ваммельсуу и Тюрисевя (Ушково). С Тюрисевя много картин, на первом плане которых обветренные прибрежные сосны, рыбацьи лодки и одинокие каменные глыбы, тогда как идиллические побережья Ваммельсуу вдохновили художника на множество картин, наполненных утренней свежестью и праздничным ошущением света и воздуха.

Ойнонен был прилежным живописцем. Уже в ранние утренние часы отправлялся он на натуру. А потом с удовлетворением выставлял свой летний урожай в Хельсинки, в доме художников Лалукка, в своей мастерской перед почитателями его искусства.

В 1930-х годах Микко Ойнонен участвовал в выставках Финской академии искусств и в зарубежных вернисажах. Он получил бронзовую медаль Балтийской выставки в Мальмё и праздничной выставки Северных стран в Гётеборге.

успешной карьере художника добавилась преподавательская работа в школе Финского Художественного объединения, Центральной школе художественной промышленности и Школе свободных искусств.

Работы Микко Ойнонена есть во всех музеях Северных стран, а также в Пушкинском музее в Москве и в Британском музее в Лондоне.

Свой отпечаток на картину селения накладывали многие именитые летние гости. Преподаватель Нормального лицея в Хельсинки, писатель Эрнст Адольф Лампэн, с 1936 года Лампэн-Исо-Кейсари, был, наверное, самой колоритной личностью. Лампэн был крупным, с большим животом, и прогуливался с шишковатой тростью. По воспоминаниям современников, когда Лампэн выходил на берег, его шишковатая трость была на плече, и на конце её висел красный купальник. У него был ошеломляюще своеобразный юмор, и если этого не знать, то легко можно было оскорбиться. В 1934 году Лампен опубликовал в газете «Каннаксен Лехти» свои впечатления о Терийоки: «У нас Финляндии теперь так много замечательных курортов, что у нашего немногочисленного народа при всем желании не хватит курортников на все. Каждому курорту приходится прилагать усилия чтобы чем-то завлечь к себе. Теперь настала очередь о Терийоки рассказать по радио и в газетах, что здесь примечательного, известного и приятного.

Прежде всего прямо перед нами открытое море - море без островов. В Ханко тоже видно море, но сквозь острова. Все же открытое море в Терийоки совсем не монотонно. На самом горизонте виднеется угрожающий и во всех отношениях своеобразный остров Кронштадта с его церковными куполами, башнями и укреплениями. Кронштадт заботится и о том, чтобы у нас не было недостатка в музыке. Там что ни день, грохочут пушки, напоминая, что мировая война закончилась, и начинается новая, еще более кровавая. Мы живем постоянно под настроением Марша Пори: «Вот ветер веет, вот уж буря, и ядра уж визжат».

Не опасайтесь, однако, что эти снаряды завизжат над Терийоки, ибо визжащие снаряды причиняют не более

разрушений, чем женский визг. Однако воинам-героям следует стремиться сюда, ибо для их ушей во всей Финляндии нет лучшей музыки...

Здесь у нас есть велосипедный батальон, который ежедневно объезжает Терийокское шоссе, исполняет сравнительно приличные песни и создает у нас чувство полной безопасности. Долетели бы их патриотические песни до Кронштадтского компанимента! Может ли быть более оригинальный ансамбль?!»⁶

Лампен с присущим ему юмором описывает и местные достопримечательности, и поразительно точно передает атмосферу жизни Терийок перед Второй мировой войной: «...Для терийокских курортников излюбленная прогулка - это посещение ст. Райяйоки и ее железнодорожного моста. На другой стороне реки - загадочное большевистское государство.

Хоть и проповедуется вот уже два тысячелетия, что на земле должен мир, а в человеках благоволение, это лишь торжественные речи, ибо никогда еще не было так мало мира на земле, а у людей так много недоброжелательности, как сейчас. Это прискорбное обстоятельство лучше всего констатируется именно на Райяйокском мосту.

...Если у нас в Терийоки чудесное открытое море, то у нас - наверное еще более восхитительное песчаное побережье. И это не какое-то отдельное пятно, как пляжи Хельсинки и Выборга. Оно 30-70 км. длиной, от Российской границы до бывших фортов Ино и далее.

На этом пляже поместились бы все умеющие плавать финны, растянувшись под солнечными лучами. Морская вода около него не горько-соленая. Она, как говорится, "гармонично-соленая". Она благоприятна для кожи, и в ней пенится мыло. В этой воде великолепно уживается озерная ряпушка. А наряду с ряпушкой там плавают гигантская рыба, называемая балтийским осетром. Этой весной в море поймали осетра, который весил 140 кг. К сожалению, это был старый самец, так что икры не было.

На мой взгляд, лучшее в Терийоки - это бесчисленные густые парки, подобных нет в остальной Финляндии. Русские,

дети степей, особенно любят деревья. Они сажали благородные лиственные деревья прямо перед своими окнами. Неважно, что они затеняли помещение. Главное - они защищали от солнца, которое у нас, конечно, не такое жаркое, как в степях. Теперь деревья выросли и норовят пророснуть свои ветви сквозь окно вовнутрь.

Теперь, когда эти парки тянутся на километры подряд один за другим, нетрудно представить себе, насколько чудесно все это. Парки сопутствуют пляжам в среднем на полкилометра по ширине и на десятки километров по длине. Парковый пояс сопровождает песчаный берег по обеим сторонам идущего вдоль него шоссе. В этих парках несчетное количество дач. В глубине парков много дач, вообще неизвестно кому принадлежащих и понемногу сгнивающих, если не нашелся новый владелец. ...»

Примечательны комментарии финского писателя к услышанному здесь языковому многообразию: «В Хельсинки на улицах вряд ли где услышишь русскую речь. Но в Терийоки ее вполне можно услышать. Живущие здесь эмигранты говорят преимущественно по-русски, старожилы Перешейка тоже владеют языком своих соседей. Здесь не презирают русский язык и не удивляются ему, тем более - какому-то другому иностранному языку из тех, которые звучат на улицах и в магазинах Терийоки. Похоже, что здесь среди людей царит дух согласия. Хотя большинство говорят по-фински, можно услышать эстонский, немецкий, французский, английский и еще более редкие языки, вроде турецкого...»

По-моему, чужие языки вносят разнообразие в нашу жизнь здесь, в Терийоки. Правда, в песне поется: «один дух, один язык». Но, по-моему, дух пусть будет один, а языков может быть хоть тысяча. Представьте себе, что в наших лесах пел бы лишь один какой-то вид птиц - туда не захотелось бы пойти. А когда там сотня разных видов птиц, то лучше себя чувствуешь. Если бы в нашем танцевальном зале редела бы лишь одна труба, люди бы разбежались...»

Как вспоминает Арво Толонен, старожил довоенных Терийок, «люди театра и кино также бывали в проулках и на

берегу Оллинпяя. На даче Неванперя жили Бакманы уже двух поколений. Театральный режиссёр Миа Бакман, особенно ценимый в нашем мире театра, а также его сын Фриц-Гуго охотно бывали в Терийоки.

Йозель Ринне также провёл не одно лето в Терийоки, так что каждый раз мог элегантно помогать местным актёрам в работе над ролью капрала Мартина в терийокском спектакле «Невеста егеря».

На даче Брууни по Куоккалантие семья Линнанхеймо несколько лет содержала пансионат. Дочери Регина и Ракель делали тогда свои первые шаги на тернистом пути кинематографии. Регина стала яркой звездой на небесах нашей отечественной кинематографии. В фильмах «Усопший молодым», «Красавица Регина из Кайвопуйсто», «Катарина и граф МунккиниEMI» эта талантливая девушка с Куоккалантие была в заглавных ролях.

Фильм по роману Унто Сеппянена «Праздник на берегу моря» снимался отчасти на Куоккалантие и на каменной стенке Дурдинского берега. Хейди Блофильд, Каарло Ангеркоски, Аку Корхонен и Юрьё Туоминен жили в Терийоки, во всяком случае во время работы над фильмом.

Вообще же отдохавшие были так привязаны к Териокам, что отдыхали здесь по несколько лет подряд.»⁷

Многие знаменитости облюбовали не только морское побережье, но и красивейшие озера на севере Терийокской волости и на границе волости Кивеннапа. Ближайшими на севере были Хаукьярви (Шучье оз) и Каявалампи (Чёртово оз). Но ещё на границе волостей Терийоки и Кивеннапа было Каукьярви, которое иногда называли озером Ялкала, поскольку оно расположено южнее одноименного селения.

Между Питкьярви (Долгое оз) и Каухьярви (Красавица) расположен как бы перешеек, на котором рос прекрасный сосновый лес. Кроме того, на берегах озёр прекрасный светлый песок и хорошие места для купания.

Именно здесь располагались роскошные дачи Шабурова и Бенуа. Они были двухэтажные, бревёнчатые, в них были большие залы и много спальных комнат, многоцветные кафельные печи, не говоря уже об остеклённых верандах и

витражах. К даче Бенуа вела кленовая аллея, а во дворе были самые разные деревья и кустарники. Были два пруда, один поближе, а другой подальше, под крутой горкой. От дачи Бенуа покрытая щебнем дорога вела к пенящемуся порогу, над которым был перекинут красивый старый мост.

Повсюду вокруг дач были цветники. Подлинное море цветов было вокруг пансиона Керстенс. Управляющая этого пансиона очень любила детей, она устраивала им праздники и раздавала подарки. Будучи немкой, она держала на стене портрет Вильгельма. Один склочный дачник еще до революции подал донос, и госпожа оказалась в Сибири вместе с будущим президентом Финляндии Свинхувудом.

Если пройти к югу, там была группа дач фон Шоульца, рядом с которой был особенно хороший, со светлым песком берег. Адмирал фон Шоульц у себя на даче носил белую униформу. Известного писателя Тито Коллиандера, жена которого была родственницей адмирала, иногда видели катающимся на лодке по озеру. Мелодичные звуки пианино слышались в окрестностях, когда музицировал Константин фон Шоульц.

Терийокские школьники весной всем классом совершали поездки на берега Каухиярви. Зимой ездили на санях. Тогда пристанищем были дачи Бакманов и соседние дачи Дальбергов. Эти братья-архитекторы из Хельсинки были владельцами девяти разных дач с теннисными кортами и парками. Арендаторами этих дач были, в частности Саловаара, фон Багхи и Стейнбэки. Известный композитор Сулхо Ранта гостил летом в прибрежном домике Санаториума.

В ОГНЕ ДВУХ ВОЙН

Финский период курортной жизни был столь же недолог, как и русский «Серебряный век». После прихода Гитлера к власти в Германии Правительство СССР стало предпринимать шаги к обеспечению безопасности Ленинграда, находившегося в 30 километрах от границы. СССР неоднократно предлагал Финляндии пересмотреть

границы между двумя странами, но финны не соглашались. Уже с апреля 1938 года, когда в Москве шли переговоры между СССР и Финляндией, над Терийоки стали появлялись советские самолеты.

9 октября 1939 года, когда Й. К. Паасикиви проезжал в Москву на переговоры, сотни людей провожали его пением псалма, сложенного еще Мартином Лютером «Бог - наша твердыня»: «Наш древний лютый враг тревожит нас всегда...». На улицах было полно новобранцев, людей в форме шюцкора и лотт. Гражданскому населению было предложено уходить подальше от границы. Потом пришло указание об эвакуации. А вскоре в глубь Финляндии погнали скот из приграничных деревень.

На переговорах 23 октября 1939 года финны ещё соглашались на передачу СССР «Куоккальского выступа», но когда был потребован ещё и полуостров Ханко, переговоры приостановились.

В Терийоки школы были заняты резервистами. Поезда из Хельсинки ходили нерегулярно, и лишь до Терийоки. Они привозили припасы для армии и уходили пустыми, «чтобы не вызывать паники».

26 ноября советские спецслужбы обстреляли погранзаставу Майнила (восточнее Симагино) и обвинили в этом финнов. 28 ноября Советское правительство денонсировало договор о ненападении. А утром 30 ноября советские войска перешли границу, заняли Куоккала и подошли к Терийоки.

1 декабря с фортов и с моря были обстреляны Терийоки и Ваммельсуу. Терийоки горели, в центре трудно было пройти - улица была как дымовая труба, пламя и дым стелились по мостовой. Горели полные товаров магазины, под шумок солдаты грабили их. Сгорели кинотеатр, рабочий клуб и коробочная фабрика, разрушен железнодорожный вокзал (уцелела лишь стена с надписью «Терийоки»). В тот же день Терийоки были заняты советскими войсками.

2 декабря был подписан договор между СССР и Финляндской Демократической Республикой, от имени которой действовало Народное правительство, размещавшееся в Терийоках и возглавлявшееся работником

Коминтерна О.В. Куусиненом. Был сформирован Первый финский корпус, который должен был в ходе предстоящих боев пополняться добровольцами из рабочих и крестьян и стать крепким ядром будущей Финляндии. 21 декабря в Терийоках проходят торжественные собрания и митинги с участием членов Народного правительства. Бойцы и командиры Финской народной Армии клянутся И.В. Сталину бороться за победу Финляндской Демократической Республики. О том времени сегодня напоминают развалины монументального и в тоже время романтического особняка, разместившегося в самом центре города в тенистом парке.

Это красивое здание на Исполкомовской улице местные жители обычно называют «виллой Маннергейма». Но маршал Маннергейм никогда в этом доме не жил, и не было у него никакой виллы в Терийоки. Хотя в нашем городе он бывал

неоднократно. Правда, вероятность того, что Маннергейм все-таки посещал этот дом, есть, так как здание в 20-30 годы принадлежало военным.

Особняк был построен в начале XX века и сразу же стал достопримечательностью города. Вот что пишет в своих воспоминаниях старожил города, гражданин Финляндии Петр Миролюбов: «невозможно обойти и дачу Новикова - великолепное каменное здание с крышей из черепицы и вышкой. Здание обнесено забором и живой изгородью (елочки). Ходить «нашему брату» по двору не разрешалось, но проходивших мимо всегда тянуло заглянуть в калитку: виднелся бассейн с фонтаном. Помещалась в этой даче комендатура военного округа. Здесь же было позже помещение офицерского клуба. Дачу эту можно считать лучшей в Терийоках».³ Последняя финская организация, которая здесь размещалась - офицерский клуб 1-го егерского батальона.

В историю этот дом вошел в связи с событиями советско-финской войны 1939-1940 годов, или, как ее называют в Финляндии, «зимней войны за свободу и независимость Финляндии». В этом здании было сформировано и действовало так называемое «терийокское правительство».

Военные действия между Советским Союзом и Финляндией начались в 8 часов утра 30 ноября 1939 года. В первой половине следующего дня, 1 декабря, части 70-й стрелковой дивизии 7-й армии с боями вошли в город Терийоки. Вечером того же дня советское радио сообщило о том, что в результате радиоперехвата стало известно о создании в городе Терийоки Народного правительства Финляндии. Оно провозгласило образование Финляндской Демократической Республики. Главой правительства стал Отто Вилле Куусинен, председатель Коммунистической партии Финляндии.

Как же на самом деле было создано правительство? О его формировании советское руководство узнало, конечно, не из радиоперехвата. Например, нарком иностранных дел В. Молотов еще накануне, 30 ноября, в беседе с германским послом в СССР Шуленбургом сообщил: «Не исключено, что в Финляндии будет создано другое правительство - друже-

ственное Советскому Союзу, а также Германии. Советы там не будут создавать, но мы надеемся, что это будет правительство, с которым мы сможем договориться».⁹

«Части 70-й дивизии вступили с боями в Терийоки утром 1 декабря. Во второй половине дня прибыли из Ленинграда О.Куусинен и те, кто был намечен войти в состав «народного правительства».

В поселке не осталось населения. Оно еще до начала боев эвакуировалось. Среди сохранившихся от разрушения и пожаров зданий был бывший офицерский клуб 1-го Егерского батальона финской армии, где и состоялось провозглашение Народного правительства Финляндской Демократической Республики. Объявлялось, что его премьером и министром иностранных дел является О.Куусинен, а его заместителем и министром финансов - М.Розенберг, который в 20-е годы был председателем парламентской фракции Социалистической партии. На пост министра обороны назначался А. Анттила. Портфель министра внутренних дел вручался Т. Лехену, бывшему в период революции 1918 года секретарем Совета Народных Уполномоченных. В «правительство» вошли также кандидат в члены ЦК КПФ А. Эйкия (министр земледелия) и член ЦК И. Лехтинен (министр просвещения). Министром по делам Карелии стал П. Прокконен (до этого имел фамилию Прокофьев) - единственный гражданин СССР в «правительстве». Распределение большинства министерских постов носило чисто условный характер, поскольку не учитывалась компетентность лиц, получивших соответствующее назначение.

На заседании Куусинен разъяснил, что у «министров» на первых порах не будет своего служебного аппарата и канцелярий, пока правительство не окажется в Хельсинки. Но каждому из министров предоставлялось помещение для работы и проживания в уцелевших в поселке домах.

В сохранившемся протоколе первого заседания «правительства» (записи вел на русском языке Э.О. Куусинен - сын «премьер - министра») указывалось об утверждении «Декларации народного правительства Финляндии» после его провозглашения. Вечером 1 декабря телеграмма о

создании «правительства Финляндии» в Терийоки была прежде всего срочно передана наступившим частям Красной Армии. В ней сообщалось, что «новое правительство просит помощи от Советского Союза в борьбе за Демократическую Финляндскую Республику...»¹⁰

2 декабря в Москве между СССР и Финляндской Демократической Республикой был заключен договор о взаимопомощи и дружбе. В начале договора говорилось: «Президиум Верховного Совета СССР, с одной стороны, и Правительство Финляндской Демократической Республики, с другой стороны, убежденные, что теперь, когда героической борьбой финляндского народа и усилиями Красной Армии СССР ликвидируется опаснейший очаг войны, созданный у границ Советского Союза прежней плутократической властью в Финляндии в угоду империалистических держав, финляндский народ образовал свою Демократическую Республику, всецело опирающуюся на поддержку народа, - пришло время установления прочных дружественных отношений между нашими странами и обеспечения совместными силами безопасности и неприкосновенности наших государств». По этому договору новой финляндской республике передавалась вся территория Карельской АССР (70 тыс. кв. км.), а Советский Союз отказался от любых контактов с «незаконным» правительством в Хельсинки.

Терийокское правительство не нашло поддержки в Финляндии. Официальные круги распространили информацию, что «Советский Союз намеревается с помощью правительства Куусинена ликвидировать государственную независимость Финляндии» - и это было близко к истине. В стране наблюдался патриотический подъем, рабочие, в том числе участники финской революции 1918 года записывались добровольцами в финскую армию. В так называемую Народную Армию Финляндии, которой руководил финский коммунист, комдив Красной Армии Аксель Анттила, финны не пошли.

Терийокское правительство не сыграло большой роли в войне, оно лишь еще больше подорвало авторитет нашей страны и сделало очень плохую рекламу финским

коммунистам. Сам Куусинен всю войну находился не в Терийоках, а в Петрозаводске, авторитет его в Финляндии был сведен практически к нулю. Советское руководство, заявляя везде о своей поддержке правительства Куусинена, в конце концов под влиянием больших потерь в войне вынуждено было пойти на переговоры с законным финским правительством и именно с ним подписать мирный договор.

Вполне естественно финны признавали лишь то правительство, которое было сформировано в их стране, а не то, что следовало в обзоре Красной Армии. И накануне подписания Московского мирного договора 12 марта 1940 года терийокское правительство самораспустилось.

В соответствии с мирным договором, граница Финляндии была значительно перенесена к северу Карельского перешейка. Терийоки вошли в состав СССР. Это был абсолютно пустой, мертвый город. Ранней весной 1940 года началось его возрождение. Постоянных жителей в Териоках не осталось. Все жители города ушли в Финляндию, захватив основную часть своего имущества. Многие красивейшие деревянные дачи были разобраны и увезены своими владельцами.

В город начала прибывать молодежь из различных районов Советского Союза. Именно за счет переселенцев Советское правительство собиралось решать демографическую проблему новых территорий. Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 11 мая 1940 года был образован Каннельярвский район Ленинградской области, в состав которого вошел город Териоки.

Горсоветом решаются вопросы очистки города, нумерации домов, названий улиц. Организуются больница, поликлиника, дачный трест. Собирается трофейное имущество - оно передается местным учреждениям, а также в Терийокторг для продажи.

28 мая 1940 года принято постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) об организации на побережье Финского залива санаторно-курортной зоны с выделением на это специальных средств. Осенью (на 20 октября 1940 года) в городе уже работают 15 организаций (1700 человек); наиболее крупные

- Териокторг (392), Ушосдор (205), Хлебозавод (152), ремонтная контора (130) и совхоз (97 человек). В 1940 году население города перевалило за 7 тысяч. А в санаториях было 3 тысячи отдыхающих. Ежедневно в утреннем поезде Ленинград-Райвола было 4 вагона для едущих по турпутевкам в Териоки.

В городе открыт детский сад на 50 мест, финский лицей и клуб шюкора оборудованы под школу. В кирхе открыт кинотеатр на 300 мест. Примечательно, что появились кинотеатры в Келломяки (100 мест) и Оллила (180 мест). В сентябре в двухэтажном здании на Березовой улице был открыт Дом художественного творчества и спорта.

Зимой 1940-1941 годов идет восстановление вокзала. В феврале-марте в Келломяках началось строительство нового дачного поселка. К 20 мая 1941 года действуют уже 29 организаций (2600 человек), в том числе клуб, летний и зимний рестораны, 4 дома отдыха и санаторий, Осавиахим и ДСО «Медик». Дорога на Териоки становится одной из самых оживленных под Ленинградом.

22 июня 1941 года началась война с Германией, а 26 июня 1941 года объявила войну и Финляндия. Уже в июле был сформирован истребительный батальон из добровольцев Райволы, Териок и Сестрорешка. 20 августа в Териоках началась эвакуация. 29 августа финские войска заняли Выборг, а 31 августа у Пухтоловой горы был сброшен первый десант. В тот же день противник, обладая превосходящими силами, развернул наступление на Териоки. С Пухтоловой горы ополченцы видели зарево пожаров над Териоками. Послали разведку - город пуст, дома горят, хлебозавод разрушен, здание райкома сгорело. Сдерживая наступление противника, отдельные роты батальона отходили до реки Сестры и Ржавой канавки, где и заняли оборону...

Из 7300 прежних жителей Терийок, эвакуированных в Финляндию, около 3 тысяч были размещены в общине Туусула, в 20 километрах севернее Хельсинки. Руководство общины направило в Терийоки свое представительство. Однако находиться в городе было опасно, поэтому центр деятельности перенесли в Пухтула (Решетниково).

Всего вернулось 172 человека, из них 150 - в Пухтула. Прочие с нетерпением ожидали времени выезда. Но со временем лишь увеличилось количество могил возле Терийокской кирхи. И когда 10 июня 1944 года буря с востока разразилась с новой силой, надо было спешно уходить...

Бои за освобождение Карельского перешейка от финнов начались с прорыва на реке Сестре. Утром 10 июня 1944 года после авиационной и артиллерийской подготовки танки, увлекая за собой пехоту, прорвали оборону противника и в первый же день продвинулись на глубину до 14 км. 12 июня около 17 часов дня советские танки и пехота ворвались в Териоки.

Город был окутан дымом. Большинство каменных домов было взорвано. На перекрестках и в подвалах были оборудованы многочисленные огневые точки, доты, дзоты. К 18 часам город был освобожден от противника.

ИЗ ТЕРИЙОКИ - В ЗЕЛЕНОГОРСК

Три четверти всех зданий было разрушено или сожжено. Во всем городе было лишь 100 пригодных для жилья домов. На Виертотие (пр. Ленина) оставалось лишь 5-6 пригодных для восстановления каменных зданий. После восстановления там разместились магазины, типография, госбанк и некоторые другие учреждения.

В Териоки было переселено 360 семей рабочих, а в его окрестности - 1500 семей колхозников. Проведена временная электропередача из Куоккала. Из Ленинграда раз в сутки стал ходить паровоз с двумя вагонами.

Осенью 1944 года открыта 445 средняя школа в деревянном двухэтажном здании на Приморском шоссе; ее первый выпуск, 10 человек, состоялся в 1948 году.

В начале 1945 года в Териоках было уже 1645 жителей. 22 августа 1945 года Каннельярвский район переименован в Райволовский. На 1 июля 1946 года постоянное население города составляло уже 3120 человек. В Куоккале за год население выросло со 105 до 890 человек. Наибольший прирост - по 400 человек, вероятно, оргнабор - зимой 1945-1946 годов и осенью 1946 года. В сентябре 1945 года здесь действовало 13 домов отдыха с персоналом по 15-20 человек.

В 1945 году в Териоках работали: кинотеатр «Победа», Дом культуры, городская библиотека, швейно-обувная артель, ателье Ленодежды, две столовые и два ларька. В средней школе - 17 классов и 218 учащихся. В уцелевших дачах организованы первые здравницы - «Санаторий ЦК Вооружений», «Санаторий Союза Боеприпасов», «Санаторий детский оздоровительный», «Санаторий Ленгорсуниверситета».

Обезврежены тысячи мин, гранат и снарядов. Начала работать пекарня, потом и хлебозавод, открылась баня,

восстановлена больница.

21 августа 1946 года был упразднен Териокский горсовет и образован Курортный район города Ленинграда, в состав которого вошли территории Куоккаловского, Келломьякского, Тюресевского поселковых советов, объединивших десятки селений и хуторов с финскими названиями.

1946-1950 годы были годами восстановления и «политического освоения» Курортного района с центром в городе Териоки, указом Президиума Верховного Совета СССР от 1 октября 1948 года переименованного в Зеленогорск.

Появляется местная газета, из номера в номер печатающая фотоснимки сказочно красивых дач. В Комарово построен городок академиков, открылся дом творчества писателей. В 1950-е годы на побережье до границы с Сестрорецком оборудованы 5 пляжей. В полтора раза расширен Зеленогорский сад отдыха. Построены новая летняя эстрада, лекторий и танцплощадка. В 1953 году на «Золотом пляже» появился яхт-клуб и лодочная станция.

К 1950 году реконструирован вокзал, а на станциях Солнечное, Репино и Комарово построены пассажирские павильоны. Количество электричек на Ленинград достигает в 1959 году более 40 в сутки.

В доме культуры проводились «кинопоказы» и литературные вечера; работали кружки, был духовой оркестр и хоровой ансамбль. При местной газете «Ленинградская здравница» действовало литературное объединение.

В 1951 году была построена новая «школа-дворец» на 880 учащихся; в 1958 году подобная же, только на 440 учащихся построена в Репино. Стал работать Дом пионеров. В 1958 году открылась детская музыкальная школа.

Статуправлением в 1953-1954 годов учтено 44 здравницы на полмиллиона отдыхающих. Среди домов отдыха 19 принадлежат ВЦСПС, остальные - для студентов и инвалидов войны; еще 5 домов творческих союзов. Наибольшее количество мест(40%) и отдыхающих (34%) приходится на Зеленогорск. За ним следует Ушково, далее - Репино, затем

Молодежное и Смолячково.

В Зеленогорске шло активное жилищное строительство. Именно в это время построено большинство «сталинских» домов в неоклассическом стиле. В 1958 году открыто внутригородское автобусное движение и автобусная связь с Ленинградом, а также водное пассажирское сообщение с Ленинградом (теплоход «Зеленогорск» на 147 мест) и прогулочные рейсы в Петродворец.

12 мая 1959 года указом Президиума Верховного Совета РСФСР упразднен Курортный район города Ленинграда и образован Зеленогорский горсовет. Территория присоединена к Сестрорецкому району города Ленинграда; Зеленогорский горсовет и поселковые советы были подчинены Сестрорецкому совету депутатов трудящихся. В августе 1959 года решением Исполкома Ленгорсовета упразднен Ушковский поселковый совет; поселки Ушково, Серово, Молодежное и Смолячково присоединены к Зеленогорску. С потерей «самостоятельности» город медленно, но уверенно шел к своему упадку. За 15 лет с 1958 по 1974 годы его бюджет сократился в 20 раз. Численность населения с 1965 по 2000 годы сократилась на 3000 человек (25%).

Общее количество здравниц в Зеленогорске и прилегающих поселках в 1950-1960-х годах доходит до 130. В 1968-1970-е годы в числе наиболее крупных были профсоюзные здравницы - «Восток-6», Дом отдыха им. Горького, «Ленинградец», «Черная речка», «Репино», «Буревестник», а также «Морской прибой», Дом отдыха имени Джузеппе ди-Витторио и «Энергетик».

В послевоенные годы центр отдыха творческой интеллигенции переместился в ближайшие окрестности Зеленогорска - Комарово и Репино. Здесь располагаются несколько домов отдыха для творческих работников - писателей, архитекторов, кинематографистов, композиторов, театральных деятелей. Этот период жизни Зеленогорска связан с такими выдающимися именами деятелей отечественной науки и культуры как Д.Лихачев, Д.Шостакович, А.Ахматова, Н.Альтман, Н.Черкасов, В.Соловьев-Седой...

Келломьяки – маленькая станция Финляндской железной дороги, облюбованная петербургскими дачниками в начале XX века, вряд ли когда претендовала на всемирную известность. Но именно эту известность и славу принесли посёлку, носящему негромкое имя – Комарово, её обитатели, многие из которых нашли здесь и свой последний приют на скромном погосте у Шучьего озера.

Слава пришла к посёлку, когда после войны эту живописнейшую местность: песчаные дюны и заповедные реликтовые леса – облюбовали писатели, композиторы, деятели науки и культуры, когда появились здесь дома творчества и городок академиков.

Именно здесь появились и «Приморский сонет» Анны Ахматовой и «Подмосковные вечера» Василия Соловьёва-Седого (по легенде, вечера сначала были петербургскими).

Здесь родилась 11 симфония Дмитрия Шостаковича и Первый виолончельный концерт, впервые исполненный среди комаровских сосен Мстиславом Ростроповичем. Сюда, на скромную дачу приезжали за советом и словом к Дмитрию Сергеевичу Лихачёву самые известные российские политики, желавшие почерпнуть мудрости. Тут отдыхали Георгий Товстоногов, Евгений Лебедев, Николай Черкасов, Галина Уланова... Здесь и сегодня можно встретить и кумиров театра, и звёзд кино, и корифеев науки, и тех, кто вершит судьбами Санкт-Петербурга.

Здесь нет суеты и чопорности, здесь проспекты плавно превращаются в лесные тропинки, «здесь хорошо» – писал Д.Шостакович в одном из писем.¹

На комаровском погосте в вечном покое среди тенистых елей звучат как музыка великие имена ушедшего века: Баснер, Альтман, Слонимский, Резников, Курёхин...

Словно страницы недописанных книг шелестят листья над могилами Дмитрия Лихачёва, Ивана Ефремова, Веры Пановой, Бориса Мейлаха... И у медного чеканного креста слышатся бессмертные строки Анны Ахматовой:

Здесь всё меня переживёт,
Всё, даже ветхие скворешни
И этот воздух, воздух вешний,

Морской свершивший перелёт.
И голос вечности зовёт
С неодолимостью нездешней.
И над цветущею черешней
Сиянье лёгкий месяц льёт.
И кажется такой нетрудной,
Белея в чаше изумрудной,
Дорога не скажу куда...
Там средь стволов ещё светлее,
И всё похоже на аллею
У царскосельского пруда.²

«Хочется мне в Комарово» - писал Дмитрий Дмитриевич Шостакович и пояснял: «Очень многое связано в моей затянувшейся жизни с этим местом». Связь касалась семьи: здесь росли дети - дочь Галина и сын Максим, сюда постоянно приезжал Шостакович с их матерью Ниной Васильевной, после ее смерти - со второй женой, брак с которой не удался; потом, когда женился на Ирине Антоновне Супинской, она тоже полюбила живописный Карельский перешеек. - пишет друг и биограф композитора Софья Хентова, живущая теперь каждое лето по соседству с роялем Шостаковича в Репино³. - Но главное в том, что именно здесь Шостаковичу хорошо работалось, сюда он сбегал из шумной Москвы, чтобы самозабвенно отдаться сочинению музыки.

Впервые Д.Д. Шостакович появился вблизи Зеленогорска в 1940 году, последний раз приехал сюда в мае 1975 года, за два с половиной месяца до смерти, когда был тяжело болен и даже из автомобиля не мог выйти самостоятельно. Хорошо помню тот май, когда все мы ошушали тень, омрачившую ясную и солнечную весну 1975 года.

Шостакович в Ленинград не ездил, иногда выходил на лужайку у коттеджа и сидел на скамейке. Солнце будто не касалось его лица, оставшегося бледным. И все-таки он не походил на старика, несмотря на гнетущую малоподвижность оставался порывистым; сохранившиеся детская наивность и простодушие придавали его облику неповторимую трогательность.

Последнее сочинение Шостаковича - Альтовая Соната была задумана здесь, в коттедже № 20 Дома Творчества

Композиторов, на пятидесятом километре у Финского залива. Этот коттедж состоит из трех небольших комнат. Дверь с веранды ведет в кабинет, где большую часть пространства занимает рояль «Ферстер». У окна - небольшой письменный стол с телефоном, напротив рояля - диван. К спальне примыкает гостиная, обставленная более нарядно: мягкие кресла, сервант с посудой, телевизор, чтобы большой не лишался удовольствия смотреть футбольные и хоккейные матчи.

Распорядок его в Репино был твердым. Вставал, как обычно, в шесть часов утра и до завтрака успевал поработать. «День свой - надо продлевать с самого начала», - замечал он. Когда еще мог ходить, в одиночестве выходил на узкую дорожку в лесу, названную почему-то Лермонтовским проспектом. Иногда переходил шоссе, чтобы отдохнуть на берегу Финского залива. Купаться не любил: очки мешали.

В Репино он много потрудился. В книге записей, где композиторы отмечали то, что каждый из них в Доме Творчества сделал, Шостакович записал: «Когда я бываю в Репино, то много работаю. В 1973 году, будучи в Репино, я сочинил свой Четырнадцатый Квартет. В январе 1974 года сделал редакцию для Камерного оркестра моей Сонаты для контральто на стихи Марины Цветаевой». К этому перечню можно добавить и Десятую, Пятнадцатую Симфонии, романсы на стихи М. Лермонтова, Кантату «Над Родиной нашей солнце сияет», пять романсов на стихи Е. Долматовского, музыку к многим кинофильмам.

Здесь, в Репино Шостаковича навестила Анна Андреевна Ахматова, проводившая летние месяцы неподалеку, у дороги на Шучье озеро. Поздно, но все-таки увиделись художники во многом общей судьбы. Ахматова в стихотворении, многозначительно посвященном Д.Д. Шостаковичу, поведала, что значила для нее музыка Шостаковича:

*В ней что-то чудотворное горит,
И на глазах ее края гранятся.
Она одна со мною говорит,
Когда другие подойти боятся.*

*Когда последний друг отвел глаза,
Она была со мной в моей могиле
И пела, словно первая гроза,
Иль будто все цветы заговорили.*

Шостакович ответил ей музыкальным воплощением стихотворения Марины Цветаевой «Анне Ахматовой»:

*... В певучем граде моем купола горят,
И Спаса светлого славит слепец бродячий...*

*- И я дарю тебе свой колокольный град,
Ахматова! - и сердце свое в придачу.*

В общей сложности Шостакович провел в Репино, начиная с 1961 года, двадцать месяцев... Двадцатый коттедж так и стали называть Шостаковическим.

Стоит указать еще два адреса, важных для жизни

Шостаковича: это дом на Большом проспекте 18, поселка Комарово, предоставленный Шостаковичу в аренду в 1940-1941, 1946-1952 годах, и дачу на Четвертом Курортном переулке, 10, выстроенную его тестем.

В 1947 году в кабинетике дома на Большом проспекте, на втором этаже была написана Поэма о Родине для меццо-сопрано, тенора, двух баритонов, баса, хора и оркестра - сюиты из песен, характерных для разных периодов отечественной истории. Сочиняя сюиту, Шостакович сообщал: «Я живу прекрасно. Наслаждаюсь природой. Здесь хорошо, хотя и бывают дожди».

Как-то Д.С.Лихачёв на вопрос о людях, сделавших славу и гордость петербургских курортов, заметил: «В Терийоках, пожалуй, бывали все. Кроме Ивана Бунина». Здесь действительно во все времена можно было встретить самых неожиданных людей. В 50-е годы Лихачевы жили на госдаче в Зеленогорске, рядом с ними находился удивительный дом. «Постояльца мы никогда не видели, - рассказывал Дмитрий Сергеевич. - В доме горел свет, к нему подъезжала машина, выгружала продукты, какие-то вещи, но жилец никогда не выходил из дома. Все соседи были озадачены, но проявлять интерес в те времена было, по крайней мере, неосмотрительно. Дачу охраняли сотрудники НКВД, поэтому о ее жильце мы могли только строить догадки. Через много лет выяснилось, что на этой даче жил убийца Троцкого, Герой Советского Союза Рауль Меркадер.»

Сам Дмитрий Сергеевич последние годы жил на своей скромной даче в городке академиков в Комарово, прогуливался по тенистым “проспектам”, заботливо ухаживал за безвестной могилой какого-то композитора, сохранившейся на Комаровском кладбище с XIX века, в 1999 году на этом же кладбище он и сам нашел последний приют рядом с могилами своих близких.

В конце 80-х годов в Зеленогорске возрождается духовная жизнь. В 1988 году зарегистрирована православная община, и в 1989 году ей передана церковь - красивейший Храм Казанской иконы Божией Матери, служивший в советское время продовольственным складом. На его

освящение в 1990 году прибыл Патриарх Московский и Всея Руси Алексий II.

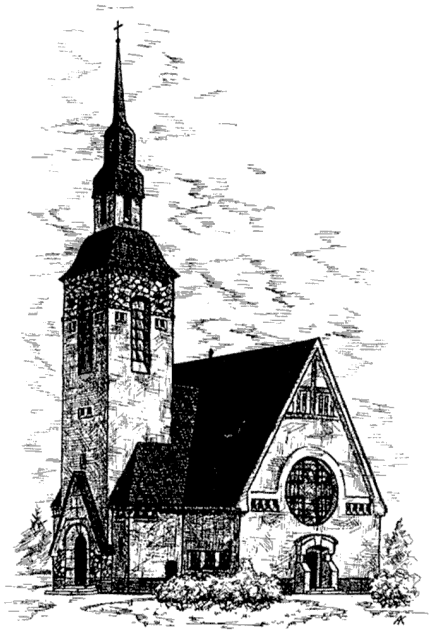
В 1990 году принимается решение о передаче верующим здания Терийокской кирхи, которое использовалось несколько десятилетий как кинотеатр. Правда сам процесс передачи здания затянулся на 9 лет, и был разрешен только к началу третьего тысячелетия.

В городе возрождается издательское дело. С 1990 года в Зеленогорске выходит газета «Зеленогорский вестник», в 1994-1996 годах - «Петербургские курорты», к 450-летию юбилею города при участии академика Д.С.Лихачева выходят два тома «Терийокского альбома».

В 1989 году Зеленогорск получил статус «города в городе», такой же как у Павловска и Ломоносова. Разрабатывалась программа превращения этой территории в курорт федерального значения. К большому сожалению, зеленогорские власти не смогли воспользоваться открывающимися перспективами. В 1994 году престижный статус был утрачен. Многие памятники архитектуры исчезли в смутное время строительства новой России. Зеленогорск с ожерельем окружающих его поселков вошел в состав Курортного района Санкт-Петербурга с центром в Сестрорецке. Начался новый этап освоения территории - массовое коттеджное строительство, порой сопровождаемое изменением природного ландшафта, изменением социокультурной среды этого уникального места.

В 1997 году Зеленогорск стал муниципальным образованием в составе Санкт-Петербурга, такой же статус получили отделенные от него поселки: Репино, Комарово, Ушково, Молодежное, Серово, Смолячково.

Но в памяти старожилов: финнов и русских, приезжающих из Ярвенпяя, куда перебралась терийокская община в 1939 году, в памяти петербургской интеллигенции, воспитанной на териокских традициях, эта местность от «Пенат» до «Мариок» продолжает оставаться теми знакомыми и любимыми Териоками, которые вдохновляли и вдохновляют своим неуловимым очарованием.

ПРИМЕЧАНИЯ

НЕВЕЛИК ГОРОДОК

1. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С.8.
2. По материалам А.К.Молчанова.Из архива редакции газеты "Зеленогорский вестник".
3. Молчанов А.К. Исторический фон первого упоминания о Терийоки./ /Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т.2. С. 46.
4. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С.25.
5. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 21.
6. Там же. С. 8-9.
7. Мандельштам О.Э. "Шум времени" Л.1925. с.102
8. Terijoen opas.- Terijoki, 1925.Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С. 27.
9. Молчанов А.К. Из истории улиц Терийоки-Зеленогорска.// Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 9-10.
10. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С. 60-63.

ДЫХАНИЕ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

1. По материалам Б.Е.Казанкова и К.Ю.Виноградова. Из архива редакции газеты "Зеленогорский вестник".
2. Все цитаты приводятся по: К.Ю.Виноградов. Дачный театр с Мейерхольдом . //Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 30-35.
3. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 30.
4. Все цитаты приводятся по: Б.Е.Казанков. Леонид Андреев в Финляндии. //Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 36-37.
5. Все цитаты приводятся по: Б.Е.Казанков. Чуковский в Куоккале. // Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 39-44.
6. Кириллина Е.В. Пенаты. СПб. "Зеленогорский вестник". 1999.
7. "Мы были соседями Репиных". Перевод А.К.Молчанова.//Зеленогорский вестник2. 1.12.2000.
8. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 45.
9. Там же. С. 45.
10. Там же. С. 46.
11. Там же. С. 47.
12. Все цитаты приводятся по: К.Ю.Виноградов. Сказки и сны Мариок. //Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 47-50.

ЭМИГРАНТЫ ПОД ПОКРОВИТЕЛЬСТВОМ СЕПАРАТИСТОВ

1. По материалам Г.С.Усыскина. Все цитаты по: Г.С.Усыскин. Пааво Какко - полицейский и революционер. // Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С. 56-59.
2. По материалам Г.С.Усыскина. Все цитаты по: Г.С.Усыскин. Георгий Гапон в Териоках. //Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 55-58.
3. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С. 26.
4. Там же. С. 26.
5. По материалам Г.С.Усыскина. Все цитаты по: Г.С.Усыскин. Микко Уотинен - человек и символ. // Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С. 47-56.
6. Териюкские годы: слышанное, виденное, пережитое в Оллинпяя. Хельсинки. 1992. Сс.178-185. Перевод А.К.Молчанова.

ТЕРИЮКСКИЕ ХРАМЫ

1. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С. 22-25.
2. Там же. С. 25-26.
3. Там же. С.26.
4. Там же. С.26.
5. Там же. С.28.

В НЕЗАВИСИМОЙ ФИНЛЯНДИИ

1. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С.59-62 .
2. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1999. Т. 2. С.28 .
3. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С.63 .
4. Там же. С.64.
5. Terijoki Helmi heledn lahden: kotiseutunuistija, III // Terijoki-Seura ry.-Gummerus kirjaino, Jyvdskyld. 1989. Сс.159-165 Перевод А.К.Молчанова.
6. Лампэн-Изо-Кейсари Эрнст. Соблазны Териюк.//Каннаксен Лехти. 20 июля 1934г. Перевод А.К. Молчанова.
7. Цит. по: Terijoki Helmi heledn lahden: kotiseutunuistija, III // Terijoki-Seura ry.- Gummerus kirjaino, Jyvdskyld, 1989. Перевод А.К.Молчанова.
8. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С.19 .
9. Там же. С.20.
10. Барышников В.Н. Териюкское правительство. //Зеленогорский вестник2. 1.12. 2000г.

ИЗ ТЕРИЮКИ - В ЗЕЛЕНОГОРСК

1. Цит.по: Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. СПб., 1998. Т. 1. С.66 .
2. Там же. С.108.
3. Там же. С.65.

- "Зеленогорский вестник" 1990-1994гг.
 "Зеленогорский вестник 2" 1997-2001гг.
 "Петербургские курорты" 1994-1995гг.
 "Северный дачный листок", СПб, 1908.
 Барышников В.Н. От прохладного мира к зимней войне: Восточная политика Финляндии в 1930-е годы. СПб, 1997.
 Миролюбов П. Русская жизнь в Териоках. // "Наша жизнь" Хельсинки. 1990 - 1991.
 Пышновская О.М., Усыскин Г.С., Зеленогорск, Л., 1978.
 Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. 1548-1998. Т.1. Под редакцией К.В.Тюникова. СПб. 1998.
 Терийоки-Зеленогорск. История, культура, традиции. 1548-1998. Т.2. Под редакцией К.В.Тюникова. СПб. 1999.
 Туокко Кайно "На границе неспокойно".АО Офсет Саариярви, 2000.
 Тюников К.В. Курорты Петербурга 1900-2000.// "Весь Курортный район" №1. СПб. 2001.
 Aejmelaus, Salme. Terijoen vuokot.- Ндмеенlinna, 1998.
 Aejmelaus, Salme. Tdtytd едмдд: neljdn sukupolven tarinaa.- Ндмеенlinna, 1994.
 Aejmelaus, Salme. Marraskuun vuokot: vanhempieni tarinaa.- Ндмеенlinna, 1991.
 Aejmelaus, Salme. Kaksi lakeutta: isovanhempieni tarinaa.- Ндмеенlinna, 1989.
 Arvidson. Adolf Ivar. Handlingar till upplyshing af Finlands Hafder, I-X. - Stockholm, 1846-1858. - VI.
 Heikkild, Ritva. Terijoen vuodenajat: Ollinрдстд култua, ндhtyd ja koettua.-Helsinki,1991.
 Heikkild, Ritva. Kulstaisten rantojen Kannas.-Ндмеенlinna, 1986.
 Heikkild, Ritva; Mannermaa, Esko. Aurinkorantojen Terijoki.- Ндмеенlinna, 1985.
 Heino-Vesihiiisi, Maija (toim.) Kouluelдмд ja едмднкoulua Terijoellд: Terijoen yhteislyseo 1907-1992.-Helsinki,1991
 Kaila, Osmo I. Viimeinen kesдloma.- Porvoo, 1980.
 Koukku, Laila. Terijoen paikannimistoa: laudatur-tyц.-Helsingin yliopisto, 1957.
 Kahonen, Ester. Vanha Ayraraa, I. - Helsinki, "Kirja - MONO Oy", 1959.
 Kдhцnen, Ester. Entinen Terijoki: kylдnmujstoja.-Kouvola, 1982.
 Paloposki, Antti. Rajalla on rauhallista.- Otava, 1936.
 Terentild, Jaakko. Huvilakujan Josi.- 1953.
 Terijoki-kirja/Teri-сддтц.-1951.
 Terijoki: paratiisi meren rannalla/toimikunta.-Karisto Oy, 1982.

Terijoki: unelma ennen myrskyä/ toimikunta.-Karisto Oy, 1984.

Terijoki: lumottu ranta/ toim. Aejmelaeus.-Karisto Oy, 1987.

Terijoki: helmi heledn lahden/Terijoki-seura ry.-1989.

Удгги, Matti. Kannaksen osuusliike, aikakautensa edellkdvjld.-Helsinki, 2000.

Terijoki Paratiisi meren rannalla: kotiseutumuistoja, I // Toimik. Salme Aejmelaeus, Ritva Heikkilä, Esko Mannermaa, Kalevi Tilli.-Arvi A.Karisto Oy:n Kirjaino, Hdmeenlinna, 1982.

Terijoki Unelma ennen myrskyä: kotiseutunuistija,II // Toimik. Ritva Heikkilä, Salme Aejmelaeus, Martti Kokko, Esko J. Mannermaa, Kalevi Tilli.- Arvi A.Karisto Oy:n Kirjaino, Hdmeenlinna, 1984.

Terijoki Helmi heledn lahden: kotiseutunuistija, III // Terijoki-Seura ry.- Gummerus kirjaino, Jyvdskyld,1989.

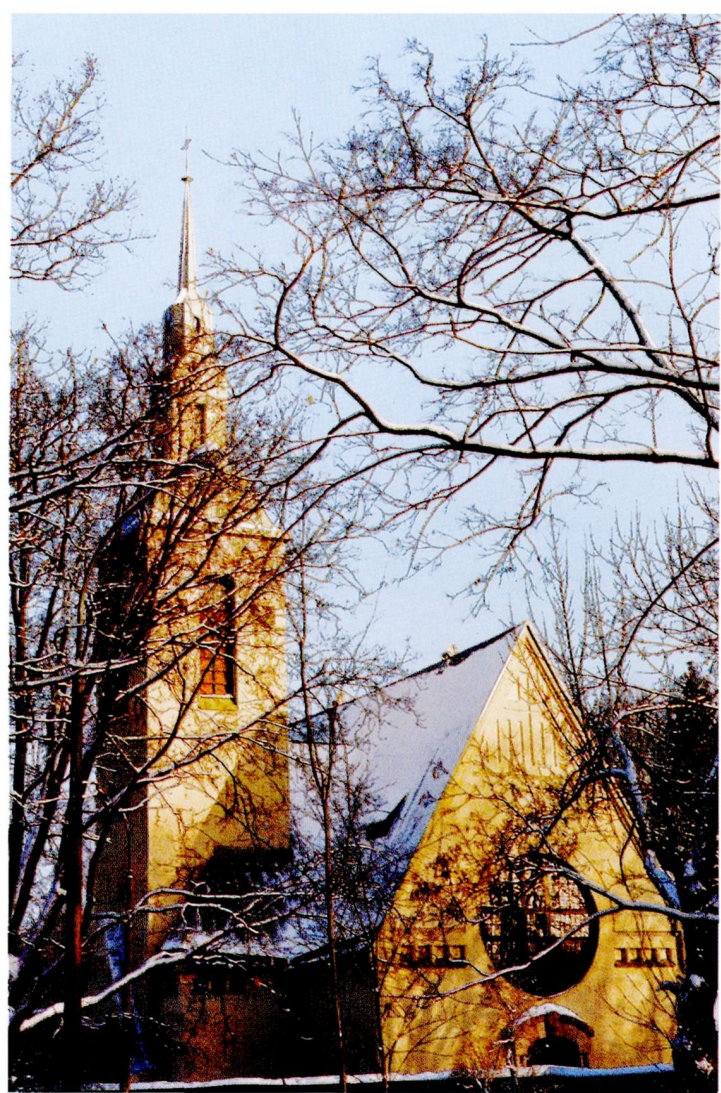
Terijoen opas.- Terijoki, 1925.

Зеленогорск. Особняк "Айнола". Начало XX века.

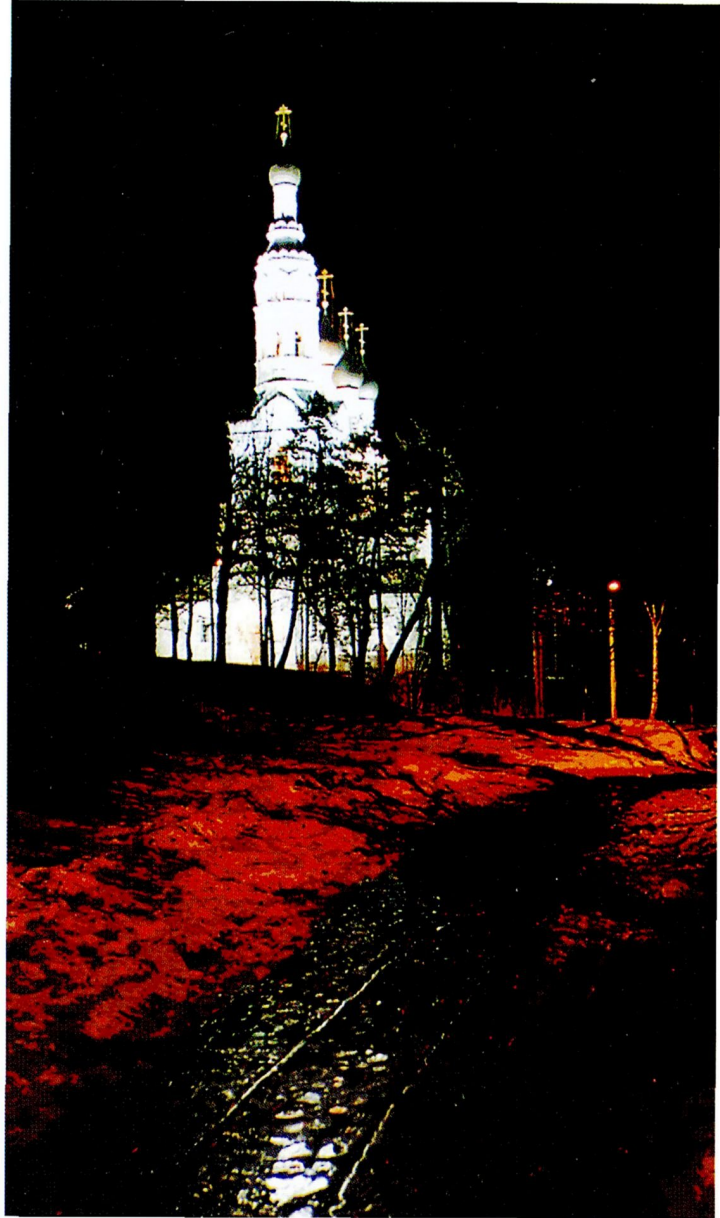
Зеленогорск. Деревянная дача в стиле "модерн".
Начало XX века.

Зеленогорск. Лютеранская Кирха.
Архитектор Й.Стенбэк. 1907-1909гг.
Фото А.Жукова.

Зеленогорск. Храм Казанской Иконы Божией Матери.
Архитектор Н. Никонов. 1910-1915гг.
Фото А.Жукова.

Репино. Усадьба И.Репина "Пенаты". Начало XX века.
Мастерская художника.
Фото Е.Кириллиной

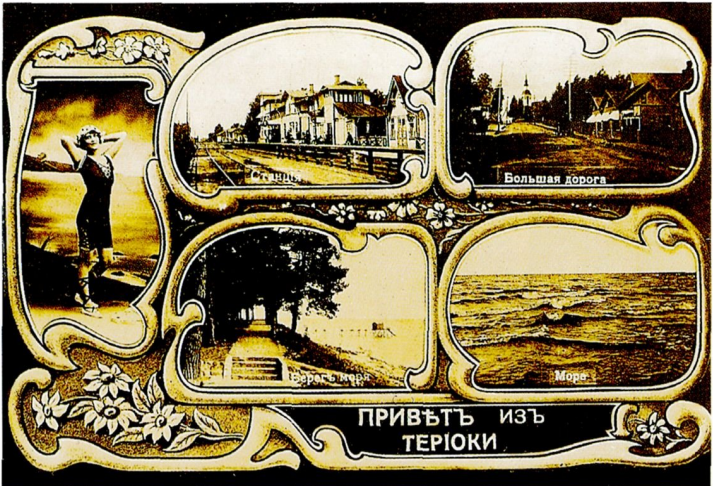

Зеленогорск. Дача "Снежинка". Начало XX века.
Фото А.Жукова

Зеленогорск. Дача на территории санатория "Северная Ривьера". Начало XX века.

Почтовые карточки.
Начало XX века.

1548
2008

